

СЕРГЕЙ ГОЛИЦЫН * ТАЙНА СТАРОГО РАДУЛЯ

СЕРГЕЙ ГОЛИЦЫН

ТАЙНА
СТАРОГО
РАДУЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ВИД СЕЛА РАДУЛЬ

СЕРГЕЙ
ГОЛИЦЫН

ТАЙНА СТАРОГО РАДУЛЯ

Повесті

Издательство „Детская литература“
Москва · 1972

Приключенческая повесть об одном пионерском отряде, который отправился летом путешествовать и неожиданно остался без начальника похода.

Что делали ребята, какие интересные события с ними происходили, что им удалось найти, кого поймать — обо всем этом вы прочитаете в книге.

РИСУНКИ А. ИТКИНА

Глава 1

ОБ ОДНОМ ПОЧТЕННОМ ЧУДАКЕ, О ПРЯМОМ ВИТЯЗЕ, О СВЕТЕЛОЧКЕ

Было совсем темно. Ветер налетал порывами и злобно выл. В лесу и в овраге скрипели невидимые деревья. Дождь хлестал по лицу, слепил глаза. Внизу под горой шумели волны в реке.

Два мальчика осторожно, ощупью раздвигали мокрые кусты, молча поднимались в гору. Они видели тусклый свет в крохотном окошке — то ли близко, то ли далеко — и пробирались вперед, не обращая внимания на дождь.

Идти им было трудно: их ноги скользили, невидимые ветви хлопали их по головам. Но впереди мерцал огонек, и они шли один за другим, шли настойчиво и упорно к этому огоньку, изредка глухо перебрасываясь отрывистыми словечками. Тот, кто шел сзади, упал, передний обернулся, помог другу встать. Оба двинулись дальше. Наконец вышли из кустов.

Подойдя к окошку, они увидели худощавого, длинноносого, пожилого дядю в очках. Он сидел посреди тесного дощатого сарайчика, наклонившись над столиком, и писал при свете керосиновой лампы. Мальчики остановились в нерешительности, с интересом начали наблюдать... А дядя в окошке все писал и писал, не отрываясь. Его авторучка быстро бежала по бумаге... Мальчики видели, что слова, как бусы, нани-

зывались в строчки... Дописав до конца страницу, дядя взял другой лист, опять наклонился...

А дождик, хоть и теплый, все хлестал и хлестал мальчиков по спине, по лицу...

Жил в Москве детский писатель. Звали его Георгий Николаевич.

Когда-то он окончил медицинский факультет и стал работать врачом в одной из московских детских больниц и тогда же начал писать книги — приключенческие повести для ребят среднего школьного возраста. Но днем лечить юных пациентов, беспокоиться за их здоровье, а по вечерам забывать о больных и углубляться в свои рукописи он не мог. Надо было выбирать что-то одно. И тогда Георгий Николаевич, после долгих колебаний, подарил свой стетоскоп одной молодой докторше и остался только детским писателем.

Среди других работников пера он слыл чудачком, потому что не только книги писал «для детей среднего и старшего школьного возраста», но еще подружился с одной московской школой, да так подружился, что каждый год на летние каникулы отправлялся с тамошними ребятами, шести- или семиклассниками, в дальний пеший туристский поход.

Считали его чудачком и за другое: он хорошо знал и любил русскую историю. И потому отправлялся с ребятами не в Крым, не на Черноморское побережье Кавказа, где на пляжах нежатся и томятся тысячи взрослых и юных, а водил школьников все больше по старым русским городам.

Перед тем как отправляться в поход, он неизменно говорил своим будущим спутникам:

— Буду вам показывать старину, мне очень хочется, чтобы вы полюбили русскую историю.

Так проводил он лето. А зимой писал книги, исторические повести о тех городах, где побывал с юными туристами, писал о разных приключениях во время походов. Его книги ре-

бята всей страны хорошо знали, читали их с интересом, случалось, писали ему письма, на которые он аккуратно отвечал...

Но годы шли, и все труднее становилось напяливать на плечи тяжелый рюкзак. И наконец наступили такие летние каникулы, когда он вынужден был сказать своим друзьям-школьникам:

— Нет, детки, ищите себе другого руководителя похода.

И он остался в Москве и заскучал без ребят. Он становился все более раздражительным и говорил, как ему трудно книги писать. Играло у соседей радио, и у него начиналась головная боль. В театре, в кино или по телевизору показывали такое, что надо было обязательно пойти посмотреть, а на следующий день он черкал и перечеркивал целые страницы. Постоянно приглашали его в гости, на заседания или совещания, и тогда он с горечью откладывал рукопись и уходил из дому. А то в самый-самый трепетный час, когда вылеплялись удачные строчки, вдруг выпрыгивал самый коварный писательский враг — раздавался звонок телефона.

В конце концов Георгий Николаевич объявил своей жене Настасье Петровне, что работать над новой исторической повестью в условиях московской квартиры он больше не может.

И тогда супруги начали мечтать о том, чтобы купить где-нибудь в тихой деревушке на берегу красивой реки домик, где никто и ничто не будет их отвлекать.

Георгий Николаевич любил читать труды ученых-историков. Однажды, роясь на полках букинистического магазина, он наткнулся на старинную книгу в кожаном переплете — «Легенды и предания Владимирской губернии, записанные со слов местных жителей». Он сейчас же купил увесистый том и за два дня прочел его с начала до конца.

Его привлекла одна поэтичная легенда: «О происхождении древнего села Радуль» (с ударением на первом слоге).

Будто бы там, где находится это село, рос когда-то на вы-

соком правом берегу Клязьмы дремучий сосновый бор. Проплывал мимо на ладьях со своей дружиной некий витязь. Возвращался он с дальнего похода из неведомого царства и вез с собой молодую красавицу жену. Остановился он на берегу под горой возле устья малой речки Нуругды ночевать. Утром вышел из шатра, поднялся на высокую гору, глянул вверх по реке, глянул вниз по реке... Далеко, голубой и широкой дорогой, расстилалась перед ним полноводная Клязьма. Глянул он на тот берег. А там клязьменская зеленая пойма раскинула на многие версты болота да озера, темные ольховые да лозовые рощи. А еще дальше начинались леса и где-то пропадали в синей дымке...

И обрадовался витязь, глядя на такую красоту неописанную, на такой простор великий, и пожелал тут на горе поселиться. Повелел он дружинникам срубить терем высокий, узорчатый, откуда будет видно далеко, и назвал он это место Радуль.

И зажил витязь в том тереме с молодой женой, и была между ними любовь, как у сокола с соколицей.

А потом стали вокруг селиться жители, раскорчевали они ближние леса, распахали землю и начали строить из белого камня то ли церковь, то ли терем. Навезли этого камня многие воза, позвали мастеров-камнечесцев. Стали мастера долотьями да молотками камни тесать, дивные узоры высекать.

А тут неожиданно-негаданно беда пришла: некая страшная болезнь пала на землю русскую. Вымирали села и города целиком, до последнего жителя. За одну ночь скончались витязь и его молодая жена и многие радуляне. Осталось то здание — церковь либо терем — недостроенным.

С тех страшных времен прошло много лет. Где стояло то здание, никто не знает; и как звали того витязя и его жену, позабыли.

Вновь стало расти и множиться село Радуль. Жители его построили церковь, но деревянную. Когда же она обветшала,

воздвигли другую, высокую и стройную; низ ее был из белого камня, а верх — кирпичный, побеленный. И стоит та церковь вот уж более трехсот лет.

Георгий Николаевич как прочел это предание, так загорелся.

Был он эдаким беспокойным непоседой и решил на следующее лето отправиться с ребятами в совсем маленький и нетрудный поход, отправиться туда, за Владимир, где на берегу Клязьмы находилось то село со столь поэтичным названием.

Вряд ли особенно изменились те края за несколько веков.

Георгию Николаевичу так не терпелось, что он едва мог дожидаться летних каникул. Отряд отправился в путь в первых числах июня. Поехали на электричке Москва — Горький. В одном городе слезли, прошли пешком семь километров, наконец прибыли.

И Георгий Николаевич сразу понял, что лучшего места для житья ему не сыскать. Он увидел реку широкую, берег высокий, село на горе с белой стройной церковью XVII века, увидел раздолье на тридцать километров... И вдохнул он полной грудью чистый воздух ближнего соснового леса... И забилось его сердце от радости...

От Москвы было, правда, далековато, но ему не показалось это препятствием.

Домов в селе он насчитал не более тридцати, все деревянные, под железными крышами, поверх срубов обшитые дощечками, покрашенные разными красками, принаряженные тонкой резьбой.

И только самый крайний домик, у заросшего черемухой оврага, оставался бревенчатым и серым, окна его были заколочены, а густой бурьян заполонил весь огород. Георгий Николаевич узнал, что старики хозяева умерли, молодые в ближний город подались, а сам тот невзрачный дом продавался.

Недолго думая вызвал Георгий Николаевич свою Наста-

сью Петровну телеграммой: дескать, приезжай и деньги привози. А пока, в ожидании жены, он поселился со своими юными спутниками в палатках под горой, там, где овраг выходил к берегу Клязьмы.

Приехала Настасья Петровна и пришла в такой восторг от радульской красоты и приволья, что решила не откладывать дела и сейчас же покупать запустелый домик.

А через неделю счастливые новоселы переехали на новое местожительство.

Сперва, как вошли, страшно им показалось: в нос ударил затхлый дух плесени и было в двух комнатах и в кухне всего имущества только две лавки, две иконы да огромная русская печка. Ни топора, ни кочерги, ни ведра, ни электричества — ничего самого необходимого.

А со временем все появилось: многое соседи на новоселье понесли, кое-что прикупили. А старый радульский умелец, известный на всю округу столяр и плотник Илья Михайлович, обшил «в елочку» стены дома, пустил вокруг окон и под крышей затейливую резьбу и покрасил дом нежно-зеленой, салатной, краской.

И зажил Георгий Николаевич с женой в том наполненном всякой хозяйственной всячиной зелененьком домике. Приезжали они с женой еще по мартовскому синему снегу, уезжали глубокой осенью. А через два года к ним присоединилась маленькая внучка Машунька.

Написал Георгий Николаевич в том домике одну книгу, засел за другую, но, увы, и на новом месте не нашлось ему желанного покоя. Нередко заходили к Настасье Петровне словоохотливые соседки — то кастрюлю попросить, то рубль разменять, то просто так покалякать. Да и сама Настасья Петровна чересчур громко орудовала ухватами и чугунами, а еще громче Машунька играла, прыгала, болтала. Да вдобавок мимо дома с оглушительным треском то и дело проносились мотоциклисты на рыбалку или в пионерлагерь...

Георгий Николаевич сразу понял, что лучшего места
для житья ему не сыскать.

А Георгий Николаевич нуждался в такой тишине, как в сурдокамере космонавтов. Ему мешала даже муха, жужжавшая на окне. Вот почему он попросил Илью Михайловича выстроить ему в конце огорода отдельный дощатый кабинет-сарайчик.

Долго старик его убеждал, что от отцов и дедов положено на Руси строить окошками непременно на улицу, а Георгий Николаевич хотел, чтобы глядело единственное окошко его сарайчика на лес и на Клязьму. Он хотел, занимаясь за сосновым столиком, видеть ближние березки и вязы, чтобы никто не мешал ему любоваться дальними просторами заклязьменской поймы.

Илья Михайлович послушался, но одного не мог стерпеть: ведь глухая стена писательского кабинета будет мозолить глаза всем проходящим по улице, а острые на язык соседи засрамят прославленного плотника за такую неказистую постройку. Был старый умелец не только плотником, а и художником-самоучкой. Как-то хозяева ушли в лес за грибами, а он перелез через их забор, забрался в огород с красками и кистями и намалевал на той глухой стене, нельзя сказать чтобы очень умело, витязя в шлеме. Скакал тот витязь на вороном коне, размахивал мечом, а его алый плащ развевался по ветру.

Был тот витязь, согласно древнему преданию, основатель села Радуль. Илья Михайлович уверял, что еще мальчишкой видел его изображение, высеченное на большом, отесанном, плоском белом камне, и нарисовал по памяти. Валялся тот камень позади радульской церкви, а куда потом пропал, неизвестно.

Когда хозяева вернулись с полными кошелками грибов и увидели свой сарайчик разукрашенным, он так им понравился, что с того дня прозвали они его «светелочкой».

Каждое утро Георгий Николаевич говорил: «Пойду в светелочку работать». И каждый день, ровно в два часа, Наста-

сья Петровна посылала Машульку с такими словами: «Ступай в светелочку, позови дедушку обедать».

Но все равно и на новом месте не обрел Георгий Николаевич желанного покоя.

В окрестностях Радуля находилось четыре пионерских лагеря: три выше по течению Клязьмы, один ниже по течению. В каждом лагере было по десяти, по двенадцати пионерских отрядов.

Очень скоро пронырливые вожатые прознали, что поблизости поселился писатель, да еще детский, и стали организовывать в его резиденцию экскурсии. Даже соревнование устроили, какому отряду отправляться раньше других.

В первые два лета Георгий Николаевич охотно принимал ребят, рассказывал им о себе, о своих книгах и замыслах, водил юных гостей к церкви, рассказывал историю села.

Но являлись отряды именно в тот «самый-самый трепетный час». Чуть ли не каждый день около полудня подбегала Машулька к светелочке с широко раскрытыми глазами и радостно объявляла:

— Дедушка, опять к тебе пионеры пришли!

Для вожатых эти экскурсии считались «выполнением плана мероприятий», для пионеров они были просто очень интересными походами, а для Георгия Николаевича нагрянуло настоящее бедствие.

Отрядов-то в четырех лагерях было больше сорока, и Георгий Николаевич, вздыхая, по два раза в день откладывал рукопись и покорно шел к своим юным гостям.

Настасья Петровна забеспокоилась: ведь его рукопись лежит совсем заброшенная.

А Георгий Николаевич утверждал: хотя самое главное для него создавать книги, но как детский писатель он обязан время от времени встречаться со своими юными читателями.

— Какое там время от времени! — негодовала Настасья Петровна.

Потихоньку от мужа она разослала начальникам всех четырех лагерей прямо-таки умоляющие письма с красноречивой просьбой: «Нельзя ли, чтобы отряды являлись не в утренние часы, а во второй половине дня? А то из-за ваших пионеров мой муж совершенно прекратил работать над новой повестью».

Но после обеда в лагерях бывает тихий час, а после тихого часа купание, а потом разные кружки, а потом ужин, а распорядок дня не меняется ни при каких условиях...

И пионеры прекратили свои экскурсии к Георгию Николаевичу.

Он не мог понять, в чем тут было дело, заскучал без юных гостей и даже начал беспокоиться...

Зато работа над новой повестью о Владимирской старине пошла на лад.

Георгий Николаевич распределил свой день строго по расписанию. С утра он забирался в свою светелочку, после обеда гулял с Машунькой, потом опять работал в светелочке — случалось, даже по вечерам, при свете керосиновой лампы.

Г 2 Глава

ВЕЧЕРНИЕ И НОЧНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ И ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Вот перед чьим единственным во всем селе освещенным окошком остановились в нерешительности два мальчика в тот непроглядный дождливый вечер, когда Георгий Николаевич спокойно сидел за своим столиком, наклонившись над рукописью.

Наконец один из мальчиков сделал два шага вперед и прильнул лбом к оконному стеклу.

Стекло слегка хрустнуло...

Самое страшное на свете — это неожиданность. Георгий

Николаевич вздрогнул. Лицо в окошке ему показалось огромным, размером с тарелку. Это была рожа половчанина, дикого кочевника, какие в XII веке насакивали на города и села южной Руси, жгли дома и землянки, уводили несчастных в плен. Мокрые растрепанные волосы закрывали приплюснутый к стеклу лоб. На мокрой щеке запеклась кровь. Огромные, круглые, черные глазищи уставились на столик с бумагами.

Георгий Николаевич испугался только на одно мгновение. В следующее мгновение жуткая рожа в окне превратилась в симпатичную рожицу самого обыкновенного мальчика, притом прехорошенького.

Мокрый клочок черных волос и правда закрывал лоб, на мокрой щеке и правда запеклась кровь, а большие и черные круглые глазищи сверкали, как два уголька, и смотрели не с угрозой, а с неизъяснимой мукой.

— Фух! — Георгий Николаевич никак не мог отдышаться, его язык онемел.

Тут при свете лампы он увидел за спиной загадочного юного пришельца темную фигуру другого мальчика, чуть выше и потоньше.

Он решил, что это жители ближайших пионерских лагерей. Они заблудились, вышли на его огонек. Сейчас их ищут; возможно, из города вызвана милиция. Люди в такой дождь прочесывают лес, с ума сходят от беспокойства. Как плохо, что в селе нет телефона!

Наконец он заставил себя говорить:

— Из какого вы лагеря?

— Щавелю объелся, щавелю объелся... — с безысходным отчаянием бормотал мальчик.

— Из какого вы лагеря, спрашиваю я вас!

— Погибает, умирает... — повторял мальчик. — И еще Галя тяжело ранена и ногу сломала.

Эти слова Георгий Николаевич сразу понял. Ого, нужна

медицинская помощь! Он выскочил из светелочки, зажег электрический фонарик, открыл заднюю калитку.

Мальчики тотчас же подбежали к нему.

— Где раненая девочка? — спросил он.

— Вот она.— И тут испугавший его мальчик показал на своего товарища.

Георгий Николаевич осветил фонариком лицо этого другого. Перед ним действительно была девочка в синих спортивных штанах. Ее светлые мокрые волосы курчавились вокруг головы, глаза смотрели на него с мольбой и надеждой.

— Раз бегаешь, значит, ногу не сломала,— буркнул он.— Где ранена?

Кудрявая девочка нагнулась и показала на коленку. При свете фонарика Георгий Николаевич различил пятнышко крови на ее штанине.

— Идемте в мой дом. Я вам обоим окажу медпомощь, а то дождь нас совсем вымочит.

Открыв калитку, он хотел пропустить ребят вперед, но они не трогались с места.

— Дяденька, с нами пойдете... Он тут под горой, совсем недалеко,— слезно просила девочка.— Он щавеля очень много съел.

— Это кто, ваш теленок или козленок?

— Да нет, это наш воспитатель, наш начальник похода.

— Воспитатель? Начальник похода? — Георгий Николаевич выпрямился, замотал головой, чтобы стряхнуть воду со лба.— Ничего не понимаю. Кто же вы такие? Откуда?

Девочка затараторила необыкновенно быстро:

— Мы — московские туристы из школы-интерната. Мы пошли в дальний поход, идем уже пять дней. Нас тридцать ребят. Наши палатки внизу у реки, совсем близко. Наш начальник похода, Петр Владимирович, щавелем объелся, у него живот очень болит. Мы, ночные дежурные, увидели ваш огонек на горе, поднялись, хотели «скорую помощь» найти.— Тут

девочка показала на мальчика: — Он щеку в кустах оцарапал, а я упала. Меня Галей зовут, а его — Мишей. Да идемте же!

До сознания Георгия Николаевича наконец дошел смысл этих слов. Но он решил, что страдания легкомысленного начальника похода столь же преувеличены, как тяжелая рана девочки и перелом ее ноги.

— Вот что, юные туристы, не спорьте,— достаточно твердо сказал он.— Идите сейчас ко мне. Я врач. Я посмотрю, какая у тебя, Галя, рана.

Девочка вдруг встrepенулась, подскочила к нему.

— Вы доктор? Вы настоящий доктор? — спрашивала она.

— Скорее бывший, чем настоящий,— улыбнулся Георгий Николаевич.— Но бинтовать я не разучился.

— Нет, не нас лечить, не нас, а нашего начальника! — умоляла Галя.

— Дойдет очередь и до него,— оборвал Георгий Николаевич и обернулся к Мише: — Я помажу йодом твою щеку. Потом мы с тобой наденем плащи, и я пойду к вашему начальнику похода.

...Настасья Петровна встретила всех троих на кухне и всплеснула руками:

— Уму непостижимо! Свыше моих сил!

Только тут обнаружилось, что вся правая сторона костюма Гали, от плеча и до ступни, была сплошь покрыта грязью и блестела при свете электрической лампочки. Так лоснятся на солнце поросята, когда вылезают из лужи.

— Сейчас же снимай штаны и курточку! — загремела Настасья Петровна.

Галя вся сжалась. В поисках защиты взглянула на Мишу.

— Ну подожди, подожди! Нельзя же так сразу.— Георгий Николаевич попытался успокоить жену и повернулся к Гале: — Задерй штанину.

Ссадина под коленкой оказалась совсем пустяковой. Он

пошел за бинтом и йодом. Тем временем Настасья Петровна включила электроплитку и поставила на нее большую кастрюлю с водой.

— Где же это ты так испачкалась? — спрашивал Георгий Николаевич Галя, перевязывая ее коленку.

Девочка объяснила, что упала, когда взбиралась на гору. Она проехала на боку по скользкой тропинке.

Георгий Николаевич промыл также Мишину ссадину и украсил его щеку коричневой кляксой йода; одновременно он постарался объяснить Настасье Петровне, откуда ребята взялись и как они к ним попали.

— Мамочки ваши, наверно, дурные сны сейчас видят, — проворчала она.

— Ну пойдете к нашему Петру Владимировичу! — настаивала Галя.

— Никуда ты не пойдешь! — резко оборвала ее Настасья Петровна. — Для чего я воду греть поставила? Я тебя сейчас купать буду. Ты у нас ночевать останешься.

Галя вся передернулась, захлопала мохнатыми ресницами.

— Я обязана стеречь больного! — звонко выпалила она. — Не беспокойтесь, у меня есть во что переодеться, у меня парадная пионерская форма — красный галстук, белая блузка и плиссированная юбка.

— Не пушу — и весь разговор! — отрубил Настасья Петровна. — Просто уму непостижимо — плиссированная юбка и в такой дождь!

— Галя, ты мою жену все равно не переспоришь, — сказал Георгий Николаевич. — Но учти: она только делает вид, что сердится. Тебе же она хочет помочь, тебя же хочет лучше устроить. Переночуешь у нас, а утром побежишь к своим.

— Нет, нет, нет! — Галя упрямо мотала кудрявой головой.

Тут до сих пор молчавший Миша сверкнул черными глазами, оттопырил верхнюю тонкую губу и произнес тоном важного начальника:

— Галя, как ответственный ночной дежурный разрешаю тебе покинуть свой пост и остаться ночевать в этой квартире.

И Галя тотчас же покорилась.

Георгий Николаевич надел резиновые сапоги и плащ, Настасья Петровна дала Мише свой малиновый, с капюшоном. Она вышла следом за мужем на крыльцо и напомнила ему:

— Та глава, которую ты никак не можешь закончить, кажется, опять забыта в светелочке?

— Ничего с ней не случится, пускай там переночует,— кинул он на ходу, открывая заднюю калитку, и в сопровождении Миши начал спускаться вдоль оврага по скользкой, заросшей кустами тропинке.

Дождь тем временем перестал, но часто и дробно капало с веток. Наверно, нигде в мире не пахло так уповательно, как в том овраге после дождя, да еще когда цвела черемуха. Георгий Николаевич светил фонариком. Осыпанные белыми гроздьями деревья едва выступали из кромешной тьмы. Полной грудью взрослый и мальчик вбирали в свои легкие чистейший озон, смешанный с тонким, чуть пряным запахом черемухи. Было совсем тепло и тихо. Лишь капли падали веток: кап-кап-кап...

И вдруг совсем близко, в двух-трех шагах, защелкал соловей. Георгий Николаевич направил в черные кусты луч фонарика, соловей замолк, но тотчас же где-то в лесу за оврагом его песню перенял другой, потом третий...

— Какие это птички так хорошо поют? — спросил Миша.

— А ты разве не знаешь? Это же соловьи.

— В первый раз в жизни слышу,— признался он.

— Эх ты, московский мальчик!

Миша обиделся.

— Мы уже пять дней как в походе,— сказал он,— очень много чего узнали, а вот про соловьев не успели.

Наконец оба спустились, вышли из оврага. Георгий Николаевич увидел догоравший костер и при его слабом свете различил темные очертания молчаливых палаток. Он насчитал их шесть штук.

— Вот тут.— Миша указал на самую крайнюю.

Внутри палатки было совсем сухо, только душно. Георгий Николаевич посветил фонариком и увидел мужчину, который лежал, закинув обнаженные мускулистые руки за голову. Под складками одеяла угадывалось его атлетическое телосложение и огромный рост.

У стенок палатки, поджав колени к подбородку, сидели две девочки и мальчик. Одна девочка была очень светлая, длиннолицая; другая, наоборот, круглолицая, толстая и краснощекая, в обычное время, видно, очень веселая и смешливая. И мальчик был такой же круглолицый, толстый и такой же смешливый. Но сейчас все трое выглядели хмурыми, осунувшимися.

Мужчина не спал; его русые, зачесанные назад волосы открывали широкие потные виски. От света фонарика он поморщился.

— Что с вами? — спросил Георгий Николаевич и поставил ему градусник.

Больной не отвечал. Его тусклые, словно налитые мутной водой глаза безучастно глядели куда-то в пространство.

— Что с вами? — повторил Георгий Николаевич свой вопрос.— Учтите, я врач.

Мужчина с усилием приподнялся на локтях.

— Выйдите отсюда,— коротко сказал он ребятам.— Я вас потом позову...

— Как же это вы, Петр Владимирович, так неосторожно! — упрекнул его Георгий Николаевич, оставшись вдвоем с больным.— В большом количестве щавелевая кислота вредна для организма.

— Это ребятам я наврал про щавель, чтобы не беспокои-

лись. А на самом деле, доктор, беда. Все нутро переворачивается, даже ногой не могу пошевелить.

Георгий Николаевич начал щупать его живот.

— Тут болит? Тут болит? Вот тут? — спрашивал он.

— Да, тут. Вот не вовремя! Подозреваю, аппендицит у меня. Так, доктор?

Георгий Николаевич молчал. Молчал и Петр Владимирович. Вдруг больной повернул голову и спросил:

— А вы тут недалеко живете?

Георгий Николаевич в нескольких словах объяснил, кто он такой и как поселился в этом селе.

Петр Владимирович неожиданно приподнялся на локтях.

— Так вы только раньше работали врачом, а теперь вы писатель? К тому же детский? — воскликнул он. — И ваши книги ребята читали?

— Возможно, читали.

— А вы любите ребят?

— Раз я пишу для них, конечно, люблю...

Пора было вынимать градусник.

— Ого! Тридцать восемь и пять! — воскликнул Георгий Николаевич. — Раз сильнейшая боль в правой нижней части живота, действительно острый аппендицит. Надо немедленно в город, в больницу на операцию.

И во второй раз за сегодняшний день он пожалел, что вблизи нет телефона.

Что же делать? До города семь километров, до ближайшего пионерского лагеря — три. Он решил попросить кого-нибудь из радульских парней довести его до лагеря на мотоцикле, поднять там тревогу — или раздобыть машину, или дозвониться до города, до «скорой помощи».

А пройдет ли в село после такого дождя машина, даже грузовая?

— В Москве не чувствовал никаких признаков, — с усили-

ем говорил между тем Петр Владимирович. Видно, каждое слово причиняло ему боль.— Ребята никогда раньше не были в походе. Иные девчонки едва волокли свое барахлишко. Я и забирал от них лишнее, да к себе в рюкзак... Килограммов на сорок набрал. Ведь их, пострелят, у меня целых тридцать.

— Не говорите, не волнуйтесь,— удержал его Георгий Николаевич.— Сейчас не они, а вы на первом месте. О ребятах, пожалуйста, не беспокойтесь. Завтра же с утра я пойду и их устрою. Обстоятельства столь исключительны, что в любом из окрестных пионерских лагерей их приютят на недельку-другую. Вы лучше скажите, сколько в вас весу.

— Сто килограммов.

— Гм! Ну вот что — я пойду искать какой-нибудь транспорт, а сейчас вас надо вытащить на свежий воздух. И самое главное — не волнуйтесь.

Он выполз из палатки. Два мальчика и две девочки молча сидели у костра. Они подложили хворосту в огонь, и пламя ярко разгорелось. Лица ребят были насупленные, не по-детски серьезные.

Георгий Николаевич не стал им разъяснять об опасном состоянии их воспитателя, предупредил только, что скоро вернется.

Вместе они выбрали местечко повыше, невдалеке от костра, кое-как перетащили туда больного и положили его на одеяла.

Георгий Николаевич собрался было уходить, как высокая, белокурая, длиннолицая девочка в обтянутом спортивном костюме бесцеремонно загородила ему дорогу.

— Простите, гражданин, но мне, как командиру туристского отряда, необходимо знать...— Голос у девочки был сухой, самоуверенный.— Ответьте мне, пожалуйста, Галя сама напросилась у вас ночевать или это вы ее позвали? — обидчивым тоном спросила она его.

— Сейчас не до Гали, надо вашего начальника вылететь! — оборвал Георгий Николаевич девочку, повернулся и стал подниматься по тропинке, скрытой в кустах.

Издали он слышал, что ребята у костра о чем-то оживленно и горячо заспорили.

Опять опьяняющий озон, смешанный с ароматом черемухи, струями полился в его легкие, опять соловьиный хор обрушил на него свои трели...

Но ему было не до лесных запахов, не до лесных песен. Он думал об опасно заболевшем человеке, когда дорог каждый час.

Между тем все в палатках проснулись, выползли наружу. Весь туристский отряд собрался. Лица у ребят при мерцающем свете костра были тревожные. Многие дрожали не от холода, а от нервных переживаний.

Петр Владимирович лежал на одеялах и глядел на небо. Мальчики и девочки разместились вокруг. Он им объявил, что у него аппендицит и сейчас его отправят в больницу, а их устроят в пионерлагерь.

— Мне трудно говорить от боли... Будьте мужественны, стойки. Через неделю я вернусь совсем здоровым, — закончил он свою речь.

Все молчали. Иные девочки кусали губы, едва сдерживаясь от слез.

— Не хотим в пионерлагерь! Здесь останемся! — первым сказал Миша.

И тут все до одного дружно повторили:

— Здесь останемся!

— Обещаю вам: дисциплина будет на самом высоком уровне, — сказала длиннолицая девочка, командир отряда.

— А на купанье я буду командовать — во! — подхватил Миша.

— Подождите, я подумаю,— проговорил Петр Владимирович, кряхтя от боли.

Ребята потихоньку переговаривались, гудели, как пчелы в потревоженном улье.

«Обещаете?.. Обещаю!.. Обещаем!..» — долго еще слышалось у костра.

Георгий Николаевич тем временем подошел к своему дому. К его удивлению, в окнах светило электричество. Настасья Петровна не спала. Она стояла к нему спиной, наклонившись над корытом, и стирала Галины вещи. На столе он увидел початую коробку шоколадных конфет, которая еще с весны береглась «про черный день».

— А девочка где? — спросил он жену.

— Выкупала ее в корыте, теперь спит.— И она показала на русскую печку.

Под самым потолком на подушке лежала кудрявая, светлая Галина голова. Ее длинные мохнатые ресницы доходили чуть ли не до половины щек.

Настасья Петровна, продолжая стирать, молча выслушала взволнованный рассказ мужа. Узнав, что он собирается идти звонить, вызывать «скорую помощь», она повернулась от корыта.

— Никуда ты в пионерские лагеря ночью не пойдешь! — не допуская возражений голосом сказала она.— После такого дождя никакая машина к нам не доберется.

Георгий Николаевич хотел было ей возразить, что человек, может быть, умирает, что ждать — преступление.

— Иди и разбуди Илью Муромца,— продолжала она.— Только он один и сумеет довести. А сам пристройшься на запятках. Да скорее иди! И знаешь, как будить старика? Посвети своим фонариком ему в окошко.

Илья Михайлович, тот, которого Настасья Петровна на-

звала Ильей Муромцем, славился по всей радульской округе не только как искусный плотник и художник-самоучка, но еще и обладал мотоциклом повышенной мощности, да еще с коляской. Был он с виду, несмотря на свой преклонный возраст, настоящим богатырем.

Его тезка — прославленный во многих былинах старший богатырь земли русской — в летописях, однако, не упоминается. Многие ученые вообще сомневались: а существовал ли на самом деле в десятом столетии такой крестьянский сын, уроженец села Карачарова возле города Мурома?

Насчет того богатыря — был ли он или не был — неизвестно, а вот в селе Радуль и сейчас, в двадцатом столетии, живет старик, которого за глаза все его односельчане зовут Ильей Муромцем.

Но с недавних пор случилась с ним беда: он совсем оглох. Вот почему Настасья Петровна и посоветовала его будить с помощью фонарика.

Подойдя к дому старика, Георгий Николаевич пустил яркий луч в окошко и заиграл им по стенам и потолку.

— Кто там фулюганит? — услышал он заспанный сердитый голос.

Увидев знакомое лицо, Илья Михайлович выскочил из двери. Георгий Николаевич осветил его фонариком и невольно улыбнулся — уж очень комично выглядел старик на фоне своего резного, как на боярском тереме, крыльца: высокий, лохматый, с седой бородой, в майке, в трусах и босиком.

Георгий Николаевич складывал ладони трубочкой, вопил старику в ухо на все село — безрезультатно. Они зашли в дом. Пришлось нацарапать огрызком карандаша:

«Человек у Клязьмы под оврагом умирает. Надо сейчас доставить его в больницу».

Илья Михайлович не торопясь извлек очки из комода, не торопясь надел их на нос, но как только прочел записку, так выпрямился, расправив свои широкие богатырские плечи.

— Мигом доставлю,— сказал он.— Только знаешь какое дело... Ведь у меня права-то отняли. Придрались такие-сякие, говорят: «Ты, дед, слышишь не шибко важно». Я теперь на своем коньке только что сено да дрова вожу, а в город ездить опасуюсь. Ну, да была не была! Время ночное, авось проскочим.

Через пять минут старик вывел своего «коня» из сарая. И еще через пять минут с треском, чиханием и ревом, подпрыгивая на кочках, двое на мотоцикле помчались вдоль села, провожаемые лаем собак. Яркая фара освещала им путь. Возле церкви был отлогий спуск к реке, они повернули налево, вновь повернули налево, покатали вдоль берега, наконец подъехали к палаткам.

Георгий Николаевич оглядел ребят, собравшихся вокруг своего воспитателя. Все были в одинаковых синих, обтянутых спортивных костюмах. Не сразу он мог отличить мальчика от девочки.

Приехавших встретили встревоженные, но исполненные надежды лица и голоса:

— Ему лучше! Нашему Петру Владимировичу лучше. Может, не надо в больницу?

— Действительно, резь в животе не такая зверская,— сказал больной.

— Нет, Петр Владимирович, немедленно повезем вас в город,— как можно решительнее возразил Георгий Николаевич.

Расталкивая ребят, вместе с Ильей Михайловичем он пошел к больному.

— Вы говорили мне, что очень любите ребят и любите возиться с ними? — спросил его Петр Владимирович.

— Да, говорил,— подтвердил Георгий Николаевич, не совсем понимая, куда тот клонит.

— И вот потому, что вы любите возиться с ребятами, я сейчас очень серьезно продумал одно дело. Я выслушал

мнение отряда, мнение единодушное,— продолжал Петр Владимирович.— Отряд останется жить здесь, в палатках. А вас, как верного ребячьего друга, я решаюсь просить: ну хоть одним глазком за ними поглядывайте.

Петр Владимирович говорил спокойно, веско, видимо боли и правда уменьшились.

— Деньги у них есть, продукты частично есть, частично покупать будут. Они в интернате к самостоятельности привыкли. Ничего с ними не случится. А самое главное, они мне обещали, дали честное пионерское, что дисциплина у них будет, как на космодроме. Галя, подойди сюда! — позвал он.

Подошла высокая, белокурая, длиннолицая девочка, та, что раньше выказывала недовольство, почему другая Галя, кудрявенькая, осталась ночевать в доме писателя на печке.

Петр Владимирович указал на ту высокую девочку.

— Она — командир отряда. Есть еще звеньевые. Миша — вы с ним познакомились — он физрук.

Девочка, сжав губы, подняла голову.

— Не сомневайтесь, дорогой начальник похода,— самоуверенно отчеканила она,— я их заставлю себя слушаться!

— Не «заставлю», а сознательно. Сколько раз я тебе повторял — сознательно,— поморщился больной. Видно, боли опять возобновились.

— Буду заходить к вашим ребятам, каждый день буду,— обещал Георгий Николаевич.— Вот только...

— Что только? — забеспокоился Петр Владимирович.

— Ведь я же над новой повестью работаю. С утра до обеда, до двух часов, я занят.

Георгий Николаевич говорил не очень решительно. Он хотя сознавал, что будущая повесть для него самое главное, но нельзя же тринадцатилетних оставлять одних. В душе-то он ликовал. Пионеры из лагерей ходить к нему почему-то перестали, и в последнее время он совсем заскучал без ребят.

А тут неожиданно привалила новая дружба. Но его очень смущало: а что скажет Настасья Петровна? Не так будет легко ее убедить, что эта дружба с отрядом туристов ни сколько не помешает: наоборот, добавятся свежие материалы для следующих произведений.

Словом, Георгий Николаевич согласился присматривать за ребятами, но только с двух часов и до вечера. Он добавил, что любит не только детей, но и русскую историю и постарается заинтересовать стариной своих новых друзей.

Однако подробности самостоятельной жизни юных туристов они обговорить не успели. Георгий Николаевич почувствовал, что его кто-то тронул за рукав. Он оглянулся, увидел Илью Михайловича.

Старик сейчас и правда выглядел, как Илья Муромец с картины Васнецова — в шлеме мотоциклиста, высокий, дородный, могучий,— тот, что дубы с корнями выворачивал. Богатырь нетерпеливо теребил свою седую бороду.

— Чего еще языком чесать. Поехали,— сердито проворчал он.

Ему, видно, надоело ждать: ведь он, бедный, ничего не слышал.

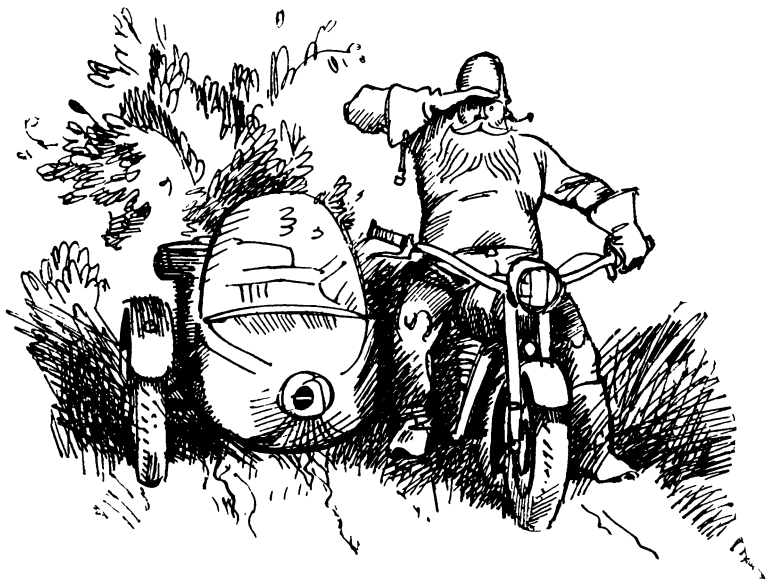
Ребята хотели приподнять Петра Владимировича. Богатырь легонько их отстранил, один поднял больного, словно мальчика, и бережно втиснул его в коляску мотоцикла на постеленные одеяла. Георгий Николаевич примостился на багажнике, обняв могучего водителя за поясницу.

Мотор затрещал, зафыркал.

И тут ребята не выдержали. Все до одной девочки, в том числе и строгая командирша отряда, принялись плакать.

Мотоцикл взревел, заглушая плач девочек, и тронулся...

Илья Михайлович вел машину осторожно. Выбирая дорогу, он то и дело сбавлял скорость. Несколько раз по пути и ему и Георгию Николаевичу приходилось слезать, проталкивать стреляющий мотоцикл через грязь, вновь пробиваться

дальше, буксуя и кашляя, разбрызгивая лужи. Черные очертания развесистых сосен, острые пики елей на какой-то миг выскакивали из тьмы, выхваченные лучом фары...

Не обращая внимания на трудности дороги, Илья Михайлович рассказывал, как он, пожилой солдат, во время войны служил в санитарной команде и вытащил с поля боя тридцать девять раненых, за пять лет был награжден многими орденами.

— Сейчас сорокового бойца доставляю,— говорил он.— Ну, в ту пору хлопотнее бывало — тащишь на своем горбу, а фриц из пулемета строчит.

Наконец они выбрались из леса на асфальтовую дорогу. Вдали показались огни города. Подъехали к больнице. Дежурный хирург, молодой и, кажется, энергичный, тотчас же распорядился нести Петра Владимировича прямо на операционный стол.

На обратном пути Илья Михайлович вел машину по городским улицам осторожно, с оглядкой — вдруг еще на милиционера нарвешься, прав-то у него не было. Зато как миновали последние здания, показал он свою былую солдатскую удасть. Мотоцикл помчался со скоростью ракеты, прыгая по глубоким колеям и поперечным ребрам корней. И опять свет фары выхватывал из таинственной тьмы вихрем пронесившиеся назад черные сосны и блестящие лужи.

Г 3 Глава

ДИСЦИПЛИНА У НИХ - 60!

— Вставай, вставай, Лентяй Иванович! Галя давно убежала к своим, а ты все спишь.

Георгий Николаевич догадывался, почему Настасья Петровна его торопит. Ей хочется, чтобы он пораньше забрался в светелочку и засел за свою рукопись.

— Только на рассвете удалось уснуть. Это свыше моих сил! — жаловалась жена.

Нет, она и не думала о его рукописи, а «безумно беспокоилась» о незнакомом ей человеке. Надо узнать, как прошла операция да как самочувствие больного. А сейчас соседский парень, тракторист Алеша Попович, едет на мотоцикле в город: вот-вот он подкатит к их крыльцу. К тому же нужно купить постное масло и колбасу. Словом, ввиду столь исключительных обстоятельств Георгий Николаевич должен отложить свою рукопись до завтра, а сейчас отправиться с Алешей в город.

Он выпрыгнул из-под стеганого одеяла, быстренько оделся и умылся.

Едва успел позавтракать, как подъехал удалой богатырь. Настасья Петровна вручила мужу пустой рюкзак, он вско-

чил на багажник мотоцикла и помчался в город, обнимая сзади костлявые Алешины бока.

С самого детства, еще со школьных лет, Алешу прозвали в селе Поповичем. Был он коренным радульским крестьянином, колхозным трактористом, никаких лиц духовного звания среди его дедов и прадедов не числилось, а походил он на своего знаменитого тезку, храброго богатыря и девичьего пересмешника, разве что могучим телосложением да веселым, несколько легкомысленным характером.

На свое прозвище он нисколько не обижался, наоборот, даже гордился им, особенно с тех пор, как узнал от Георгия Николаевича, что Алеша Попович не только известный по былинам прославленный русский витязь, победитель половецкого вождя Тугарина Змеёвича, а действительно живший в XIII веке храбрый дружинник Ростовского князя Константина, старшего сына Всеволода Большое Гнездо; о нем даже в летописях упоминается.

Еще больше загордился радульский тракторист, когда узнал, что Георгий Николаевич пишет историческую повесть, в которой действие происходит во Владимиро-Суздальском княжестве XII—XIII веков. Там упоминается о подвигах Алеши Поповича. Встречаясь с писателем, радульский богатырь неизменно заговаривал с ним о своем знаменитом тезке и на разные иные исторические темы.

Но на этот раз, не оборачиваясь к своему сидевшему на багажнике мотоцикла пассажиру, он начал совсем о другом: стал рассказывать, как его послали работать на бульдозере на другой берег Клязьмы, как в пойме он расчищает от кустарника угодыя. Да за два года работы машину пора ставить на капитальный ремонт. Он и едет в город, в дорожное управление, присмотреть новый бульдозер, более мощный, который обещали колхозу предоставить во временное пользование. Алеша настойчиво звал своего пассажира посмотреть, как он крушит густые заклызьменские заросли.

Георгий Николаевич давно не был на той стороне реки и с готовностью пообещал. У Ильи Михайловича есть лодка, придется его попросить перевезти через Клязьму.

На этом они расстались у ворот городской больницы.

Георгию Николаевичу повезло: он встретил того молодого хирурга, который как раз возвращался с ночного дежурства.

Тот ему рассказал, что операция прошла успешно, все в порядке. Счастье, что доставили больного вовремя; если бы на несколько часов позднее, то... А теперь наверняка через неделю, самое большее через десять дней пациента выпишут. Однако видеть его нельзя: в городе зарегистрированы случаи гриппа и в больнице сейчас карантин.

Георгий Николаевич не стал дожидаться Алешу и от последней автобусной остановки зашагал домой пешком.

Дорога вошла в лес. Вымытые дождем березки посвежели, звонко перекликались зяблики, вдали печально куковала кукушка. Рюкзак с покупками нисколько не оттягивал плечи.

Георгий Николаевич каждый день много ходил пешком, и не только ради здоровья. Он говорил, что самые удачные выражения, отдельные словечки-находки для будущей повести рождаются чаще всего именно во время ходьбы.

Но сегодня ему было не до этих словечек, он торопился домой. Треволнения с Петром Владимировичем благополучно закончились, но ребячье стадо осталось без пастуха. А пока не выздоровеет начальник похода, он вроде бы нанялся быть таким пастухом. Сейчас ему хотелось как можно скорее увидеть юных туристов, узнать, что они делают, рассказать им о благополучной операции их любимого воспитателя, обрадовать их.

Встречая в Москве друзей и даже малознакомых, Георгий Николаевич всегда им красноречиво расписывал радульские красоты и всех зазывал к себе в гости. Знакомые пожилые

обычно только обещали приехать и, наверное, тут же забывали свои обещания.

Зато молодежь с энтузиазмом принимала приглашения, являлась иногда толпами: студенты, школьники старших классов — случалось, и вовсе незнакомые. Они приходили пешком, приезжали на машинах, на велосипедах, приплывали на байдарках. Веселые, шумные, жизнерадостные, гости с интересом слушали рассказы Георгия Николаевича об истории Радуля, восторженно любовались радульскими окрестностями, деревянной резьбой на здешних домах.

Ночевали они обычно в палатках на берегу Клязьмы, иногда на его веранде, или в бане, или даже в светелочке, а утром сердечно прощались с гостеприимными хозяевами, обещая непременно, непременно приехать, приплыть или прийти пешком еще и еще раз.

Эти неожиданные нашествия разнообразили жизнь писателя и его жены. В такой суматошный день Георгий Николаевич объявлял самому себе выходной и всегда бывал этим очень доволен. Бывала ли так же довольна Настасья Петровна? Не всегда. Она беспокоилась, не помешают ли очередные приезжие его творческим занятиям.

О тех гостях не приходилось особенно заботиться — они сами находили себе занятия и удовольствия: обед готовили, рыбу ловили, ходили за грибами, играли в мяч.

Но эти, теперешние юные туристы не были такими самостоятельными гостями.

Возвращаясь сейчас из города, Георгий Николаевич чувствовал некоторое беспокойство: а как ребятки провели ночь? А не случилось ли с ними чего-нибудь? А что они будут сегодня делать?

Добравшись до своего дома, он отдал Настасье Петровне покупки, в двух словах рассказал ей о здоровье Петра Владимировича и поспешил к реке.

Тропинка, по которой он вчера ночью спускался к турист-

скому лагерю, за день успела подсохнуть, он прибавил шагу и через минуту очутился в устье оврага, где раскинулись палатки, но, к своему удивлению, никого там не увидел.

Ага, вон где они! С Клязьмы доносились крики и визги, порой резкие свистки.

Он знал, что строжайшие инструкции правил купания детей беспощадны: взрослые стерегут на берегу; по сигналу свистка одновременно залезают в воду десять ребят на десять минут; отплывать за огороженное вешками пространство запрещается; взрослые смотрят во все глаза. По сигналу свистка купающиеся должны немедленно выбегать из воды и выстраиваться в ряд, взрослые их считают.

«Любопытно, а мои детки соблюдают ли беспощадные инструкции?» — спросил самого себя Георгий Николаевич. Он остановился в некотором отдалении, начал наблюдать.

Девочки в ярких купальниках сидели и стояли, ожидая очереди. Мальчики в трусах или в плавках барахтались в воде, а вместо взрослого дяди на берегу стоял в одних красных плавках черноглазый Миша.

Если кто осмеливался заплыть за установленные в воде вешки, он яростно свистел, кричал и командовал:

— Васька, куда полез? Игорь, ближе к берегу!

«Какова дисциплинка!» — поразился Георгий Николаевич. Он вспомнил, что Миша является физруком туристского отряда, и с интересом продолжал смотреть.

Тут физрук свистнул и скомандовал:

— Девочки, приготовиться!

Девочки в разноцветных купальниках, голоногие, стройные, в пестрых резиновых шапочках, тотчас же встали рядом. Георгий Николаевич поискал глазами Галю, ту, что у них ночевала, но ее не было.

Миша засвистел еще пронзительнее. Мальчики неохотно послушались и один за другим вылезли на берег.

— Девочки — в воду! — скомандовал физрук.

Мальчики один за другим вылезли на берег.

Все они с криками прыгнули в реку, забарахтались, завизжали, забрызгались.

Георгий Николаевич потихоньку приблизился к Мише.

Бдительный физрук не видел его. Он стоял нагнувшись, оттопырив верхнюю губу и не отрываясь следил за резиновыми шапочками, мелькавшими в сверкающих на солнце брызгах.

Георгий Николаевич шагнул к нему и скороговоркой проговорил:

— Послушай, я был в городе. Петру Владимировичу сделали операцию. Он скоро поправится.

Миша тут же обернулся, расширил свои и без того круглые черные глаза.

— Правда, правда?

— Ну конечно. Через неделю его выпишут.

Тут Миша засунул два пальца в рот и так свистнул, что совсем оглушил Георгия Николаевича.

— Да перестань же, Соловей-разбойник! — закричал тот и, закрыв уши ладонями, пошел от ребят вдоль берега.

Разноцветные девочки выскочили из воды, окружили Мишу; к ним присоединились мальчики. И Миша, размахивая голыми руками, начал рассказывать.

Все запрыгали, радостно закричали и тут же помчались догонять Георгия Николаевича.

И он снова рассказал уже подробнее, как ездил в город узнавать о здоровье Петра Владимировича.

Конечно, все пожелали идти на свидание с любимым воспитателем, идти сегодня же после обеда. Нет, долго дожидаться. Идти теперь же, немедленно! Так им хотелось его видеть.

— Ребята, должен вас огорчить,— сказал Георгий Николаевич.

И он объяснил, что в городских больницах из-за гриппа сейчас карантин, значит, свидания категорически запрещены.

И никакую передачу для больного, только что перенесшего операцию, конечно, не примут.

Словом, он сумел доказать ребятам, что идти в город в течение ближайших трех дней не было никакого смысла.

У всех потускнели и вытянулись лица.

— У-у-у, выдумают всякое!.. Вот еще какие порядки!.. Безобразия! — ворчали и негодовали многие.

Тут длиннолицая Галя, командирша отряда, выступила вперед и сказала:

— Спокойствие! Спокойствие! Через пять минут созывается заседание штаба похода.

И тотчас же все подтянулись, присмирели, сдерживая чувства.

Галя повернулась к Георгию Николаевичу.

— Благодарим вас за вашу заботу о нашем любимом начальнике похода,— произнесла она.

Георгий Николаевич понял, что выслушал сейчас очень вежливый намек: дескать, спасибо вам за ваше внимание, но теперь вы свободны, на заседание штаба вас не приглашаем.

А собственно говоря, зачем ему сейчас оставаться на какое-то заседание штаба? Дисциплина у них, как выразился Миша,— во! В этом он успел убедиться дважды: как блестяще мальчик проводил купание и как быстро Галя-командирша затушила ребячий ропот. С утра Георгий Николаевич вместо творческой работы ездил в город — надо же теперь наверстать потерянные часы. Вот почему сейчас его больше всего тянуло в любимую светелочку.

— До сви-да-ни-я! Спа-си-бо! — провожали его звонкие голоса.

Он начал подниматься в гору, как вдруг услышал за собой топот ног. Догонял Миша в своих красных плавках. Его горящее лицо, его черные глаза выражали крайнее возбуждение.

— Товарищ писатель, можно вас на минутку?

Георгий Николаевич живо обернулся, ласково обнял мальчика:

— Ну, чего тебе?

— Пожалуйста, приходите к нам сегодня вечером,— попросил Миша.— Штаб похода будет судить Галю. Вы как свидетель. Очень вас прошу: защитите ее.

— Галю судить? Вашего командира отряда? — поразился Георгий Николаевич.

— Да нет, не эту длиннолицую верблюдицу, а ту беленькую, кудрявенькую. Ну какая у вас ночевала.

— За что же ее судить?

Миша опять расширил свои глаза-смородины и красноречивым шепотом объяснил:

— За измену дружбе. Вот за то, что она у вас ночевала да еще шоколадки лопала.

— А где сейчас ваша Галя-кудрявая?

— Под домашним арестом в палатке сидит.

— Это еще что за новости!

— Так штаб решил еще утром.

— Что это вы больно часто заседаете? Утром заседали, сейчас опять, вечером снова? — удивился Георгий Николаевич.

— Дисциплину надо поддерживать,— ответил Миша.

Георгий Николаевич забеспокоился: это еще что за домашний арест? Может, зайти проведать наказанную девчонку? Но он уже размечтался, как сейчас укроется в своей светелочке, как возьмет авторучку...

«Нет-нет, не пойду... Еще слезы, а чего доброго еще истерика, — сказал он самому себе. — Только расстроюсь и время зря потеряю».

— Так придете к нам вечером? — повторил свой вопрос Миша.

— Я вечером занят, лучше приду после обеда.

— Нет-нет, после обеда не надо,— настаивал Миша.— А вечером, пожалуйста, приходите.

В тот вечер Георгий Николаевич собирался читать Настасье Петровне две последние главы своей новой исторической повести и совсем не хотел откладывать чтение. Женя была его лучшей советницей, а с этими главами у него никак не ладилось. Но чтобы отвязаться от Миши, он сказал:

— Хорошо, может быть, приду.

— Так, пожалуйста, приходите,— еще раз попросил Миша и побежал к своим.

До обеда оставалось два часа. И Георгий Николаевич с папкой в руках отправился в свою светелочку.

Ему надо было успеть проверить те две главы, внести последние исправления, выполоть лишние словечки. Он начал читать рукопись, но понял, что читает невнимательно — шепчет, шепчет фразы, а сам думает: «А как там у них?.. А что это за суд над девочкой?»

В тех двух главах описывалось, как в двенадцатом столетии жил на Руси знаменитый князь Андрей Боголюбский — повелитель Владимирский, Суздальский, Ростовский и других городов и земель северо-востока Руси.

Захотелось ему прославить имя свое, и позвал он зодчих и строителей, как говорит летопись, «со всех земель».

Повелел он строить во Владимире на высоком берегу Клязьмы сразу два белокаменных храма и окружить город рубленой деревянной стеной с белокаменными надвратными башнями. Сам он поселился в недалеком селе Боголюбове, где на холме над Клязьмой повелел строить еще один храм из белого камня, а рядом белокаменный дворец и опоясать тот холм белокаменной стеной. Сказал про Андрея летописец: «Створи град камен».

В стародавние времена зодчих звали «хитрецами». Георгию Николаевичу очень нравилось такое название искусных

мастеров, которые умели воздвигать здания необыкновенной красоты и стройности.

Заканчивалась глава исполненным горечью замечанием: как мало сохранилось от того белокаменного великолепия, безжалостно уничтоженного и триста лет назад, и сравнительно недавно. Георгий Николаевич настойчиво призывал своих будущих юных читателей беречь оставшуюся старину, относиться к ней с уважением, советовал ездить и ходить пешком по старым русским городам.

В другой главе он рассказывал, как продолжалось белокаменное строительство, когда во Владимире, Суздале и Ростове стал править младший брат Андрея, Всеволод, за свое многочисленное потомство прозванный Большим Гнездом.

Могучим и богатым княжеством владел Всеволод, недаром создатель «Слова о полку Игореве» говорил о нем: «Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти...»

Пожелал Всеволод, чтобы слава его превзошла славу старшего брата. И повелел он строить храмы, дворец и крепостные башни такие, чтобы красотой и высотой своею они затмили бы все то, что строилось раньше.

Но не позвал он зодчих-хитрецов с иных земель. Местные уроженцы, русские ученики, сумели перенять камнесечное и строительное искусство у иноземных мастеров и сами стали строить из белого камня, который княжеские холопы добывали на берегах Москвы-реки, на ладьях доставляли его вверх по течению, волоком переправляли в Клязьму и далее во Владимир.

В те времена печатных книг не было, а писали и переписывали их от руки не на бумаге, а на пергаменте, выделанном из телячьей и козьей кожи. Тонкими гусиными и лебедиными перьями выводили писцы буквы, а на полях нередко рисовали картинки, раскрашивали их красками, разведенными на яичном желтке. На тех картинках изображались разные дико-

винные треххвостые чудища, четвероногие орлы-грифоны и другие сказочные звери и птицы; все изображения обрамлялись вьющимися стеблями растений, неизвестными цветами и листьями.

Ценились те книги наравне с серебряными сосудами.

Разослал Всеволод гонцов по многим странам покупать книги. Из Греции, из Грузии, с Балканского полуострова, из Киева приносили их во Владимир.

И стали камнесечцы разглядывать картинки в тех книгах и на плоскости камней перерисовывать углем тех диковинных зверей, птиц и цветы и высекать их своими долотьями. Так каждый камень умелыми руками мастеров превращался в подлинное произведение искусства.

А строители под руководством главного зодчего-хитреца воздвигали из тех резных камней храм или терем, высокий и стройный, устремленный к небу. И стены его напоминали четыре страницы мудрой и прекрасной белокаменной книги.

Прочел Георгий Николаевич эти две главы, но остался имн недоволен. Он чувствовал, что отдельные события — например, как строились белокаменные города, какими великолепными они выглядели — им не показаны достаточно убедительно. Но какими словами описать ту красоту, он пока не находил.

Тут Машунька застучала в дверцу светелочки:

— Дедушка, бабушка обедать зовет!

После обеда Георгий Николаевич, как обычно, отправился гулять со своей внучкой. Взяли они сачок и пошли ловить бабочек. Начали спускаться к Клязьме вдоль бровки оврага. В палатках было совсем тихо. Возле Клязьмы они тоже никого не увидели.

Машунька вздумала приподнимать полотнища и заглядывать подряд во все палатки. В иных одеяла валялись сбитыми ворохами, в других, наоборот, были аккуратно застелены.

Сразу можно было догадаться, где живут девочки, где мальчики.

И вдруг Машунька закричала:

— Дедушка, дедушка! Мальчик под одеялом спрятался!

Да, в одной из палаток кто-то лежал, завернувшись с головой в одеяло.

— Кто тут? Вылезай!

Молчание.

Георгий Николаевич сел на корточки, подsunул руку под одеяло и пощекотал голую пятку.

— Это не мальчик, а девочка! Это Галя! Галя! Она у нас ночевала! — закричала Машунька.

Галя, кудрявая, растрепанная, быстро села. Лицо ее все распухло от слез.

— Ты что тут одна? А где остальные?

Галины глаза неожиданно позеленели от злости.

— Послушай, где остальные ребята? — повторил Георгий Николаевич вопрос.

— Это вы меня погубили! — вместо ответа зло проговорила Галя.

Он вспомнил странное, с его точки зрения, наказание — домашний арест, а также предстоящий суд — и сказал:

— Никак не думал, что у вас такие строгие законы. Если я тебя погубил, может быть, смогу и спасти.

Галя, видно, смягчилась, ее глаза сразу сделались сероголубыми.

— Приходите к нам сегодня вечером. Пожалуйста, приходите! — попросила она умильным голоском. — Приходите меня защищать...

Георгий Николаевич совсем не хотел откладывать чтение своей рукописи. Он так надеялся на помощь Настасьи Петровны, на ее советы. Как же быть? Но прежде чем ответить девочке, ему нужно было узнать, куда же делись остальные ребята. И он спросил Галю:

— Скажи мне наконец, где все твои друзья?

— У меня на свете очень мало друзей,— печально ответила она и после нарочито жалостливого вздоха добавила: — Они в город ушли, на свидание с Петром Владимировичем. Понесли ему цветы и манную кашу с земляникой.

Лицо Георгия Николаевича сделалось красным, на лбу выступили капельки пота.

— Это еще что за самоуправство!

Он же доказал ребятам, как дважды два четыре, что им совершенно незачем идти в город, по крайней мере в течение трех дней. А они?.. Он вспомнил, как длиннолицая командирша отряда в две секунды утихомирила остальных. Так вот в чем дело! Заседание штаба созывалось, чтобы объявить: «Пойдемте все вместе в город». Больше всего его возмущал Миша. Черноглазый лгунишка! Вот почему он так настойчиво приглашал: «Пожалуйста, приходите вечером, приходите вечером, а после обеда не нужно». Они явно не желают слушать никаких советов взрослых, хотят быть самостоятельными. Он еще восхищался их крепкой дисциплиной. Оказывается, они обманули его, скрыли, что собираются в город. Они даже не знают, в какой больнице лежит их воспитатель! А в городе целых три больницы, да еще там из-за гриппа карантин. Отправились, ничего не разузнав, будут теперь весь день шататься по улицам без толку.

Георгий Николаевич, очень рассерженный, взял Машуньку за ручку и пошел вдоль берега Клязьмы.

— Так вы придете к нам сегодня вечером? — слышался за его спиной жалобный возглас Гали.

Но он даже не обернулся — наоборот, зашагал быстрее по хрустящему песку, еще крепче сжал Машунькину ладошку.

Они направились к устью Нуругды, небольшой речки, которая впадала в Клязьму за церковью, на другом конце села.

Там, на влажных песчаных отмелях, водились прелестные бабочки — большие, темно-коричневые с белым, так на-

зываемые тополевы́е ленточницы, которых в их коллекции не было.

На сыром песке сидело сразу пять великолепных экземпляров. Георгий Николаевич подкрадывался к ним и с одной стороны и с другой, но они — такие осторожные! — сразу взвивались к макушкам ветел.

Машунька ахала:

— Дедушка, опять ты прозевал!

Неудачная охота еще больше раздражила Георгия Николаевича. Возвращаясь с Машунькой тем же путем вдоль Клязьмы, он злорадствовал: как пойдет к Петру Владимировичу с жалобой на ребят, как будет настаивать отправить их в пионерский лагерь. Насколько такой выход разумнее, а для взрослых спокойнее.

Проходя мимо палаток, он опять заметил одинокую Галю. Девочка разжигала костер и, как видно, собиралась варить обед сразу в трех ведрах, нанизанных на перекладину между двумя рогатулями. Согнувшись в три погибели, она дула под тлевший хворост с таким усердием, что не заметила проходивших.

Георгий Николаевич даже не окликнул Галю. Ему несколько не было жалко девочки.

Поднимаясь в гору, он вспомнил, что из-за карантина не сможет повидаться с больным воспитателем. Послать ему письменную жалобу? Но он даже не знает его фамилии. Пока узнает, пока напишет письмо и опустит конверт в почтовый ящик, пока получит ответ — пройдет по крайней мере дня три. Пожалуй, писать незачем, лучше подождать возвращения ребят, а завтра утром их как следует выбрать и пристыдить.

Но Георгий Николаевич, как каждый вспыльчивый человек, легко остывал, к тому же в овраге бесподобно пахло черемухой... Он поднимался в гору, а его негодование на ребят все уменьшалось, все уменьшалось... Открывая калитку, он

решил, что не стоит особенно сердиться на них. Сегодня вечером он действительно занят, а завтра утром спустится к ним и поговорит с ними по душам.

— Ты помнишь, что сегодня вечером я тебе читаю две последние главы? — с такими словами он окликнул Настасью Петровну, возившуюся в огороде.

Глава 4

О ТОМ КАК НЕОЖИДАННО
КОНЧИЛСЯ СУД

Георгий Николаевич любил читать вслух свои еще не опубликованные произведения, читал друзьям, знакомым. Подчас он мучительно не знал, хорошо ли написано. Сегодня ему казалось — выходит ну просто здорово, а назавтра он убеждался, что эти же самые главы, наоборот, никуда не годятся.

В такие дни сомнений друзья, верные, вдумчивые, и помогали. Прослушав рукопись, они строго, придиричиво и одновременно благожелательно говорили: это нравится, а это не нравится. Иногда он спорил с такими советчиками, иногда соглашался с ними и во всех случаях благодарил за внимание.

Он любил читать и в школах, но не в нарядном и многолюдном актовом зале, а просто в отдельных классах — в пятом, в шестом, в седьмом. После чтения ребята всегда готовы были сказать: «Как хорошо, как интересно!», но он таким похвалам не очень-то верил. Мнение ребят познавалось иначе. Вот если он читал, а в это время то с одной парты, то с другой доносилось шушуканье — значит, берегись, написал плохо, скучно. А бывало и такое: читал он, читал, а в классе тишина царила, слышно было, как тикали часы на руке у учительницы, а она на самой задней парте сидела...

И тогда поднимал Георгий Николаевич голову и видел,

что мальчики и девочки вытягивались вперед, во все глаза глядели на него, застывали неподвижно... И говорил он самому себе: «Ну молодец! Радуйся, ликуй — выдержал экзамен!»

Однако не друзья и не школьники являлись его главными слушателями и советчиками. Первой, кому он читал только что созданные страницы, была его верная и любимая Настасья Петровна. Именно мнение жены он особенно ценил и всегда внимательно прислушивался к нему.

Вот почему так хотелось ему сегодня вечером ей почитать те две, никак ему не удававшиеся главы исторической повести, посвященные белокаменному строительству на Руси в двенадцатом столетии.

Но тут дело застопорилось. У Машуньки разболелся животик. Настасья Петровна никакими усилиями не могла ее уложить. Несносная девчонка то хныкала, то хохотала, то брыкалась. А Георгий Николаевич, сидя за столом в кухне, терпеливо ждал. Рукопись лежала перед ним.

В конце концов он встал и прошел в спальню.

— Детка, послушай, что я тебе расскажу.

Он подсел к ее кровати, начал ей шептать:

— Детка, милая, ну, пожалуйста, закрой глазки, закрой глазки... Мне так нужно прочесть бабушке две главы из моей книги.

Машунька приподняла голову.

— О чем ты пишешь? — спросила она.

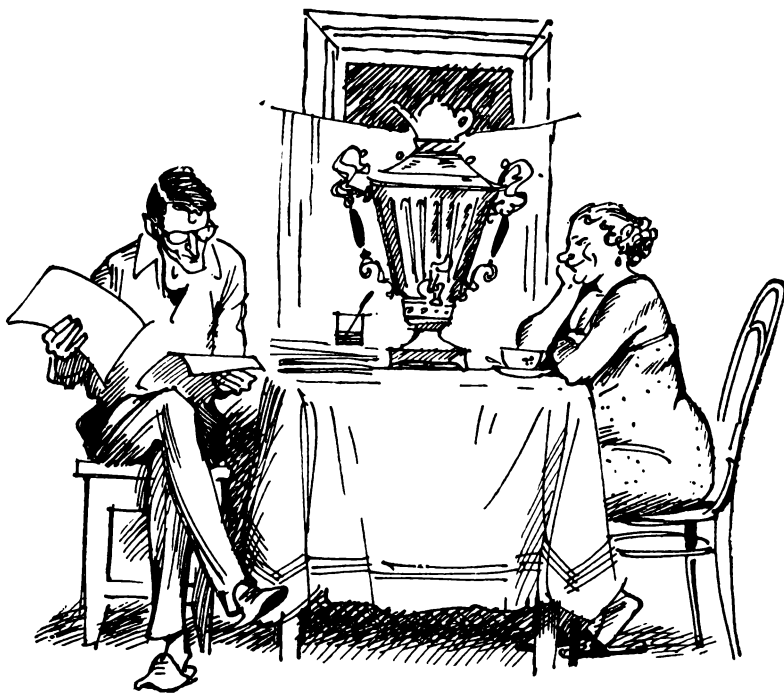
— Книга еще не скоро будет написана. Вырастешь — прочтешь, а сейчас закрой глазки и засни, засни.

И Машунька правда уснула.

Георгий Николаевич тихонько, чтобы ее не разбудить, встал и вышел на цыпочках в кухню.

— Готово, уснула. Давай приступим к делу, — очень довольный, сказал он Настасье Петровне.

Чтение началось поздно — только в девять вечера.

Июньские дни длинные. Солнце клонилось к закату, Георгий Николаевич читал, наверно, целый час. Настасья Петровна зажгла электричество. стакан холодного чая перед ним почти опустел...

Он читал о прекрасном витязе, славном богатыре Алеше Поповиче, как позвал его к себе в Ростов совет держать князь Константин; стал Алеша прощаться с молодой женой, подвели отроки к нему коня, вскочил он в седло...

Читал Георгий Николаевич, читал... Настасья Петровна подлила ему еще чаю в стакан...

Читал Георгий Николаевич о том, как строили из белого камня в двенадцатом и тринадцатом столетиях. Чертежей то-

гда не знали, а главный зодчий-хитрец вырезал из податливой липовой колоды маленькую церковку или башенку и, держа ее в руках, смотрел, как возводили каменщики стены.

Откуда историки это знают? Да на некоторых иконах встречаются изображения святых, держащих такие игрушечные церковки.

Георгий Николаевич описывал, как древние строители поднимали на веревках с помощью деревянных блоков один за другим ровно отесанные спереди и с четырех боков плоские белые камни, как плотно прилаживали их один к другому, пропитывали швы известковым раствором.

А тем временем другие каменщики, сидя на земле на дубовых колодах, ударяли молотками по ручкам долотьев — тук-тук-тук,— сглаживали, отесывали они камни, и нездоровая пыль облачками поднималась над ними.

Тук-тук-тук... — словно колокольцами перезванивались камнесечцы, словно играли они на пастушьих свирелях или перебирали струны гуслей...

Тук-тук-тук... — оборванные и босые стучали они, лица их были бледно-серые, рты обвязаны тряпками, а воспаленные глаза их слезились. То один, то другой камнесечец выпрямлял согнутую спину, отнимал тряпку ото рта и кашлял, сплевывая кровью...

— «Тук-тук-тук...» — читал Георгий Николаевич.

Тук-тук-тук... — вдруг легонько застучало в наружную дверь.

Он вздрогнул, поднял голову, спросил:

— Кто там?

Дверь слегка скрипнула, отворилась. На пороге вырос Миша. Он был босиком, в грязных засученных шароварах и в майке, а в руках держал какую-то блестящую металлическую чашечку, формой своей напоминавшую серебряную чару, из которой древнерусские князья пили на пирах мед и зелено вино.

Вид у Миши был крайне растерянный и смущенный. В черных глазах его виделся страх, смешанный с болью и отчаянием, тонкая верхняя губа вытянулась вперед.

«Прервал на самом животрепещущем месте!» — сердито подумал Георгий Николаевич.

— Мальчик, что тебе нужно? — очень строго спросила его Настасья Петровна.

Тот протянул вперед свою княжескую чару и жалобно пролепетал:

— Половник, половник сломался...

Настасья Петровна внимательно всмотрелась в него и вдруг сказала:

— Не верю! Из-за сломанного половника не глядят с таким отчаянием. Говори сейчас же, что у вас там стряслось?

Георгий Николаевич от гнева даже не мог рта раскрыть. У Миши тоже прилип язык к нёбу.

— Чего же ты молчишь? — повторила свой вопрос Настасья Петровна. И, не дождавшись ответа, она с большой нежностью притянула мальчика к себе: — Ну, милый мой, скажи мне, какая у вас там беда?

Миша взял себя в руки и начал сбивчиво, заикаясь. Настасья Петровна слушала его с участием и нескрываемым любопытством.

Георгий Николаевич тоже слушал и одновременно с тоской и злостью думал: «Противный мальчишка, прервал чтение!» Но с каждой минутой гнев его все остывал, остывал. А чувство писательской любознательности в нем все росло, росло... Рассказ мальчика и правда был очень интересный, такой можно бы вставить в новую повесть.

Миша рассказал, как они оставили Галю готовить обед, пошли в город и вернулись только теперь. Сварила бы она вкусно, и не стали бы ее строго судить за измену дружбе.

— За измену дружбе? — переспросила Настасья Петровна.

Миша повторил свой рассказ про преступную Галину ночевку и про еще более преступное уничтожение шоколадок.

— А теперь она бухнула мясные консервы прямо в компот, — уныло закончил он и тяжело вздохнул.

— Так что же, вы сломали половник об ее спину? — спросил Георгий Николаевич.

Тут Миша выпрямился, оттопырил верхнюю губу, в его черных глазах вспыхнули молнии.

— Посмел бы кто ее стукнуть! Я бы такому...

Он объяснил, что Галино злосчастное кушанье очень долго висело над костром и потому подгорело. А сломал он половник, выскребая со дна ведра приставшие сухие фрукты и куски обсахаренного мяса.

— Я тебе сейчас подарю другой половник, — сказала Настасья Петровна. — Георгий Николаевич занят, он придет к вам завтра.

И опять неподдельное отчаяние выразилось в черных Мишиных глазах. Для смелости он крепко, до боли сжал кулаки и выпалил:

— Сейчас суд будет над Галей. Ой как все злы на нее! Хотят выгнать ее совсем, в Москву отправить.

— О-о-о! — только и вырвалось у Георгия Николаевича. Ему сделалось нестерпимо жалко и мальчика и провинившуюся бедняжку Галю.

Миша опять оттопырил верхнюю губу, выпрямился, заправил выскочившую майку в шаровары и с мольбой в голосе сказал:

— Дяденька, я за вами пришел. Вас свидетелем на суд зовут.

Георгию Николаевичу было, конечно, очень досадно, что прервалось чтение его рукописи, но ничего не поделаешь — он же раньше обещал идти на этот дурацкий суд.

— Второго блюда почти не осталось,— неожиданно обратилась к Мише Настасья Петровна,— а картофельного супа целая кастрюля, возьми ее с собой.

Больше всего на свете она любила угощать и сразу поняла, что ребят надо накормить.

— Нет, спасибо,— гордо отказался Миша.— Из города мы, правда, пришли, как шакалы, голодные. Смотрим, в одном ведре суп жидкий, только червячки вермишели плавают, в другом ведре пшенная каша тоже очень жидкая и немножко подгорелая, а в третьем ведре... вот этот самый сладкий суп. Мы понюхали, попробовали и всё слопали, и насытились.

Георгий Николаевич надел пиджак, натянул резиновые сапоги и готов был идти.

— Ты скоро вернешься? — спросила Настасья Петровна мужа.

— Не знаю,— ответил тот, выходя за калитку. Откуда он мог знать, сколько времени продлится этот суд!..

Солнце зашло совсем недавно. В лиловых сумерках под кустами еще была заметна тропинка.

Пока они спускались с горы, Миша рассказывал. Он и сейчас захлебывался и глотал концы фраз, но не от волнения, а от восторга.

Больниц-то в городе целых три, и там, как нарочно, карантин. Отовсюду их гоняли, никуда не пускали; они прятались в крапиве, пролезали через заборы, проникали в котельные, на кухни, побывали в туберкулезном санатории, даже в родильном доме. Потом они догадались — нечего всей толпой соваться туда и сюда, нужно посылать в разные стороны по два, по три разведчика. Наконец они нашли, в какой больнице, в каком корпусе лежал их любимый воспитатель. И тут один дяденька больной помог. Он в полосатой пижаме по садику разгуливал. Он и показал окно палаты Петра Владимировича. Хоть на первом этаже, а все равно было жуть как высоко! Мальчишки подсаживали друг друга и девочек

тоже подсаживали. И все, все увидели Петра Владимировича.

— У меня и сейчас плечи и спина болят — столько на мне народу по очереди перестояло. А вот Галя не стояла...— вздохнул он напоследок.

Миша втянул полной грудью живительный черемуховый воздух и с новой энергией продолжал:

— А Петр Владимирович лежал от окна далеко. Там еще шесть больных было; один мальчик совсем маленький, у него тоже аппендицит вырезали. Петру Владимировичу манную кашу с земляникой есть запретили, и он этому мальчику миску отдал, а цветы у себя на столике в кружке поставил. Он велел нам не ссориться, в дружбе жить и Гальку простить за то, что она в писательском доме ночевала. А теперь Галька такой кошмарный обед приготовила! И что с ней за это на суде сделают — ужас, ужас!

Они приблизились к палаткам.

Суд должен был состояться по тем строжайшим древним законам «Русской Правды», какие были выработаны еще в XI веке при великом князе Ярославле Мудром. В те времена князь, сидя на пне, на колоде или в кресле, сами судили своих провинившихся слуг и могли приговорить их и к смерти, и к отрубанию руки, и к штрафу, и к другим наказаниям, а могли и совсем простить.

Темнело. Большой костер освещал местность. Приволокли из лесу сухое осиновое бревно. Пятеро судей, как куры на насесте, разместились на нем. Посредине сидела длиннолицая Галя — командир отряда и тезка преступницы; с одной ее стороны — два мальчика, с другой — две девочки. Остальные ребята сидели или лежали на травке возле костра. Гали-преступницы не было.

Георгий Николаевич вспомнил, как судили в Древней Руси князь; среди них была и одна женщина — великая княгиня Ольга, — наверное, самая жестокая и беспощадная из всех тогдашних вершительниц правосудия.

Когда он подошел, судьи встали, и главный судья — Галя, поглаживая свои и без того гладкие светлые волосы, обратилась к нему. Говорила она очень серьезно, сухо, ледяным, высокомерным тоном судьи-княгини.

— Уважаемый товарищ писатель, суд хотел бы выслушать ваши свидетельские показания. А пока садитесь, пожалуйста.

Георгий Николаевич молча поклонился. Свидетелю сидеть на одном бревне вместе с судьями, очевидно, не полагалось, и он устроился просто на травке.

— Введите подсудимую,— строго возгласила «княгиня».

Круглолицые, толстенные мальчик и девочка вскочили, вместе подбежали к одной из палаток. Их звали Игорь и Алла.

— Галька, вставай! Галька, выходи сейчас же! — крикнул Игорь в темноту палатки.

Никто не отзывался.

Тут Миша не выдержал, также подбежал к палатке.

— Галька, выходи! Смотри — писатель пришел. Не бойся. Он очень хороший.

Полотнище распахнулось, показалось грязное и распухшее от слез лицо Гали-преступницы. Ее светлые кудрявые волосы, закрывая потный лоб, свалились клоچьями.

Она медленно вылезла из палатки и встала, вытирая рукавом щеки и нос.

— Сюда иди, здесь встань,— указала «княгиня» Галя на место перед бревном.— Признаешь ли ты себя виновной? — спросила она Галию-преступницу.

— Не признаю! Не признаю! Ни в чем не признаю! — с неожиданной яростью вскрикнула та, трясая кудряшками, едва сдерживаясь от рыданий, и показала на Георгия Николаевича.— Писатель подтвердит: меня силком заставили остаться в его доме.

Георгию Николаевичу очень не хотелось вставать, и он с места бросил:

— Подтверждаю.

— А шоколадные конфетки зачем ты ела в доме писателя? — спросила «княгиня» Галя. — Ты помнишь, как в Москве мы дали Петру Владимировичу и друг другу сверхчестное пионерское, что в походе для себя не будем покупать ничего! Даже мороженого! Даже газировки! Все у нас общее, все для всех! Давала ты такое обещание?

— Давала, — всхлипнула Галя-преступница. — Но когда под самый нос суют такую красивую коробку, с такими вкусными шоколадками, как сказать «не хочу»? Я силком их проглотила, только две штучки.

Тут неожиданно вмешалась Алла.

— А в корыте для младенчиков тебя тоже силком выкупали? — спросила она и залилась звонким смехом.

Покатился Игорь, оглушительно загоготал Миша, на разные голоса засмеялись остальные ребята. Даже члены суда отворачивались, но тоже не могли удержаться от смеха. Георгий Николаевич хохотал, как самый озорной мальчишка.

Только неподкупная председательница суда молчала и хмурила тонкие черточки бровей.

— Тише, ничего тут нет смешного. — С холодным презрением оглядела она всех, подождала, когда более или менее стихло, и объявила: — Переходим к следующему, значительно более тяжкому пункту обвинения. — Она прочла по бумажке: — «О преднамеренном отвратительном приготовлении обеда».

— Нечаянно я засыпала, нечаянно! — взвизгнула Галя-преступница. — Когда вы ушли в город, мне сделалось так грустно... Я сидела одна. Я вам так завидовала! Вы увидите Петра Владимировича, а я не увижу. И я задумалась! Все три ведра были совсем одинаковые, темно-зеленые. Они на перекладине над костром висели и кипели, и пар шел. Я ничего не видела от пара и от дыма. Было очень горячо, я зажмурилась... И не в то ведро высыпала мясные консервы.

— Суду все ясно. Факт преступления установлен,— холодно изрекла «княгиня» Галя. Она повернулась направо, к судьям-мальчишкам: — Доказано?

— Доказано,— подтвердили те.

Она повернулась налево, к судьям-девочкам.

— Доказано?

— Доказано,— подтвердили те.

Георгий Николаевич вспомнил, как Миша отзывался о командире отряда. «И правда, эта девочка — настоящая верблюдица», — подумал он про себя.

Да, при мерцающем свете костра длиннолицая, светловолосая, надменная Галя с холодными глазами под узкими черточками бровей чем-то походила на среднеазиатскую верблюдицу, окидывающую презрительным взглядом всех и вся.

После короткого совещания с членами суда «княгиня» Галя встала.

— Оглашается приговор суда: такая-то, такая-то — имя, отчество, фамилия — приговаривается к изгнанию из отряда и к отправлению в Москву.— Она повернулась к члену суда — мальчику: — Казначей, выдать деньги на железнодорожный билет в бесплацкартном вагоне и на телеграмму.— Потом она повернулась к Мише: — Физрук, пойдешь провожать, купишь билет, посадишь в вагон и дашь родителям телеграмму следующего содержания: «Ваша дочь не оправдала доверия отряда встречайте». Укажешь номер поезда, номер вагона.

Наступила удручающая тишина.

Тут Георгий Николаевич не выдержал. Он давно порывался, сейчас вскочил, легким шагом подошел к судьям и встал сбоку бревна. При мерцающем свете костра его очки блестели нескрываемым гневом. Он начал очень серьезно:

— Простите меня, пожалуйста, товарищи судьи, что вынужден отнять у вас ваше драгоценное время, но я хотел сделать одно малюсенькое замечание. Разрешите?

«Княгиня» Галя милостиво кивнула своей светловолосой

головой. Георгий Николаевич словно бы удивленно начал спрашивать:

— Как же так? Суд состоялся, а защитника на суде и не было? Вы знаете, где и когда судили без защитника, без адвоката? Вы знаете, что в гитлеровском государстве отправляли на казнь тысячи безвинных и их не защищал никто?

«Княгиня» Галя смутилась, ее длинное верблюжье лицо еще больше вытянулось.

Вдруг Миша подкатился прямо под ноги Георгию Николаевичу:

— Будьте не свидетелем, а защитником, вот этим самым адвокатом. Защитите Галю!

Как переменялось Мишино лицо! Мрачная и озлобленная ожесточенность в глазах, в складках вокруг рта исчезли. Зрачки сияли восторгом предстоящей победы, губы улыбались.

— Да, да, адвокатом! — закричали многие.

— Прежде чем дать согласие выступить в роли защитника на столь почтенном суде,— сказал Георгий Николаевич,— я должен попробовать ваш удивительный суп. Во время Отечественной войны мне пришлось пережить ленинградскую блокаду. Я глотал суп из сапог, из столярного клея. Очевидно, необычная смесь сухих фруктов, сахара, жирных мясных консервов и воды мне показалась бы тогда поистине тем блюдом, которое подавали отроки на древних великокняжеских пирах. Так, пожалуйста, угостите, налейте хотя бы несколько ложек.

— Ничего не осталось,— сказала круглолицая толстушка Алла и вдруг прыснула от смеха: — Всё слопали.

— И добавки просили, и еще раз добавки,— подхватила Галя-преступница.

— Животы у вас не болят? — забеспокоился Георгий Николаевич.

— Какая же девочка при всех признается, что у нее болит живот! — заметила «княгиня» Галя.

— Никто ко мне за лекарством не подходил, — объявила смешливая Алла: в отряде она была медсестрой.

— Выходит, не только адвоката, даже суда не нужно, — сказал Георгий Николаевич. — Ведь это же нелепость — судить кухарку за то, что она досыта накормила голодных ребят.

«Княгиня» Галя, почувствовав, как зашатался ее трон повелительницы, начала кусать с досады губы. Члены суда, ожидая, что она скажет, поглядывали на нее. И у «княгини» нашлось достаточно смекалки. Она поняла, что сама должна повернуть дело в другую сторону.

— Суд вовсе не собирался выгонять Галю, — презрительно сказала она. — Мы просто хотели ее напугать и пристыдить. Проси у отряда прощения.

Галя-преступница обвела взглядом всех — верно, искала сочувствия, — посмотрела на Георгия Николаевича, на Мишу. Пламя костра освещало ее лукаво прищуренное лицо.

Все, повернув к ней головы, ждали...

И вдруг она выпрямилась, тряхнула своими рыжеватенькими кудряшками и крикнула так звонко, что эхо отозвалось с другого берега Клязьмы:

— Не буду просить прощения! Я не виновата! Ни капельки не виновата.

Тут Миша закричал: «Ура, Галька!» — и прошелся колесом вокруг костра.

И все принялись хохотать, глядя то на Мишу, то на кудрявую Галю, теперь уже бывшую преступницу.

— Ребята, бросьте вы с этим судом! Забудьте этот суд! — горячо и убежденно заговорил Георгий Николаевич. — Посмотрите, какая вокруг вас красота разлита, какое приволье! — Широким жестом он показал на Клязьму, розовую и оранжевую. В ее тихой глади отражалась догоравшая за-

ря. Он показал на сиреневую в сумерках церковь на повороте реки, на пепельные и лиловые дали того берега.— Посмотрите еще раз. Я убежден, я верю — в таком волшебном окружении дружба ваша должна быть особенно крепкой... А теперь я хочу вам задать чисто практический вопрос: чем вы намерены заниматься, пока не вернулся ваш начальник похода?

— Общественно полезным трудом,— с готовностью ответила «княгиня» Галя.— Так нам посоветовал Петр Владимирович.— Собственно говоря, она уже больше не была княгиней — грозной судьей, и в дальнейшем ее следует называть Галей-начальницей.— Петр Владимирович нам велел пойти в колхоз,— продолжала она,— и там договориться о работе в поле.

— Дельное намерение! — сказал Георгий Николаевич.— Вы будете капусту или что-либо иное полоть, за это вам будут молоко да картошку давать. Но это четыре часа в день — больше не надо. А остальное время?

— Купаться будем, в волейбол играть,— раздалось с разных сторон.

— Ну, а еще что?

— Еще рыбу ловить,— сказал Игорь.

— Еще цветочки собирать,— вспомнила Алла.

— Всего этого мало,— сказал Георгий Николаевич.— Если я не ошибаюсь, после обеда полагается тихий час.

— Нет, нет! — раздались голоса.

— Это в пионерских лагерях полагается тихий час,— с апломбом разъяснила Галя-начальница.— Штаб нашего туристского отряда еще до начала похода вынес решение, поскольку мы путешествуем,— никаких тихих часов.

Там и сям слышались возгласы одобрения.

Георгий Николаевич понял, что ему — хочешь не хочешь, а придется куда больше времени отдавать ребятам, чем он предполагал. Мало ли что они могут выкинуть. Еще, чего доб-

рого, ссориться начнут. Вот не вмешайся он сейчас, выгнали бы незадачливую девчонку в два счета. Надо их чем-то занять, и занять чем-то таким, чтобы захватить, зажечь ребячьи сердца. Он же дал обещание их заболевшему воспитателю, что будет следить за ними.

— А Петр Владимирович меня не поминал на свидании с вами? — спросил он.

— Поминал,— ответила Галя-начальница и как-то замялась.

Вмешался Миша.

— Петр Владимирович нас спросил, сказали ли мы вам, что в город идем, а мы сказали: «Нет, не сказали», а он сказал: «Напрасно не сказали»,— скороговоркой затрещал Миша.

— Вот видите! — погрозил пальцем Георгий Николаевич.— Я ведь собирался на вас очень серьезно обидеться, потом передумал. Ну как, будем дружить?

— Будем, будем! — раздались уверенные голоса.

— Так вот что: я люблю русскую историю и вас хочу научить любить. Но учтите: для меня самое важное — для вас же книги писать, исторические повести. Итак, друзья мои, с утра и до обеда вы работаете в колхозе, а я с утра и до обеда работаю в своей светелочке. И вы мне не мешайте. У меня такое же твердое расписание дня, как в вашей школе-интернате. А завтра после обеда пойдемте осматривать радульские достопримечательности. Узнаете историю витязя, основавшего село Радуль восемьсот лет назад.

— Какую историю? Расскажите! — накинулись на него многие.

— Потом, потом, успеете,— отмахивался он.

Достопримечательностей в селе насчитывалось не так уж много, на их осмотр хватило бы полдня. Как проводить с ребятами дальнейшие послеобеденные часы, Георгий Николаевич пока и сам не знал.

«Ну, да там видно будет»,— подумал он про себя, рассчитывая, что Настасья Петровна даст дельный совет.

Он объяснил, в каком доме в селе живет бригадир колхоза Иван Никитич. К нему завтра как можно раньше утром надо пойти и предложить свои трудолюбивые руки. Сердечно распрощавшись со всеми, в полной тьме Георгий Николаевич начал подниматься по тропинке.

Настасья Петровна еще не спала; она сидела за столом в кухне и штопала чулки.

— Как ты долго! Я тебя ждала-ждала. Хоть и поздно, давай все же дочитай мне,— сказала она мужу.— Ну, как там у сироток, все ли в порядке?

— В порядке, в порядке! — радостно воскликнул Георгий Николаевич. Он не стал рассказывать жене про суд и про его счастливое окончание, а сразу сел за стол и начал читать.

Он прочел, как воздвигли на горе над рекой древние строители здание, стройное, изящное; все линии его тянулись снизу вверх, и оттого казалось оно и выше и воздушнее; сверкала на солнце белизна его стен. Всю душу вкладывал зодчий в свое творение, и потому оно было прекрасным.

Он прочел, как приезжал князь со своими боярами, как одежда их сверкала на солнце золотом и серебром, а серебряные бляхи блестели на конской сбруе.

Князь и его свита соскакивали с коней, шли внутрь здания, поднимались наверх, на хоры.

Косые солнечные лучи проходили через узкие окна и вонзались в обшитый медными плитами пол. Богомольцы в лаптях теснились внизу и усердно крестились. Хор певчих прославлял имя великого князя, кого называли создателем сего храма. А зодчий стоял сзади всех под хорами в своей черной одежде; никто его и не замечал.

К концу молебствия князь вспоминал о нем и посылал слугу вручить ему свой дар — золотой перстень с драгоценным голубым камнем.

В тот же день княжеский летописец выводил на листе пергамента такие строки:

«Сего же лета князь великий созда храм чудный...

Имя зодчего не поминалось никогда: летописец князю служил и хотел прославлять имя его навеки.

Так заканчивалась глава рукописи Георгия Николаевича.

— Я подумаю и завтра скажу тебе, что мне нравится, а что не нравится,— проговорила Настасья Петровна.— А теперь спать, спать! Уже первый час ночи.

Погасли в селе последние три окошка.

Г 5 Глава

ЖЕСТОКАЯ БИТВА НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ КЛЯЗЬМЫ

Как всегда, ровно в восемь утра Георгий Николаевич забрался в свою светелочку. Утром за самоваром Настасья Петровна высказала ему много замечаний по его рукописи, замечаний частью мелких, частью серьезных.

Нужно добиться, чтобы ребята и подростки, к которым обращалась его будущая книга, поняли, какую бессмертную красоту создавали никому не известные зодчие в ту бурную эпоху, когда князья в своем не знающем меры властолюбии водили полки на полки родных братьев, когда понапрасну лилась кровь русская.

По мнению Настасьи Петровны, Георгий Николаевич недостаточно взволнованно и горячо описал те блестящие, славные и в то же время такие кровавые страницы русской истории.

Он понял, что придется согласиться с ее мнением и основательно поработать: кое-что написать заново, многое переделать, перетасовать.

Исполненный решимости, он сел за свой столик, взял авто-ручку, наклонился над рукописью...

Вдруг...

Опять, как тогда ночью, хрустнуло оконное стекло. И опять Георгий Николаевич вздрогнул, увидев в окошке лицо, на этот раз лохматое и бородатое.

Нет-нет, он испугался лишь на десятую долю секунды. Ведь лицо принадлежало его радульскому другу Илье Муромцу.

Старик был явно встревожен. Как всякий глухой, он заговорил чересчур громко.

— Твой-то, твой... на пойму через Клязьму перебрались. Там на моркови шkodят.

Георгий Николаевич тут же вскочил и, положив на рукопись камушек, выскочил из светелочки. Оба поспешили к месту происшествия.

За последние десятилетия левобережная клязьменская пойма все больше зарастала ольхою и разным кустарником, всё меньшие участки оставались под заливными сенокосными лугами. Тянулись эти луга узкими полянками меж густых зарослей, косить там было возможно только вручную.

И тогда человек сказал природе:

«Отдай тучные, зря пропадающие земли!»

Уже два года, как с весны и вплоть до глубокой осени колхозный тракторист Алеша Попович своим мощным бульдозером корчевал на пойме кустарник. Расчищенные площади колхоз засевал клевером с тимофеевкой, а ближе к берегу Клязьмы земля была распахана под огороды. В прошлом году брюква там выросла, как выражался Илья Михайлович, больше самовара каждая, а некоторые кочаны капусты были чуть поменьше колеса телеги.

Сам Илья Михайлович работал главным огородником в

сельской бригаде. В этом году он впервые посадил на пойме морковь, собираясь вырастить ее размером, правда, не с самовар, но со свою могучую ручищу.

Понятно, почему неожиданное появление чересчур самостоятельных московских юных туристов на левом берегу Клязьмы так встревожило старика.

С горы Георгий Николаевич увидел ребят, но далеко. Протирал он очки, протирал, но никак не мог различить — забрались ли они на морковные гряды или копошились где-то еще дальше, возле кустарника.

Как же они очутились на той стороне? Некогда и некому было задавать вопросы. Георгий Николаевич знал одно: придется все бросать и немедленно переправляться через Клязьму.

Следом за Ильей Михайловичем он поспешил к оврагу. Они почти сбежали с горы. Возле палаток никого не было. Верно, дежурные ушли в лес за дровами. Какая беспечность! Ну ладно, рыбаки-любители или папы с мамами, чьи детки живут в пионерлагерях, пройдут мимо и ничего не тронут. Но забредут колхозные телята, палатки повалят, все перетрясут, продукты подъедят, потом убытков не оберешься.

Некогда было искать дежурных. Оба поспешили к бухточке, где качались на воде принадлежавшие жителям Радудя лодки. Вся флотилия, в том числе и большой колхозный струг, были привязаны цепями к толстой дубовой колоде.

Проворный Илья Михайлович быстро отвязал одну из лодок, сел на весла. Георгий Николаевич устремился на корме.

«Так как же ребята ухитрились переправиться на ту сторону?» — недоумевал он.

Илья Михайлович греб размашисто, весла в его ручищах мелькали, искрясь на солнце. Не так ли некогда рассекал волны богатырь Илья Муромец, когда на утлом долбленом челноке переправлялся через быстрые реки.

Вдруг старый радульский богатырь завопил страшным голосом, указывая веслом:

— Гляди, гляди! Горит!

На пойме внезапно поднялся к небу огромный столб густого черного дыма. Так горела некогда степь, подоженная дикими кочевниками половцами, а зоркий Илья Муромец, стоя на заставе богатырской, на страже земли русской, протягивал руку вперед и вещал: «Гляди, гляди! Горит!»

Заслоняла бровка берега, нельзя было понять, далеко ли горит или близко. Ближайшая деревня находилась за двенадцать километров. Нет, горело куда ближе.

И сидевшие в лодке поняли, кто были поджигатели.

Переправились. Илья Михайлович остался привязывать лодку, а Георгий Николаевич бегом поднялся на берег.

В кустах тарахтел невидимый Алешин бульдозер. Но сейчас было не до бульдозера.

Где горело?

Дым клубился уже не черный, а светло-серый. И горело так за километр, притом не в одном месте, а прерывистой полосой, несколькими кострами. Отдельные языки пламени были хорошо заметны.

И тут Георгий Николаевич увидел, что вокруг костров прыгали и бесновались никакие не половцы, а знакомые синие фигурки.

Идти напрямиком через гряды он не мог, пришлось ему обходить.

Еще в прошлом году бульдозер, расчищая площади, наворочал длинные валы вырванного с корнем кустарника, за год все это основательно подсохло. Эти-то бесформенные рогатые ветви и корни жгли ребята.

Пыльные, закоптелые, самозабвенно веселые синие поджигатели работали без усталости. Из куч земли они вытаскивали отдельные ветви и целые деревца, волокли к кострам. Вот, как муравьи мертвого жука, целая ватага их облепила

Пламя взвилось куда выше, чем на прощальных пионерских кострах.

упавшую сухую ветлу. Игорь и Миша туристскими топориками принялись неистово рубить цеплявшиеся за землю сучья.

— Раз, два — взяли! Еще — взяли! — громко пела стоявшая в стороне Галя-начальница, остальные подхватывали песню, орали хриплыми, удалыми голосами.

Поташили, поташили к самому жаркому пеклу... Пламя взвилось куда выше, чем на прощальных пионерских кострах, сухие обгорелые листья черными ласточками полетели к небу...

Подошел Георгий Николаевич, следом за ним Илья Михайлович. Двумя руками старик держался за низ своей рубахи и нес в подоле целый ворох очищенных от ботвы и свежемытых оранжевых молоденьких морковок.

— От колхоза трудовому люду за усердную работу! — неестественно громко гаркнул старик и вывалил всю морковь на землю.— Никакой шкоды нет, как посадили с весны рядками, так и растет,— сказал он улыбаясь. И улыбка его была самая широкая и благодушная, как у древнего русского богатыря Ильи Муромца в мирные дни застольных пиров светлого князя Владимира Красное Солнышко.

В азарте ребята не замечали его богатырской улыбки. Георгий Николаевич поймал Мишу за рукав и показал ему колхозные дары. Мальчик увидел, но не закричал, а подбежал к Гале-начальнице, также поймал ее за рукав и показал на кучу.

Галя погладила свои и без того гладкие светлые волосы, подошла к моркови, деловито осмотрела ее, потом повернула голову к Георгию Николаевичу и строго спросила:

— Откуда это?

Он поспешил рассеять ее подозрения, кивнул на Илью Михайловича и объяснил, за что подарок.

Галя-начальница поняла, выпрямилась и скомандовала:

— Объявляется перерыв!

Убедившись, что ее услышали, она присела на корточки и начала делить подарок на тридцать кучек.

Ребята подбегали один за другим, ахали, но ни один из них не нагнул, чтобы схватить даже самую тоненькую морковку. Они принялись рассказывать Георгию Николаевичу; рассказывая, так рьяно перебивали друг друга, что он не понимал ничего.

Галя-начальница поднялась. Поручив медсестре Алле задачу разделенной моркови, она сказала:

— Замолчите, я сама все расскажу писателю.

Под дружный хруст моркови он узнал, как начался у ребят сегодняшний день.

В виде исключения штаб назначил подъем не в семь, а в восемь утра.

— Вследствие крайней напряженности предыдущего дня,— пояснила Галя-начальница.

Члены штаба отправились к колхозному бригадиру договариваться о работе, но его не застали — он уехал еще на рассвете на покос в какую-то «Агафьину луку».

— Это вверх по Клязьме,— пояснил Георгий Николаевич,— там русло реки огибает заливной луг.

Ребята помнили, что с утра ни в коем случае нельзя беспокоить писателя. Проходя мимо его забора, они издали увидели, что он сидел в своей будочке и сочинял новую книгу. Галя-начальница, понятно, забеспокоилась: чем же им заняться?

На заседании штаба было вынесено решение устроить санитарный день. Девочки стирают все свое, а также ковбойки и майки мальчиков; мальчики стирают свои трусы и носки, шаровары остаются грязными до самой до Москвы. Мише с Игорем штаб поручил обследовать дно реки против палаток.

— Как самым смелым пловцам,— не удержался Миша.

— Прошу не перебивать! — отрезала Галя-начальница и продолжала рассказывать.

Оба мальчика направились пешком через реку. Думали, что будет очень глубоко, а оказалось, посреди реки было по грудь и только у самого противоположного берега по шейку. Тогда штаб решил стирку отставить, а всем переправиться на ту сторону вброд и посмотреть, какие там цветы растут. Ведь Петру Владимировичу скоро придется нести новый букет. Игорь и Миша сказали, что на том берегу много комаров. Решили переправляться в трусах или в купальниках, накрутив свои спортивные костюмы вокруг головы, а связанные кеды перекинув через шею. Переправлялись одной цепочкой, каждый крепко обнимал за плечи обоих своих соседей...

— Половецким способом. Это я предложил. Я вычитал в «Вокруг света»,— не удержался Игорь.— Так переправлялись через реки древние половцы, когда нападали на Русь. Коней переправляли отдельно.

— Прошу не перебивать!— вторично отрезала Галя-начальница и продолжала рассказывать.

Они благополучно вышли на берег, поднялись и тут увидели, как она выразилась, «морковные плантации».

— В нашем пищевом рационе преобладают консервные продукты и ощущается острый недостаток витаминов,— рассказывала Галя...

Они постояли в раздумье возле грядок. Но ведь колхозную собственность расчищать нельзя никак; они самоотверженно отошли и направились в глубь поймы, не выдернув ни одной морковки. Да, да, честное пионерское — ни одной! Тут они услышали, как работает трактор, прошли немного и увидели, что это не трактор, а бульдозер, который валит и расчищает кустарник. Было так интересно смотреть, как самую мировую кинокартину про войну или про разведчиков. Потом бульдозерист остановился на перекур, и ребята с ним познакомились. Он и посоветовал им жечь прошлогоднюю сухую расчистку. Они получили от него в подарок коробку спичек,

а чтобы легче загорались костры, он отлил им полведра горячего.

Миша потянул Георгия Николаевича за брюки:

— Пойдемте, пойдемте смотреть! Там бульдозер атакует, как наши солдаты фашистов.

Отряд разделился. Часть ребят повели Георгия Николаевича на место сражения, часть остались жечь сушняк.

Удалец Алеша Попович своим бульдозером крошил направо и налево ольху, лозняк, дикую смородину, шиповник и всякие другие тесно переплетенные, колючие и неколючие и, в общем-то, малополезные кусты.

— Раз-раз! — огромный блестящий лемех бульдозера со скрежетом и треском шел вперед, подминал зеленые ветви, вспахивал тучную черную землю. Алеша не видел, что у него творится по сторонам, не замечал зрителей, глядел только вперед. Вот он спешно переставил рычаги, бульдозер лягнул, немного отступил и с удвоенной силой яростно бросился на заросли кустарника. Не только ребята, но и Георгий Николаевич закаменел, в восхищении глядя на поединок человека с природой.

— Он танкист. Он в танковых частях служил! — кричал Миша.

Нет, не современные танковые бои, когда огромные стальные махины со скрежетом и ревом давят и сокрушают все на своем пути, вспоминались сейчас Георгию Николаевичу.

«Есть упоение в бою», — прошептал он слова поэта.

Нет, не колхозный тракторист Алеша, а древний богатырь Алеша Попович или сказочный витязь — основатель Радуля с таким же самозабвенным упоением врезались в самую сечу битвы. А справа и слева от них русские воины разили мечами, кололи копьями, колошматили вражеские шлемы топорами, а то и просто дубинами. Не выдержав натиска, в смертельном ужасе бежали и падали враги...

Наконец Алеша Попович увидел Георгия Николаевича. Загорелый, улыбающийся, испачканный автолом, он остановил мотор, соскочил на землю, подошел. Воцарилась внезапная тишина, но пыл битвы еще кипел в озорных глазах радульского богатыря.

— Ну, каково ваше впечатление? — спросил он Георгия Николаевича.

— Здорово! — только и нашелся тот ответить.

Алеша закурил, угостил Илью Михайловича. Ребята обступили взрослых, ожидая, о чем они будут разговаривать. А взрослые молчали. После такого яростного побоища никто из них просто не находил слов.

— А ну, братва, дайте один экземпляр морковки! — вдруг брякнул Алеша.

Несколько рук с готовностью протянулось к нему. Хрустя морковкой, он повел с Георгием Николаевичем деловой разговор:

— Экономически очень правильно, что братва произведет сожигание кустарника, а то в колхозе систематическая нехватка рабсилы. Валы с прошедшего года числятся; теперь я получу возможность произвести их разглаживание бульдозером. И второй вопрос — как известно, зола является ценным дополнительным удобрением.

— Да, да, — поддакивал Илья Михайлович, хотя вряд ли что слышал.

Передохнувший Алеша вскочил в кабину и ринулся в новую битву. Ребята побежали «производить сожигание».

Переправившись вместе с Ильей Михайловичем обратно через Клязьму, Георгий Николаевич отправился в свою светелочку работать. Но сегодня опять у него не клеилось никак. То он сидел опустив руки и думал, то принимался писать, то крест-накрест все перечеркивал. Его все время тянуло взглянуть на часы.

Ровно в два ребята будут снова переправляться через

Клязьму, и ему очень хотелось поглядеть на это наверняка занятное зрелище.

Без десяти два он вскочил, с досадой отбросил несколько перечеркнутых листов бумаги и через заднюю калитку собрался уходить.

— Ты куда? — раздался за его спиной голос Настасьи Петровны.— Обедать пора. Вернись!

Но он сделал вид, что не расслышал, и поспешил на самый взлобок горы.

Отсюда, с высоты, ему хорошо была видна широкая голубая Клязьма и вся левобережная пойма — ближе к берегу огороды, дальше луга, разделенные валами сушняка и земли, — следы сокрушительных побед бульдозера. Кое-где выделялись темно-зеленые пятна. Это добросовестный Алеша оставлял отдельные купы дубов и лип, ольху и лозу вокруг озер-стариц. В нескольких местах поднимались дымки костров, а вдали тянулась сплошная нетронутая чаща кустарника.

Георгий Николаевич немного запоздал. Ребята уже спустились к реке и начали переправляться этим самым половецким способом наискось русла. Каждый из них крепко обнимал плечи обоих соседей. Получилась этакая сплошная ребячья гусеница, казавшаяся мохнатой, с синими и розовыми крапинами.

Вода доходила ребятам до груди, потом до шеи, опять до груди. Гусеница медленно приближалась, извиваясь, повизгивая, хохоча. Одежда была накручена вокруг головы каждого. Георгий Николаевич не знал, какие именно головные уборы носили половцы; возможно, вот эдак — просто тряпки на головы накручивали. Остроконечных шлемов, как у русских воинов, у них не было.

Первым брел, как самый сильный, Миша, за ним толстяк Игорь, еще мальчик, потом девочки; хвост гусеницы замыкали опять три мальчика.

Вдруг на реке показалась моторка. Она мчалась, тоненько звеня, высоко подняв нос, вспенивая воду. Моторист, увидев ребят, должен был затормозить или хотя бы замедлить ход, а он, наоборот, прибавил скорость и промчался в двух шагах от Миши.

Ребят окатило волной, визг поднялся отчаянный, гусеница закачалась, закачалась, готова была вот-вот разорваться на части...

— Уму непостижимо!

Георгий Николаевич оглянулся: сзади стояла Настасья Петровна и держала Машуньку за ручку.

— Дедушка, дедушка, смотри! — кричала в восхищении девчурка.

Но ему было не до разговоров.. Он задержал дыхание... Нет, гусеница выдержала натиск волны, двинулась дальше. Опасность миновала. На поясницах мальчиков показались темные полоски трусов. Стало еще мельче. По команде Галл-начальницы гусеница расцепилась, и ее отдельные звенья на перегонки побежали к берегу.

— Это ухарство к добру не поведет, — проворчала Настасья Петровна. — Обругай их как следует.

— Не ухарство, а смелость и дисциплина, — ответил Георгий Николаевич.

— «Дисциплина!» — передразнила его жена. — А кто первый нарушитель? Ты. Мне приходится с утра до вечера о тебе беспокоиться. Взрослый человек пошел работать и тут же упорхнул. Машунька ко мне прибежала, говорит: «А наш дедушка с дедушкой Ильей Муромцем на лодочке катаются». Я ведь все знаю. Зачем ты на ту сторону переплывал?

— Ну ладно, ладно, — с тоской перебил Георгий Николаевич жену. Конечно, жена, как всегда, была права.

Но тут, видно, ей стало жалко мужа. Она сказала:

— Пойдем обедать.

Сидя на веранде за обеденным столом, он старался не думать о всяких неприятных вещах. Мысленно представились ему ребята, как они разместятся сейчас с мисками и ложками за своей зеленой скатертью, как ответственный дежурный возьмет подарок Настасьи Петровны — половник и начнет раздавать очередное блюдо, может, божественно вкусное, а может, подгорелое или пересоленное. Но каким бы ни было их кушанье, Георгий Николаевич наверняка знал одно — едоки уплетут его подчистую, будут просить добавки, еще раз добавки...

Г 6 Глава

ДЕВОЧКИ ОКАЗАЛИСЬ ХРАБРЕЕ МАЛЬЧИШЕК

Когда к Георгию Николаевичу приходили пионеры или приезжали гости, он неизменно вел их на осмотр достопримечательностей Радуля, и обязательно по одному и тому же маршруту.

И сейчас, когда после обеда его новые питомцы пришли к нему, он начал экскурсию со своей светелочки. Показал на сосновый столик, на окошко, глядевшее в лес, рассказал историю витязя, нарисованного на стене: как витязь плыл со своей дружиной по Клязьме, как основал Радуль, как жил с молодой женой и как оба они погибли от какой-то неизвестной болезни.

Далее Георгий Николаевич повел ребят мимо своей бани на взлобок горы, откуда виднелась вся левобережная клязьменская пойма. Полюбовались они раздольем на тридцать километров, спустились к самой Клязьме и направились вдоль ее берега к Радульской церкви.

Ослепительно белая, сейчас ярко освещенная солнцем, она высилась на повороте реки. Острый шатер колокольни и сам

храм с одним куполом отражались в чуть рябившей голубой воде. Высокие деревья росли на сельском кладбище.

Экскурсия подошла к самой церкви. Георгий Николаевич остановил ребят у подножия кирпичной, побеленной, похожей на гигантский карандаш колокольни. Сам храм до уровня окон первого этажа был выложен из ровно отесанного белого камня, а выше — из кирпича, также побеленного.

Вблизи этот несомненно выдающийся памятник старины, возведенный триста лет назад, был также красив, как издали. А следы запустения — выщербленные отдельные кирпичи, безрезки на крыше, накрененный купол — придавали ему особенно поэтичную и таинственную прелесть.

Ребята сбились в кучу и молча ждали, когда Георгий Николаевич начнет рассказывать.

— Смотрите, — заговорил он, — какое тонкое белокаменное кружево вьется вокруг окон, вокруг входа. Как изящны и стройны устремленные ввысь очертания. А ведь безымянный зодчий без чертежей, без расчетов строил.

Георгий Николаевич говорил горячо, увлеченно.

— Какие будут вопросы? — спросил он напоследок.

— А можно залезть на колокольню? — поинтересовался Миша, показывая на маленькую дверку сбоку главного входа.

Георгий Николаевич знал, что витая каменная лестница доходила только до первой площадки колокольни, а выше когда-то шла деревянная, давно уже разобранный, и потому он сказал:

— Вам все равно до верха не долезть, а с площадки вы ничего не увидите. — Ему было грустно, что мальчики пропустили мимо ушей его слова. Не проняла их представшая перед ними красота.

— Полезли! — крикнул толстощекий Игорь.

Георгий Николаевич не успел ответить, как все до одного мальчишки юркнули в эту маленькую дверку, затем через

окно колокольни пробрались на ржавую крышу самой церкви и с ликующими криками замахали оттуда руками.

Георгию Николаевичу сделалось еще грустнее. Но как убедить мальчишек, что памятники старины надо не только уважать, но и беречь? А они прыгают по крыше, гремят железными листами.

— Пожалуйста, скажи им, чтобы слезли,— морщась, точно от боли, обратился он к Гале-начальнице.

— Слезайте сейчас же! — крикнула та.

Но мальчишки и не думали слушаться своего командира отряда, наоборот, они звали девочек к себе. Налицо было явное нарушение дисциплины.

— Поведите нас куда-нибудь еще, где тоже интересно. Мальчишки увидят, что мы уходим, спустятся и побегут нас догонять,— обратилась благонамеренная Галя-начальница к Георгию Николаевичу.

— Нет, поведите нас туда, где мы от них спрячемся, пускай поищут! — расхохоталась толстуха Алла.

Георгий Николаевич вспомнил рассказ Ильи Михайловича, что недалеко за церковью где-то находятся остатки старого моста через Нуругду. Там когда-то очень давно — может, сто, может, двести лет назад — шла дорога в город. Но путь заносило песком, и пришлось его забросить. С тех пор ездят в город кружным путем, зато дорога торная и ровная.

Георгий Николаевич давно хотел разыскать тот мост, но все откладывал; теперь он решил повести туда девочек.

В двух словах он объяснил им, что за мост, и показал за церковью под песчаным склоном густой ольшаник, где текла невидимая Нуругда.

Они спустились с горы и увидели в кустах как будто заброшенную тропинку и углубились в кусты. Издали им было видно, как мальчишки слезли с колокольни, забегали вокруг церкви, начали кричать, звать девочек, искали их по всему кладбищу.

— Пускай побегают! — покатываясь от хохота, говорила Алла.

— Пускай побеспокоятся о нас, — также покатываясь от хохота, говорила Галя-кудрявая.

Черные ольховые стволы стояли тесно и были не толще человеческой руки; светлые стебли хмеля перевивали их. Сквозь густую листву сюда почти не попадало солнце. Иные деревья высохли, иные упали. На черной сырой земле не росло ничего, пахло гнилой древесиной, прелыми листьями.

И тут с жалобным стоном набросились на путешественников тучи голодных комаров. Девочки срывали ветки, отмахивались. Комары не испугали их. Они начали пробираться в глубь чащи. Первым пошел Георгий Николаевич, за ним двинулась Галя-кудрявая, потом Алла, потом цепочкой одна за другой остальные девочки. Каждая шла на почтительном расстоянии от предыдущей, иначе отгибаемые ветки грозили хлестнуть по лицу.

Комары заунывно пели. Цепочка двигалась медленно. Скоро под ногами зачавкала вода, кеды сразу промокли. Невидимая Нуругда текла впереди, где-то совсем близко, но девочки никак не могли до нее добраться.

Они обвязали косынками лица, только глаза их остались видны. Комары набросились на их голые руки. С остервенением все хлопали себя ладонями и ветками по затылку, по лбу.

Наконец сквозь стволы деревьев показалась Нуругда. Вода под нависшими ольхами выглядела темно-коричневой, как крепко настоенный чай. По ее поверхности сновали паучки, течения почти не было заметно. Цепочка остановилась.

И тут Георгий Николаевич впервые увидел эти остатки моста.

Из воды торчали черные сваи, забитые когда-то человеком вручную. Теперь такие необычно толстые сваи забивать разучились. Два ряда их выстроились вдоль русла, по пять штук

Эти сваи — тоже памятники старины...

в каждом ряду. По всем признакам сваи были забиты давно, их макушки сгнили, покрылись зеленым мхом...

«Дерево долго сохраняется, когда постоянно очень сыро или когда постоянно очень сухо»,— вспомнил Георгий Николаевич утверждение ученого автора одной книги по археологии.

Как всякий писатель, он был человек любознательный. А тут еще запахло стариной.

Его живо интересовало все, что касалось истории Радуля, и потому он сказал:

— Жаль, что с нами нет мальчиков, я бы их попросил исследовать сваи.

Галя-кудрявая пробралась к нему вплотную по черной чавкающей грязи. Глядя на него в упор, она заговорила со страстью, с азартом:

— Совсем не жаль, что нет мальчиков! Вы только скажите, что нам сейчас делать. Девчонки вовсе не трусихи. Мы храбрее мальчишек! И терпеливее мальчишек! Те давно бы от комаров удрали. Вы скажите, надо в воду лезть? Надо в воду? Да? Мы залезем! Ни змей, ни жаб, ни пиявок не боимся!

— Да, надо в воду,— сказал Георгий Николаевич.— Осторожно ощупайте каждую сваю — не подгнили ли они? Исследуйте возле них дно — не лежат ли там бревна; а если лежат, то какой они толщины.

Галя быстро обернулась, подмигнула, стряхнула со лба упавший кудрявый локон.

— Алка, полезли!

И тут же, прямо в синих спортивных костюмах, в кедах, обе девочки — светлокудрявая и черненькая, худышка и толстушка — плюхнулись в воду и пошли. Вскоре глубина достигла им до пояса. Разгребая руками воду, они медленно брели. Двигаться по топкому дну с каждым шагом им было все труднее... Наконец отважные изыскательницы добрались до

крайней сваи. Галя легко отломила от верхнего конца совсем трухлявую чурку.

Георгий Николаевич тотчас же ее остановил:

— Нет-нет, не трогай! Нельзя разрушать! Эти сваи тоже памятники старины.

Девочки начали бродить туда и сюда, замутили воду. Вскоре они нащупали ногами сперва одно бревно, лежавшее на дне речки, затем другое. По их словам, бревна были такие толстые, как сосны на картинах Шишкина.

И вдруг точно пловец прыгнул с вышки. Что-то огромное с шумом взбурлило воду. На секунду показалась блестящая темная спина какого-то чудища невиданных размеров...

Обе девочки вскрикнули, протянули вперед руки для защиты. И тут же обе, не сговариваясь, захохотали.

— Я думала — крокодил! — крикнула Алла.

— Я думала — русалка! — крикнула Галя-кудрявая.

— Это сом! Это сом! — иступленно завопил Георгий Николаевич. — Возвращайтесь сейчас же!

Он испугался куда больше девочек. Еще чего случится, ногу им откусит.

— А мы не боимся! А мы не боимся! — звонко хохотала Галя.

— А он нас боится, боится, удрал, спрятался! — еще звонче хохотала Алла.

Георгий Николаевич слышал, что в князьменских омутах, там, где с древних времен лежит на дне много дубовых коряг, изредка встречаются огромные сомы. Они даже таскают гусят и утят, но девочек, пожалуй, вряд ли глотают. Неужели случилось невероятное? Одно такое редкое чудище заплыло из Клязьмы в Нуругду?

Трухлявые сваи моста были забыты. Девочки оживленно обменивались впечатлениями — что успели увидеть, что успели заметить. Стрекоца, как сороки, они заспорили между собой — какого цвета были у сома глаза.

— Черные,— настаивала Галя-начальница.

— Голубенькие, голубенькие, как небо,— повторяла Галя-кудрявая, стоя по пояс в воде.

— Золотые, очень злющие. И они горели, как огонь,— утверждала Алла, стоя в воде по колено.

Кормить комаров Георгий Николаевич больше не мог.

— Девочки, вылезайте скорее! — закричал он и пошел обратно по только что пробитой топкой тропинке. Все двинулись за ним, с трудом вытаскивая кеды из грязи.

Алле и Гале захотелось поскорее вылезти из воды. У самого берега Алла споткнулась и с визгом упала, на нее кувырнулась Галя. Обе они окунулись с головой в илистую жижу и тут же с хохотом вскочили.

Наконец все выбрались из ольховой чащи. Как было хорошо! Солнышко светило, комарики не кусались. Они с облегчением вдохнули полной грудью живительный сосновый воздух; сперва не торопясь пошли по песку в гору, а увидели мальчиков и побежали к ним с победными криками:

— А что мы нашли!.. А что мы видели!.. А вы не видели!..

Мальчики собрались возле остатков церковной паперти — небольшой полуразрушенной пристройки перед входом в колокольню. Четверо из них сидели на корточках, остальные стояли, наклонившись над ними, окружив одинокий облезлый кирпичный столб, когда-то подпиравший с угла крышу паперти.

На крики девочек те, кто стоял, обернулись было на секунду и вновь наклонились над теми, кто сидел на корточках. По всем признакам мальчики очень обиделись на девочек и не хотели с ними водиться.

Девочки подбежали к ним с теми же победными криками:

— А что мы нашли!.. А что мы видели!.. А вы не видели!..

Сидевшие на корточках Игорь, Миша и их двое друзей что-то делали на белокаменных плитах пола возле кирпично-

го столба. Те, кто стоял, их заслоняли, и девочки не знали, чем так усердно занимались четверо мальчиков.

— На Аллу и Галю напала русалка!.. Напал крокодил!.. Напала огромная рыба!..— догадались закричать девочки.

Пришлось мальчикам обиду проглотить. Четверо вскочили. Все тринадцать обернулись к девочкам.

— Я сообщу наши новости,— сказала Галя-начальница. Ее высокая должность не позволяла ей говорить, захлебываясь от азарта.— Нет-нет, никто ни на кого не нападал.

И она подробно рассказала, что увидели девочки; говорить старалась нарочито размеренно, спокойно, однако с загадочной улыбкой.

— Мальчишки, айдате ловить сома! — закричал, вращая своими круглыми глазами, Миша.

И все мальчики захотели немедленно спуститься к речке, немедленно начать небывалую охоту.

Но Георгий Николаевич их точно ледяной водой окатил. Он сказал, что бессмысленно идти сейчас на речку. Как и чем ловить сома, он и сам не знал. Руками его поймать невозможно, он успел уплыть далеко, его даже увидеть не удастся. Мальчики только намучаются, их комары закусуют. В общем, надо посоветоваться со старыми радулянами.

— Девочки тоже хотят охотиться,— сказала Галя-начальница.— Сегодня вечером мы обдумаем этот вопрос на заседании штаба. Видимо, придется пойти в город, посоветоваться с Петром Владимировичем.

И мальчики разочарованно согласились охоту отложить.

— А сейчас мы продолжим осмотр местных достопримечательностей,— сказал Георгий Николаевич.— Неужели вас не интересует старина?

— Нет-нет, интересует! — раздался в ответ не очень стройные голоса, но, кажется, огромный сом занимал ребят куда больше.

Только сейчас Миша увидел Галю-кудрявую. И она и Алла подошли последними. Во время разговоров о соме и об охоте на него они прятались за спины подруг.

И все мальчики тоже увидели Аллу и Галю-кудрявую, и в каком ужасающем виде! Они тут же загоготали, показывая на них пальцами.

Тогда ночью только правый Галин бок был как у порося, а теперь обе девочки вымазались целиком, от кончиков кед и до ленточек на косах, по их лбам и щекам тянулись потеки грязи.

— Галя, что с тобой? — с тревогой спросил Миша.

Грязнулям надо было бежать к палаткам. Сперва окунуться в Клязьме, потом переодеться. Ой как стыдно, если их кто чужой сейчас увидит! Какой же дорогой бежать? Сельской улицей? Ни в коем случае! Вдоль берега Клязьмы? Тоже никак нельзя — там рыбаки с удочками, женщины белье полощут, ребятишки купаются.

— Обойдите по опушке леса вокруг сельских огородов, — посоветовал Георгий Николаевич пострадавшим. — Путь дальний, зато никого не встретите. А к своим палаткам спуститесь мимо моего дома.

— Я вас провожу, — выскочил Миша. — Девочкам ходить одним нельзя!

— Уйди! Мы побежим одни! — с непонятной злостью отмахнулась Галя-кудрявая.

— Я провожу вас, — повторил Миша. Бедняга не замечал злости в Галином голосе.

— Уходи, дурак какой! — вдруг крикнула она.

— Ха-ха-ха! Девочке надоело дружить с мальчиком, — съязвила Галя-начальница.

Лицо у Миши сразу стало серым, как осиновая кора. Сам он весь съежился, отошел в сторону. Остальные ребята с молчаливым недоумением глядели то на убежавших двух подруг, то на него.

Георгий Николаевич сделал вид, что ничего особенного не произошло, и поспешил отвлечь ребят.

— Мальчики, скажите, чем вы тут без нас так усердно занимались? — спросил он.

— А мы, кажется, тоже нашли что-то занятное, — сказал толстощекий Игорь. И он показал на ту белокаменную плиту, на которой стоял оставшийся от паперти угловой кирпичный столб.

Только край плиты высовывался из-под столба. Мальчики расчистили этот край от мусора, выдернули травку. И сейчас на белом камне можно было разобрать какой-то узор. Камне-сечец, который его высекал, тщательно и очень искусно выбрал долотом фон, и оттого узор получился выпуклым. Угадывались растения — стебли походили на извивающиеся валики, а каменный цветок вроде тюльпана выглядел совсем настоящим; под цветком, на длинных витых валиках-черешках, разместились три листка, напоминавшие листья хмеля, показывался еще какой-то узор в виде валиков.

— Вероятно, это очень старая могильная плита, — предположил Георгий Николаевич. — Она была сюда перенесена, когда пристраивали эту паперть.

Со слов Ильи Михайловича он знал, что паперть эту пристраивали не так давно — лет шестьдесят назад. Деньги «на украшение храма» пожертвовал известный в здешней округе радульский богатей Суханов.

Когда церковь закрыли, кирпич от паперти пошел на печи для колхозного скотного двора. Попытались было ретивые мужички и саму церковь ломами рушить, да ничего у них не вышло — ни одного белого камня выломить не сумели. В стародавние времена строили накрепко: известь по пятнадцати лет в ямах выдерживалась, да еще богомольные старухи от «усердия» лили в те ямы коровье молоко да бросали сырые куриные яйца. Схватывала та известь камни стен крепче нынешнего бетона.

Все это Георгий Николаевич сейчас рассказал ребятам.

— Кого же похоронили под этой плитой? — спросил Игорь.

— Неизвестно. Неужели ты не сообразил, что столб загородил надпись? — уколола его Галя-начальница.

— Плита несомненно старинная и богатая, — задумчиво сказал Георгий Николаевич. — На Радульском кладбище ни одной такой нет. Мне думается, что под ней похоронен не крестьянин, а купец или помещик. Во всяком случае, человек зажиточный, в свое время достаточно известный в здешней округе. Позднее память об умершем сгладилась, заброшенную плиту по воле лавочника Суханова перенесли сюда и поставили на ней угловой столб строящейся паперти. Надо будет расспросить старых радулян об этой плите.

— Вот бы свалить столб и прочесть надпись! — воскликнул Игорь.

— Безнадежное дело. Смотрите, какой столб солидный, — сказал Георгий Николаевич. — Нам такое предприятие не под силу. Вы лучше расскажите, как отыскали плиту.

— Это Миша первый догадался! — воскликнул Игорь, показывая на своего друга.

Миша стоял одиноко в стороне, засунув руки в карманы. Он был мрачен, как грозовая туча. Казалось, никто и ничто его не интересовало.

— Когда мы спустились с колокольни, — начал рассказывать Игорь, — и поняли, что девчонки от нас удрали и где-то спрятались, то решили им отомстить. А как отомстить, не знали. Собрались мы вот тут, думали, думали... И Миша думал. Он сидел на уголке этой плиты и в раздумье палочкой стал сгребать с нее мусор, вырывал с корнями травку...

— Нет, не так рассказываешь, — печально перебил Миша. — Я увидел сороконожку, она юркнула в этот мусор. Я стал палочкой ковырять, хотел поймать сороконожку, а палочка сломалась, пришлось разгребать мусор руками...

Тут его перебил Игорь.

— Ну, в общем, сгребал, сгребал Миша мусор, искал, искал свою сороконожку,— говорил он,— и вдруг увидел, что к плите словно прилипла маленькая каменная колбаска, которая загибалась. Ну, тут мы все принялись помогать Мише. И расчистили этот цветок с тремя листьями. А видите, из-под этого противного столба еще какой-то рисунок высовывается...

— Все это очень интересно,— раздумчиво сказал Георгий Николаевич.— Может быть, даже более интересно, чем сом, который увидели девочки.

Мальчики начали злорадно ухмыляться, а девочки забурлили, протестующе забормотали.

— Но зато сегодня было доказано, что мы являемся храбрее мальчишек,— с апломбом возразила Галя-начальница.

Тут все мальчики заспорили, забормотали еще громче и азартнее девочек.

— Ну уж это дудки! — вспыхнул Игорь.

— Пожалуйста, не спорьте и не ссорьтесь,— вмешался Георгий Николаевич. Да, для него, любящего русскую историю, открытие мальчиков несомненно было гораздо интереснее открытия девочек.

Как полагается писателю, он неизменно носил в кармане блокнот, чтобы записывать разные мысли, фразы, отдельные слова, какие приходили ему на ум. Такие записи могли пригодиться для его будущих книг. Сейчас он присел на корточки и тщательно зарисовал в свой блокнот открытый мальчиками узор с края белокаменной плиты. Закончив рисовать, он вскочил на ноги и воскликнул:

— А теперь экскурсия направляется дальше! Идемте.

— Осмотр достопримечательностей продолжается. Не отставать! — скомандовала Галя-начальница.

И все пошли по направлению села.

Последним уныло плелся Миша, опустив голову, засунув руки в карманы штанов.

К 7 Глава

О ЗНАМЕНИТОЙ ДОСКЕ
И О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЛА
ДОБРАЯ БАБА-ЯГА

Как юноши и девушки всех времен и народов любили и любят нарядно одеваться, так и простые люди всех стран, в том числе и русские крестьяне, всегда любили и любят украшать свои жилища.

С давних пор, быть может, еще со времен того сказочного витязя, славился Радуль своей хитроумной, затейливой деревянной резьбой на избах. Пускали древние мастера по стенам, под крышами, вокруг окон, на крылечках всякие витые узоры с цветами и листьями, а случалось, вырезали разных чудищ — львов, грифонов, грифозмеев, русалок.

После революции стало у крестьян побольше землицы, но гражданская война помешала им строиться. А как радульские мужички вернулись с фронтов, так начали они один за другим дома ставить; разбирали старые, соломой крытые избышки, рубили новые пятистенки, крыши крыли осиновой дранкой.

Рубили свои же, радульские мастера на все руки, плотники — Михаил Абрамович с сыновьями Павлушкой да Илюшкой. По давнишнему обычаю, старались плотники отдирать с прежних ветхих избышек доски и плахи, изукрашенные той поразительной тонкости старинной резьбой, и приколачивали те доски на новые дома. Но случалось, что резьба не всегда сохранялась целой, к тому же оконные проемы на новых домах были больше и потому прежние наличники не всегда подходили. И тогда искусные плотники пускали новую резьбу, но рисунок повторяли прежний.

Образовался в селе колхоз. Стали строить скотные двory, конюшни, овощехранилища; тут было не до украшений. А потом началась Отечественная война. И только лет через пятнадцать после победы, как поприбавилось у радулян достат-

ка, так началось новое строительство домов. К этому времени старый плотник Михаил Абрамович скончался, главными мастерами стали его сыновья Павел и Илья.

И прежде выстроенные, и новые дома они покрывали теперь не дранкой, а железом или шифером, поднимали их на блококаменный или кирпичный фундамент, а стены украшали резьбой, опять-таки повторяя старинный, от отцов и дедов идущий рисунок. Подешевел распиленный на механических пилорамах тес, и они стали обшивать узкими реечками-дощечками все радульские дома подряд. И не просто обшивали, а «в елочку» — наискось так и наискось эдак. А потом красили стены, да не каким-то там скучным бурым суриком, а красками яркими, светлыми, веселыми, разным цветом: зеленым, голубым, желтым, а самые узоры расцветчивали белым, коричневым, красным, даже серебром. Последним к новому дому являлся радульский тракторист Алеша Попович и водружал на его крыше жердь — мачту телевизора.

И стало село Радуль на высокой горе с белой церковью на отлете ну прямо как разноцветная картинка.

К этому-то времени и купил Георгий Николаевич крайний к оврагу домик.

Понятно, что самые нарядные дома в селе принадлежали обоим братьям-плотникам. Стояли они рядом и словно соперничали друг с другом: оба голубые, с узорами, игравшими красками тех цветов, какие можно было достать в городе.

Но недолго пришлось старшему брату Павлу любоваться своим созданием: он неожиданно скончался.

После него осталась хозяйкой его вдова, Евдокия Спиридоновна, иначе бабушка Дуня,— самая старая жительница Радуля.

И она сама и ее дом считались своего рода радульскими достопримечательностями. Под крышей вдоль всего фасада шел подзор — широкая, в три пальца толщины, резная доска. По ее краям справа и слева было вырезано по льву и по ру-

салке, между которыми тянулись стебли каких-то заморских растений, а посреди доски стояла дата — «1812».

Георгий Николаевич знал, что доска эта была перенесена с прежней избушки еще свекром бабушки Дуни Михайло́м Абрамовичем, а на ту избушку, в свою очередь, ее перенесли с предыдущей, срубленной легендарным прапрадедом, крепостным крестьянином, чье имя потомки позабыли. Возможно, он первый в селе прославился как искусный мастер-плотник и резчик по дереву, перенявший затейливые узоры с белокаменной резьбы владимирских храмов.

Евдокия Спиридоновна чрезвычайно гордилась своей редкостью. По ее просьбе Алеша Попович выкрасил доску особенно весело: львов — желтой охрой, растения — зеленой краской с красными цветочками, фон — лазурью, русалок — наполовину розовенькой, наполовину серебрянкой, а знаменитую дату — белой краской.

Доска эта была предметом долголетней зависти соседа и деверя бабушки Дуни. Илья Михайлович предлагал старушке ее променять на овцу, на поросенка, на годовалую телку, предлагал любую вещь из своего хозяйства, но бабушка Дуня была непреклонна и неизменно отвечала:

— Не продается моя красота деревенская, не меняется.

Георгий Николаевич всегда приводил к старушке свои экскурсии, чему очень обижался Илья Михайлович: ведь он искренне считал свой дом самым красивым в селе — от верхнего конька и до белокаменного фундамента его хоромы были сплошь раскрашены, сплошь покрыты затейливой резьбой и правда походили на теремок из сказки.

Сейчас старик сидел на лавочке перед своим палисадником и грелся на солнышке; увидев экскурсию, он было радостно затряс бородой Ильи Муромца, но сердито отвернулся, когда увидел, что Георгий Николаевич подвел ребят к резному крыльцу бабушки Дуни.

— Смотрите, как мастер острой стамеской и долотом ис-

кусно вырезал на доске-подзоре всякие украшения,— объяснял Георгий Николаевич.— Видите, как он тщательно работал — не самих львов и русалок вырезал, а фон, на котором они сидят. Такая резьба называется «глубокой». Осторожно работал мастер. Одно неверное движение руки — и часть узора отколется, бери другую доску, начинай сызнова. А знаете, что было в 1812 году?

— Конечно, знаем. Нашествие французов под предводительством императора Наполеона Бонапарта,— с апломбом ответила Галя-начальница.

— И в том же году враги были изгнаны из России,— добавил Игорь.

Бабушка Дуня, давно выглядывавшая из окошка, не выдержала, показала на крыльце. Черный кот вышел следом за ней и начал ластиться у ее ног. Старушка с виду казалась настоящей бабой-ягой: маленькая, сгорбленная, со сморщенным личиком цвета дубовой коры. Была она, однако, бабой-ягой доброй: ребятишек в чугунах в русской печке не варила, никаких красных девиц в чуланы не запирала. Глаза ее, черные и проворные, смотрели хитро, подозрительно, но одновременно и ласково.

— Что это вы на мою избу загляделись? — спросила она, шамкая своим беззубым ртом и улыбаясь.

— Любуемся, Евдокия Спиридоновна, любуемся,— говорил Георгий Николаевич.

— Какой красивый ваш дом! — запели девочки.

— Можно у вас попить? — попросил Игорь.

Бабушка Дуня вынесла на крыльцо ведро и старинный деревянный расписной ковшик в виде уточки с клювиком, с глазками, с перышками.

Ребята пили воду и восхищались резьбой на ковшике, выдолбленном из единого кленового чурбачка.

Но у бабушки Дуни достопримечательности были не только по наружным стенам ее прелестного дома, а и внутри него.

— Евдокия Спиридоновна, москвичи очень хотят посмотреть, что у вас за стенами бережется. Может, вы покажете? — попросил Георгий Николаевич.

— Да уж и не знаю,— заколебалась бабушка Дуня и оглядела ребячьи ноги.

Все поняли, моментально расшнуровали кеды и разулись.

Бабушка Дуня повела босоногую экскурсию через сени в свою кухоньку. Тесной толпой ребята заполонили помещение.

Кухонька была маленькая, закоптелая, иконы в углу теснились совсем черные, обвешанные пучками лекарственных

трав. Гостеприимно и уютно пахло этими травами, смолой от бревенчатых стен и козьим молоком. На лавку вспрыгнул кот, еще чернее, чем иконы; в сказках такие коты обычно живуг у ведьм и у колдуний.

Три четверти кухни занимали два громоздких сооружения — русская печка и ткацкий стан. Вся жизнь бабушки Дуни ютилась на пяточке между ними.

Кроме кухни, была еще парадная горница, как у всех жителей Радуля считавшаяся священной и неприкосновенной; туда разрешалось заходить лишь близким родным, и то по большим праздникам. Даже Георгий Николаевич в то недоступное место никогда не заглядывал. Сейчас дверь в горницу была плотно закрыта.

Хозяйка между тем села на табуретку перед ткацким станом и своими проворными, темными и костлявыми руками принялась за работу.

Именно стан, а не станок — так называют на Владимирщине это очень сложное изобретение древних времен. На деревянной с подпорками станине стояла рама с тесным строем натянутых нитей основы.

Раз! — и бабушка Дуня передвигала справа налево челнок, тянувший за собой длинную тесьму, сшитую из пестрых тряпок, разрезанных на ленты. Одновременно она нажимала ногой на планку-педаль, снизу выскакивала деревянная планка и прижимала отрезок тесьмы к готовому полотнищу.

Два! — и бабка передвигала челнок слева направо, нажимала ногой на другую педаль, и следующий отрезок тесьмы плотно прилегал к полотнищу.

Ребята с разинутыми ртами смотрели, как на невиданном сооружении рождается радульская красота — яркий полосатый половик.

— Евдокия Спиридоновна, может быть, вы расскажете, как раньше ткали? — попросил Георгий Николаевич.

Бабушка Дуня была не только самой старой, но и самой словоохотливой жительницей Радуля.

— В те поры про электричество-то мы и не слыхивали,— начала она с видимым удовольствием и немного нараспев.— Бывало, сидим мы, девки, за станами да не половики ткem, а полотно льняные, ниточка тоньше паутинки, а крепче проволоки. Сидим мы, а бабушка наша про старину рассказывает, какие хороводы в ее молодые годы девки водили да какие песни пели; а то расскажет, как волки по радульской улице меж сугробов разгуливали да их, девок, пугали. Много чего наша бабушка знала, а ей ее бабушка передавала. Так и вились-перевивались сказки да поверья от бабок и дедов ко внучатам. Вот как цветная ленточка, из какой я половик тку, вьется, тянется, а не рвется...

Бабушка Дуня, видно, разохотилась, собралась еще что-то поведать про старое, про бывалое.

Георгий Николаевич хотел подсказать старушке тему следующей истории.

— Евдокия Спиридоновна, а что это за остатки моста на Нуругде, в самой ольховой чаще? — спросил он.

— Это пониже кладбища, что ли? — Бабушка Дуня явно встревожилась, недоверчиво покосилась на ребят своими мышиными глазками.— То Черный мост. Как это вы его нашарили? Там раньше дорога в город шла. Давненько то было, мне еще моя бабушка рассказывала. Больно много на бугор песку стало надувать ветром. Лошади в гору ну никак не брали, колеса по самые оси увязали. Дорогу-то и провели кругом через лес, ездить стало хоть и подальше, зато торнее, а этот ближний путь забросили. Напрасно вы туда ходили. Там место шибко нехорошее.

— Почему нехорошее? — сразу раздалось несколько голосов.

— Да там русалки раньше водились, может, и сейчас водятся.

Точно ветерок зашелестел по березкам. Все вздрогнули, качнулись, зашевелились.

— Расскажите, расскажите!

Бабушка Дуня откинулась, оглядела тех, кто стоял впереди. Она медлила, почему-то колебалась...

— Расскажите, расскажите!

— Да что говорить-то,— зашамкала она,— вы теперь ученые стали, не верите, чего своими глазами не видите.

— Все равно расскажите. А может быть, мы видели — видели, а не испугались,— просили девочки, а мальчики выжидающе молчали.

— Русалки-то — они ух какие вредные! — начала старушка.— Солнышко зайдет, и часок погодя они песни запевают сладкими голосами и заманивают к себе в черные омуты парней да девок. Как заманят, так щекотать примутся. И защекочут до самой смерти.

Она соскочила с табуретки и распахнула дверь в горницу. Черный кот тотчас же перепрыгнул через порог.

Ничего таинственного в горнице ребята не увидели. Пол был сплошь застлан полосатыми половиками, стояли старые резные стулья, стол, диван, в стеклянном шкафчике выстроилась посуда. На темных бревенчатых стенах висело множество фотографий и цветных картинок. С дощатого потолка свешивалась люстра со стекляшками. Как и положено у богомольных старушек, за вышитыми полотенцами в красном углу висело десятка два икон да лампада из красного стекла.

Бабушка Дуня, осторожно переступая тапочками по мягким половикам, прошла через всю горницу к окнам, сняла со стены одну фотографию и вернулась с ней в кухню.

На пожелтевшем снимке все увидели пять девушек, стоявших в ряд; они были одеты в длинные, до пят, юбки, в белые кофточки с раздутыми рукавами, их длинные косы свисали впереди по плечам.

— Вот я со своими подружками,— сказала бабушка Дуня и сунула узловатым коричневым пальцем в карточку, показав самую высокую и статную чернобровую девушку, ну никак, ну нисколючко не напоминавшую теперешнюю низенькую и сгорбленную старушку.— Я ведь на весь радульский приход славилась,— говорила она.— Так плясала, ни одна подружка переплясать меня не могла! Привез мне отец из самой Москвы ботиночки высокие, хромовые, крючками застегивались, на каблучках подковки блестели серебряные. Как, бывало, заиграет на посиделках гармонист, так притопну я каблучком, да пойду по кругу плясать, будто молотком гвозди заколачиваю, аж половицы трещат...

Бабушка Дуня так увлеклась воспоминаниями, что, видно, забыла, о чем начала говорить.

— Да вы про русалок расскажите,— не утерпел Игорь.

Старушка посмотрела на него, задвигала своими бескровными губами и, видимо недовольная, что ее перебили на самых, может быть, светлых ее воспоминаниях, проворчала:

— Я вам, пострелята, не зря карточку показала — к русалкам и веду разговор. Вот мы, пять подружек, собрались как-то на гулянку. А парни наши не пришли: мы с ними поссорились, а за что, сейчас не припомню. В летнюю пору солнышко поздно закатывается, я и говорю подружкам: «Пойдемте-ка к Черному мосту русалок пугать». Были мы только не такие разнаряженные, как на карточке, а самое никудышное на себя напялили, разулись и пошли. Спустились с горы, вошли в кусты. Страшно нам показалось. А комарьев вокруг! И вились, и жалили, и ныли, и выли, и гудели, как в дуду дудели. А мы всё шли. Темнеть начало. Подошли к самой речке. Вода текла черная-черная, ровно деготь... И вдруг ка-ак плюхнется что-то с коряги — да в речку! Тут вода забурилась, закипела... Мы закричали — да по кустам бегом!.. Потом три дня от страха зубами ляскали.

— И вы действительно видели русалку? — спросил с легкой усмешечкой Игорь.

— Лица не видели, а спину видели — такая словно бы зеленая, мокрая. И хвост видели — на два пера, как у щуки,— убежденно ответила бабушка Дуня.

— А может, в речке вы шуганули не русалку, а сома? — неожиданно спросил ее Игорь.

— То сомы, а то русалки,— проворчала бабушка Дуня.— Помню, я еще маленькая была, родитель мой поймал сома на Клязьме. Весной, в половодье, забрело такое чудо-юдо в бучилу, а вода спала, назад оно уплыть не успело. Папаня палкой его по голове жажнул. А повез в город на базар продавать, так хвост аж с телеги свешивался. Если хотите знать, русалки по сих пор девушки,— бабушка Дуня показала рукой поперек живота,— а от сих пор хвост у них рыбий.

— Все это сказки! — презрительно бросила Галя-начальница и верблюжьим взглядом оглядела всех сверху вниз.

— Ну и пусть сказки! А по-моему, ужасно интересно! — убежденно воскликнул Миша.

Георгий Николаевич понял: если продолжать сомневаться в достоверности рассказа бабушки Дуни, она, чего доброго, еще обидится, и потому постарался перевести беседу на другую тему.

— Да, я показывал ребятам изображения двух русалок на подзоре вашего столь нарядного дома,— сказал он.— Чрезвычайно любопытны и наличники вокруг окон, и крыльцо. Умел украшать покойный Павел Михайлович. Чувствуется глаз и рука подлинного художника.

Бабушке Дуне польстила эта похвала. Она улыбнулась:

— Хитрый мастер был покойный Пашенька. От своего отца Михаила Абрамовича он мастерство перенял. Илюшка — у того глаз да рука не те. А из-под Пашенькиного тонкого долота иной раз чудеса точно в сказке получались. За два-

дцать верст звали Пашеньку наличники на окна ставить. Видела я, как вы тонкостной резьбой на моей избе любовались. Русалочки-то и вправду как живые, улыбаются, рученьки подняли...

Бабушка Дуня вся размякла. Ее трогало и умиляло внимание московских ребят к мастерству ее покойного мужа.

— А пойдите еще разок полюбуйтесь,— неожиданно закончила она свою речь.

Хоть и любезно говорила старушка, а в ее ласковых словах почувствовали ребята намек: «Не пора ли вам, гости дорогие, да подобру да поздорову да уходить?»

Через узкую дверь долго выбирались в сени, кеды обували еще дольше. Мальчики оказались проворнее, выскочили на крыльцо раньше девочек. Георгий Николаевич собирался выходить из дому последним.

Вдруг с улицы послышался зычный голос Ильи Михайловича:

— Еще чего выдумали! Да за такое вас хворостиной!

Из-за своей глухоты старик нередко ни с того ни с сего повышал голос. И сейчас нельзя было понять, шутит ли он, или всерьез рассердился.

Расталкивая обуваящихся девочек, Георгий Николаевич выскочил на крыльцо. Бабушка Дуня прошмыгнула за ним, перегнала его.

Илья Михайлович стоял перед ее домом, тыкал пальцем куда-то в землю и гудел громким голосом:

— Полюбуйся-ка, Дуняха, как москвичи у тебя хозяйничают!

И опять нельзя было понять, сердится ли он, или шутит.

Мальчики, растерянные, недоумевающие, сбились кучкой под крыльцом и только глазами хлопали.

Бабушка Дуня свесилась с крыльца, вытянула вперед свой крючковатый нос и столь же крючковатый подбородок. Ни она, ни Георгий Николаевич сперва не поняли, что же такое

случилось. Вдруг старушка быстро-быстро засемила по ступенькам вниз.

— Где же такое слыхано? Где же такое видано? — напустилась она на мальчиков.— Столько годов лежал, люди ходили, люди ступали, никто его не переворачивал, а они...

Мальчики стояли по-прежнему молча и также растерянно хлопали глазами.

— Евдокия Спиридоновна! Евдокия Спиридоновна! Успокойтесь, пожалуйста! Прошу вас, успокойтесь! — уговаривал Георгий Николаевич старушку.

Никогда он ее не видел столь рассерженной. А она, как Баба-яга из сказок, трясла беззубым ртом, гневно хмурила выщипанные брови.

За толпой ребят Георгий Николаевич никак не мог выяснить, что же такое натворили мальчишки. Наконец понял.

Перед нижней ступенькой крыльца был врыт в землю большой, плоский, прямоугольный камень-известняк белого цвета. Каждый, кто входил в дом, неизбежно наступал на него и очищал об его поверхность грязь с обуви. А вот мальчики взяли да перевернули камень. Его нижняя плоскость оказалась наверху, а рядом зияла черная прямоугольная яма. На дне ямы сновали муравьи, жучки, разные козявки, извивались дождевые черви и белые жирные личинки. Этих-то личинок мальчики спешно собирали в карманы своих штанов.

— Что вы наделали? Зачем перевернули камень? — с горьким упреком накинулся на них Георгий Николаевич.

Толстяк Игорь выступил вперед. Надувая щеки и краснея, он заговорил заикаясь:

— Мы хотели на этих личинок рыбок поймать, рыбок для живцов. А на живцов хотели поймать... вы знаете, кого поймать...— Тут Игорь запнулся.

Георгий Николаевич отлично понял, кого именно хотели изловить сорванцы, но не будущая рыбная ловля сейчас занимала его мысли.

— Нельзя же так бесцеремонно, не спросив разрешения,— упрекал он мальчиков.— Да и вряд ли на живца вам удалось бы поймать...

Тут и ему пришлось запнуться. Раз ребята не хотели, чтобы в селе узнали о заплывшем в Нуругду коме, значит, и он не должен был выдавать их тайну.

— Сейчас же положите камень на место! — сказал он и повернулся к бабушке Дуне.

Старушка совсем разошлась, ворчала, шепелявила, то поднималась на крыльцо, то вновь спускалась по ступенькам.

— Евдокия Спиридоновна, не сердитесь, пожалуйста! Ну прошу вас! — успокаивал ее Георгий Николаевич.— Мальчики положат камень, извинятся перед вами, и мы уйдем. Через две минуты порядок восстановится.

Нарушители порядка уже поставили камень на ребро. Еще секунда, еще полсекунды... и эта книга не была бы написана.

— Подождать! — вдруг не своим голосом закричал Георгий Николаевич.

Нижняя плоскость каменной плиты теперь стояла вертикально, земля, прилипшая к ней, осыпалась, и ему показалось... Нет-нет, не показалось, а на самом деле на камне... на камне вдруг выступил какой-то сложный выпуклый узор...

Забыв о своем возрасте, Георгий Николаевич ринулся в кучу ребят, растолкал их, ухватился левой рукой за камень, а правой ладонью начал спешно счищать с его плоскости оставшиеся комья земли.

— Положите камень сюда, сюда, рядом, нижней стороной вверх! — скомандовал он.

Мальчики покорно выполнили его приказ, и он тут же носовым платком смел с камня последнюю пыль...

И все увидели на серовато-белой губчатой его поверхности высеченные бугорки и валики удивительного, запутанно-

го узора. Не сразу удалось разглядеть, что же было изображено на камне.

Тесной толпой все сгрудились вокруг находки. Бабушка Дуня силилась просунуть свой острый подбородок между туловищами мальчиков.

Бедняга глухой Илья Михайлович тоже хотел посмотреть, но, поняв, что за ребячьими спинами ничего не увидишь, махнул рукой и отошел в сторону.

— Смотрите, какая страшная зверюга! — первым воскликнул Игорь.

— Это лев. Неужели не видишь гриву? — сказала Галя-начальница.

Тут и все увидели. Да, посреди камня действительно было высечено изображение льва, но совсем не такого, как на знаменитой доске бабушки Дуни. Зверь стоял в профиль, а голову, обрамленную густой гривой, повернул к зрителям. Стоял он на трех лапах, а правую переднюю поднял, словно собирался здороваться.

Удивителен был его язык — длинный, извивающийся, похожий на какую-то фантастическую белую змею. Он высывался из пасти, образуя петлю, заворачивал вниз, а под животом льва разделялся на три языка — стебля с листьями. Каждый стебель заканчивался цветком.

Еще удивительнее был хвост льва. Он поднимался кверху и над львиной спиной также разделялся на три хвоста-стебля. Эти стебли — белые змеи сплетались с тонкими змеями-языками и также заканчивались цветками.

На том белом камне, что прятался под столбом полуразрушенной церковной паперти, был изображен тюльпан с листьями хмеля; здешние каменные цветы напоминали ирисы со свисающими вниз двумя лепестками, а листья походили на лапчатые кленовые.

Весь этот выпуклый узор был не только поразительно запутанным и тонким, но и поразительно красивым. Такую

красоту поняли и прочувствовали все те, кто молча разглядывал причудливое переплетение линий, валиков, хребтов, змей.

— Евдокия Спиридоновна, вы знали, что у вас под крыльцом прячется? — прервал наконец общее молчание Георгий Николаевич.

Его чутье любителя старины подсказывало ему, что необычайная находка эта несомненно представляет выдающуюся историческую ценность и еще большую ценность художественную. Жил на Руси много лет тому назад камнесечец — большой мастер, настоящий вдохновенный художник, тюкал молотком по долоту и высекал на камнях свои чудеса. А другой мастер, другой художник-зодчий задумал воздвигнуть из этих камней некое стройное и воздушное здание.

Бабушка Дуня совсем успокоилась и начала рассказывать. Время от времени она дергала Илью Михайловича за рукав и спрашивала его: «Правда? Правда?» Тот только поддакивал, хотя ничего не слышал.

— Рубил мой Павлуха избу вместе с батькой своим, рубил для себя, а Илюха еще мальчишкой был — им подсоблял... — Рассказывала она нараспев, своим обычным шамкающим гсвором. — Годов с тех пор прошло, верно, пятьдесят. Обвенчались мы с Павлухой. Как нам заходить в новую избу жить, так он и привез этот плоскатый камень, свалил с телеги и говорит мне: «Вот тебе, женушка, подарочек. Сам царь зверей лев будет нашу избу стеречь». А я Павлухе в ответ: «Больно страшен твой сторож-то. Мне боязно на такого ногу ставить». Павлуха и перевернул камень, и вкопал его вместо порога перед нашим крылечком. А с другой стороны камень был неровный, бугристый. Павлуха взял долото и стесал эти бугры, подравнял.

— А откуда ваш муж привез этот камень? — спросил Георгий Николаевич.

— Откуда привез-то? — охотно отвечала бабушка Дуня. — Да таких плоскатых камней целая куча валялась за церковью,

за кладбищем, вот на той горке, где раньше дорога в город шла. Как после революции стали мужики в нашем селе богатые избы с резными крылечками рубить, так и брали эти камни себе на пороги. Да, Николаевич, у тебя у самого такой лежит.

Георгий Николаевич даже вздрогнул. На самом деле — плоский прямоугольный белый камень действительно лежит у его крыльца. Да ведь он дом купил вместе с камнем! И с тех пор и он сам, и Настасья Петровна, и Машунька, и все его гости, перед тем как подняться на крыльцо, очищают о его поверхность обувь. Но ни он, ни Настасья Петровна никогда не догадывались узнать: а что скрывается на нижней стороне того камня?

— Смотрите, а лев совсем не страшный. Он добрый, он даже улыбается,— неожиданно сказал Миша,— такого нечего бояться.

И все разглядывали камень и видели, что лев и правда ласково улыбается широкими валиками-губами и бугорками-глазками под пухлыми веками.

— А другой-то белый камень поприглядистее будет,— неожиданно сказал Илья Михайлович.

— Какой камень? — закричал ему в ухо Георгий Николаевич.

— Какой камень-то? А тот, на каком витязь на коне скачет, ну, витязь, что в твоём саду на кабинетике, на стенке. Я намалевал да раскрасил.

— А где тот камень? — еще громче закричал старику в ухо Георгий Николаевич.

— Запомню я. Вот какой стал забывчивый и не припомню. Мальчонкой был — видел, а куда тот камень делся, не помню.— Старик похлопал Георгия Николаевича по плечу: — Ты не серчай. День буду о том камне думать, два думать, а припомню.— С этими словами, видно очень смущенный, Илья Муромец, почесывая затылок, поплелся восвояси.

Георгий Николаевич только махнул на старика рукой, а сам присел на ступеньки крыльца и начал срисовывать узор с белого камня к себе в блокнот. Он волновался, да и художник оказался неважный; сложные контуры никак ему не давались: то хвосты заходили за край листка, то лев получался каким-то худощавым, а резинки у него не было.

Георгий Николаевич вырывал и комкал один листок, брался за второй, нервничал. Ему хотелось поскорее закончить рисунок и поспешить домой — надо же узнать: а что прячется под порогом его дома?

Наконец лев со всеми своими ветвистыми валиками-хвостами и языками был кое-как срисован. Мальчики аккуратно положили камень на прежнее место узором вниз. И они и девочки хором попросили у бабушки Дуни прощения, очень вежливо с ней распрощались и убежали наперегонки.

Белый плоский камень у порога дома Георгия Николаевича сидел заподлицо с поверхностью земли. Голыми руками его поднять и перевернуть было невозможно. Георгий Николаевич вынес две лопаты и лом.

На шум выбежала на крыльцо Машунька и, увидев орудовавших лопатами мальчиков, тут же скрылась за дверью с криками:

— Бабушка, бабушка, они яму на душистом горошке копают!

Тотчас появилась Настасья Петровна. Обнаружив опасность, грозившую ее цветочному хозяйству, она воскликнула:

— Прекратите сейчас же!

— Умоляю тебя! Никакого ущерба ни душистому горошку, ни настурциям не будет. Тут прячется историческая тайна,— говорил Георгий Николаевич, а лицо его выражало искреннее отчаяние.— Понимаешь, историческая тайна!

Настасья Петровна привыкла к чудачествам мужа. Она знала, что в подобные минуты его не переспоришь, и, ничего не сказав, осталась на крыльце наблюдать.

Ребята наконец откопали камень, вчетвером поддели его ломом, всемером ухватились с одного боку за край.

— Раз-два — взяли! Раз-два — взяли! — командовала Галя-начальница.

— Осторожнее, не отдавите ногу! — закричала Настасья Петровна.

Камень приподняли, поставили на ребро, смахнули с его нижней поверхности землю...

Увы! Всех ждало большое разочарование. Эта нижняя поверхность оказалась вовсе не плоскостью, а, наоборот, неровной, мало обработанной долотом каменщика. Никаких выпуклых узоров не было заметно.

— Опустите на прежнее место, — грустно сказал Георгий Николаевич.

Ребята разочарованно и осторожно выполнили его приказание.

— Ну, спасибо вам. А теперь идите к своим палаткам, — сказал он им. — Сейчас прикатит на велосипеде почтальонка, мне надо послать с ней очень спешное и важное письмо.

Тут к нему подошла Галя-начальница и сказала:

— Нам необходимо составить план дальнейших поисков.

— Да не знаю, надо подумать, — уклончиво ответил он.

— Без предварительно составленного плана ничего серьезного предпринимать не положено, — настаивала Галя.

— А я никаких планов не знаю и разрабатывать их не собираюсь! — отрезал Георгий Николаевич, а про себя подумал: «Ну что она меня мучает?» — До завтра, — помахал он ребятам, проводил их за калитку, а сам поспешил в свою светелочку и тотчас же сел писать во Владимир о радульских открытиях.

Он просто был любителем русской истории, но не считал себя специалистом; сегодняшние открытия узоров на белых камнях, особенно этот удивительный лев, совсем озадачили его, поэтому в своем письме во Владимирский краеведческий

музей он настоятельно просил возможно скорее командировать квалифицированного археолога и вложил в конверт оба рисунка — с камня, что возле церкви, и с камня, принадлежавшего бабушке Дуне.

Бывая раньше во Владимире, Георгий Николаевич несколько раз заходил в тамошние научные учреждения и каждый раз пытался доказывать ученым сотрудникам, что необходимо возле Радуля организовать археологические раскопки. Село, несомненно, старинное, к тому же существует предание о витязе.

Ученые сотрудники музея неизменно отвечали Георгию Николаевичу, что происхождение многих сел и деревень на Владимирщине связано с различными древними преданиями. В здешней земле прячется множество других, еще не открытых исторических тайн, до которых не успели добраться археологи.

«Приедем, непременно приедем,— сколько раз обещали ему.— А когда приедем, неизвестно. Раскопки ведутся одновременно в нескольких пунктах, у нас просто рук не хватает».

Теперь Георгий Николаевич, посылая письмо со своими рисунками, надеялся, что ученые люди по-иному отнесутся к радульским историческим загадкам и прикатят сюда в самые ближайшие дни.

Вечером, когда Настасья Петровна позвала его ужинать, она воскликнула:

— Я сгораю от нетерпения! Какие там у вас исторические тайны? Отчего у тебя вид полубезумного? Больше всего меня интересует, почему две девочки в таком диком виде промчались мимо нашего дома. Я им кричала вслед, хотела их выкупать. Они даже не обернулись. Что у вас опять стряслось?

Георгий Николаевич сел за стол и начал рассказывать во всех подробностях о всем том, что они увидели, что открыли и что нашли за сегодня, за каких-нибудь несколько послеобеденных часов.

Глава 8

ВЕРНЫЙ РЫЦАРЬ И ЕГО ДАМА СЕРДЦА

Сейчас же после ужина точно мышонок заскребся в сенцах дома Георгия Николаевича.

— Войдите! — крикнул он.

Бочком пробрался на кухню Миша и встал у порога. Прямо-таки безысходное отчаяние виделось в его черных круглых глазах.

Георгий Николаевич искоса посмотрел на мальчика, но промолчал.

Можно было догадаться, какие безотрадные мысли ронились сейчас в голове Миши. Девочка дураком его обозвала, да еще при всем честном народе. Большого оскорбления для мальчика трудно и придумать. Георгий Николаевич вышел к нему и, взяв его за локоть, легонько подтолкнул на веранду. Они сели рядышком на диван.

Когда же Миша начнет открывать свои сердечные тайны? Но мальчик молчал. Пришлось Георгию Николаевичу заговорить первому.

— Послушай... — начал он. — Писатель — это первый друг и советчик как взрослых, так и ребят. Он должен не только многое знать, но и по глазам, по выражению лица должен все понимать, что таится на сердце того, кто пришел к нему за советом, за помощью... Я согласен, тебе тяжело перенести оскорбление, но не это главное в жизни. Умные люди стоят выше мелких обид. Давай выкладывай все-все.

Миша опустил голову и заговорил куда-то в пол, но совсем не о том, о чем ожидал услышать Георгий Николаевич.

— Я ведь хочу быть учителем истории. Всякую историю очень люблю — и древнюю, и русскую прежнюю, и советскую послереволюционную, и западноевропейскую. Очень люблю

читать исторические книги. Вот Вальтер Скотт — как он хорошо пишет!

И Миша повел разговор о благородных рыцарях без страха и упрека, об их дамах сердца. Рыцари верны своим дамам до гроба, готовы совершить в их честь любые, самые трудные подвиги, готовы даже умереть, защищая их. Для рыцаря дама сердца — самая красивая, самая добрая, самая милая девочка на свете. Миша понял, что обмолвился, и поправил:

— Не девочка, а прекрасная дева. И дамы у Вальтера Скотта всегда благосклонны к своим рыцарям. На турнирах они подбадривают их, машут платочками. Если рыцаря ранят, дама ухаживает за ним, перевязывает ему раны, но никогда не обзывает его нехорошими словами.

— Ты все куда-то в сторону увливаешь,— решил перебить его Георгий Николаевич и спросил: — Ты с Галей давно дружишь?

Миша опустил голову еще ниже, и Георгий Николаевич услышал удивительные признания.

Оказывается, очень, очень давно, еще с пятого класса Миша думал о Гале каждый день, каждый час, исподтишка смотрел на нее во время уроков — она ведь как раз впереди него сидела. Он думал о ней, когда вечером засыпал, когда утром просыпался. А она нисколько не обращала на него внимания, даже не догадывалась о его страданиях, и никто из ребят о его думке не знал. И только теперь, только третьего дня они оба случайно были назначены на ночное дежурство и...

— Ну, дальше я все знаю,— снова перебил Георгий Николаевич верного до гроба рыцаря.

— Как Галя сегодня меня обидела! Не захотела, чтобы я проводил ее до палаток и еще обозвала так гадко,— с большой горечью признался Миша.

— Ну, милый мой, ведь она же вся перепачкалась, как

свинка. Ей просто не хотелось, чтобы ты смотрел на нее,— утешал его Георгий Николаевич.— Ну, а то не очень любезное словечко у нее сорвалось с языка, право же, нечаянно.

— Будто палкой меня ударила,— жаловался Миша.

Он говорил, что ему было «страх как интересно» разгадывать вместе со всеми тайну белых камней. И того камня, что возле церкви, и того, что у старушкиного дома... Как бы он гордился, что первый камень — это его открытие, как бы он бегал, старался... Но ему было так тяжело на сердце. И еще ему было «страх как обидно» за Галю. Она не принимала участия вместе со всеми в разгадке исторических тайн. Она даже не видела занятого треххвостого льва... А тут...

— Все погибло,— уныло закончил Миша свои признания.

В его голосе звучала такая печаль, будто на самом деле «все погибло» — и мечты, и счастье, и надежды...

Георгий Николаевич пытался его утешать, убеждал, что оскорбленный мальчик преувеличивает, наверняка Галя сейчас раскаивается в том случайном словечке, завтра же они помирятся.

— Нет, нет...— вздыхая, отвечал Миша.— Мы купались, я командовал, а она меня нарочно не слушалась. Мы ужинали, а она на меня и не смотрела, а после ужина не со мной, а с девочками в бадминтон играла...

В тот вечер Георгий Николаевич собирался уютно устроиться в кресле и еще раз внимательно перечитать шестую главу второго тома «Истории России с древнейших времен». Он приобрел и перевез в свою летнюю резиденцию недавно переизданные четырнадцать книг долголетнего труда известного дореволюционного историка Сергея Михайловича Соловьева. Ни в одном сочинении не описываются столь подробно те страшные события, какие разыгрались на Владимиро-Суздальской Руси после смерти в 1212 году Всеволода Большое Гнездо.

Для новой повести Георгий Николаевич хотел разобраться

в тех причинах, из-за каких загорелась кровопролитная усобица между сыновьями Всеволода. Но сейчас, услышав столь пламенные признания мальчика, он понял, что придется отложить чтение этой главы и идти к палаткам.

— Ничего не поделаешь,— вздохнул он и поднялся с места.

Еще когда они спускались обычной тропинкой, то издали услышали крики, гвалт, словесную перепалку. Когда же они вышли к берегу Клязьмы, то увидели, что все столпились в круг. А в середине, как две кошки-соперницы, одна против другой, стояли обе Гали. Вот они одновременно нагнулись...

— А ты!..— завизжала одна.

— А ты!..— завизжала другая.

Обе девочки не находили слов не иначе как от злости. Растрепанные, красные, они готовы были броситься друг на друга, царапаться, кусаться, за косы таскать. Даже пальцы их скрючились, как кошачьи когти.

— Ой, ой, ой! Сейчас подерутся!

— Девочки, девочки, опомнитесь!

Георгий Николаевич бросился к ним. Подравшихся мальчишек ему приходилось разнимать, но подравшихся девочек — ни разу в жизни. Он вообще никогда не видел, как девочки дерутся.

К счастью, до драки не дошло. Увидев его, обе Гали наперегонки побежали к нему. Еще на ходу, перекрикивая одна другую, захлебываясь, заикаясь, они забросали его отдельными бессвязными словечками. Он не понимал ничего.

За сегодняшний день ему несколько раз пришлось заметить огненные взгляды, какие обе Гали по временам вонзали друг в друга. Он еще собирался поговорить с ними по душам, сперва с одной, потом с другой. Конечно, Галя-кудрявая считала себя обиженной судом, а Галя-начальница сердилась на

концовку этого суда. Но Георгий Николаевич был уверен, что обе девочки, может быть, не сразу, но обязательно помирятся между собой.

И вдруг он сейчас увидел — еще секунда и вспыхнет настоящая потасовка.

— А она! — кричала Галя-начальница, широко размахивая руками.

— А она! — кричала Галя-кудрявая, размахивая руками еще шире, еще энергичнее.

Георгий Николаевич совсем растерялся, не знал, что предпринять. Разговаривать по душам он умел, а тут требовались немедленные и решительные действия.

— Тише вы! — всех перекричал звонкий голос.

Георгий Николаевич оглянулся. Сзади него стоял круглолицый крепыш Игорь. Его обычно смешливые щелочки-глаза сейчас гневно искрились.

— Замолчите! Писатель пришел. Смотрите, он о вас в новой книге такое напишет! Он вас сделает отрицательными героинями!

Угроза прославиться столь позорным образом, да еще на всю страну, кажется, подействовала. Обе Гали прикусили языки и, тяжело дыша, принялись вытирать рукавами пот со своих лиц. Они старались не смотреть ни друг на друга, ни на мальчиков.

— Надо созвать экстренное заседание штаба! — возмущался Игорь.

— Да, да, заседание штаба! — раздалось там и сям из толпы.

И тут же все высшее ребячье начальство разместилось — кто на осиновом бревне, кто напротив, на травке.

По уставу туристского отряда заседание штаба полагалось проводить открытым, поэтому все остальные мальчики и девочки тоже сели, но на траве, на некотором расстоянии.

Георгия Николаевича усадили на конце бревна. Все время

молчавший Миша занял место рядом с ним. Чувствуя себя отвергнутым своей дамой сердца, рыцарь как будто выжидал, но держал свой меч наготове.

Обе Гали остались стоять в середине круга.

— Отчего же они поссорились? Растолкуйте мне, пожалуйста,— не выдержал Георгий Николаевич.

— Сейчас расскажу,— с готовностью ответил толстяк Игорь и прыснул от смеха.

Как-то само собой получилось, что он стал председателем этого заседания. Оказалось, почти никто не знал, почему же разразилась столь яростная потасовка. Только что все было

тихо, каждый занимался своим делом: кто книжку читал, кто в бадминтон играл, кто мячиком перекидывался, мальчики тренировались в футбол. Игорь издали увидел, как Галя-кудрявая подошла к Гале-начальнице и что-то ей сказала, та что-то ответила... И вдруг взорвалось, и пошло, и пошло... Игорь сперва расхохотался, потом сразу помрачнел и, не вставая с места, протянул указательный палец Гале-кудрявой.

— Говори сперва ты,— строго сказал он.

Та начала с подвизгом, откидывая голову, тряся кудряшками; тараторила она необыкновенно быстро, точно бегом мчалась.

— Я подошла к ней, попросила самым просительным голоском, что хочу завтра в город идти — навестить Петра Владимировича. Все у него были, я одна не была, а вчерашние цветы у него завяли, надо ему отнести новые, а я дороги в больницу не знаю... И еще мне хотелось, чтобы меня провожал мальчик. И я попросила, попросила...— Галя-кудрявая приостановилась, повертела головой, нашла Мишу и безо всякого смущения закончила свою речь: — Мне очень хотелось, чтобы он со мной пошел...

Миша от неожиданности стукнулся боком о плечо Георгия Николаевича и со свистом вобрал в себя воздух. Какое ликование, какая радость забились сейчас в сердце верного до гроба рыцаря!

Игорь, также не вставая с места, протянул палец Гале-начальнице.

— Теперь говори ты,— сказал он.

— Я сказала,—с апломбом начала та и оглядела всех надменным взглядом,—я сказала, что нерационально отпустить в город сразу двоих. Кроме того, выяснилось, что Миша квалифицированный работник на сжигании кустарника. И еще я сказала, что в город на свидание с Петром Владимировичем пойду я одна, я должна получить от него новые инструкции. Кроме того, я хотела купить пять кило сахарного песка.

— Хитрюга какая! Мне в город ни одного разу, а ей два раза! — с визгом и злостью крикнула Галя-кудрявая.

— Помолчи, пожалуйста! — резко оборвал ее Игорь. — Кто еще хочет говорить?

— Я скажу!

Миша выскочил на середину круга. Как он был сейчас хорош, с поднятой головой, с протянутой вперед правой рукой! Его цепкие черные глаза горели отвагой. В XII веке благородные рыцари защищали честь своей дамы мечом и копьем, а теперь они обладали иным, куда более мощным и острым оружием — они сражались словом. Рыцарь XX века был без страха и упрека; он не только защищал, но и сам собирался напасть.

— По туристским законам...—медленно затянул Миша, глядя не на собравшихся, а куда-то вверх, на макушки деревьев.— По туристским законам...— И вдруг он брякнул скороговоркой: — Отряд большинством в две трети голосов имеет право сменить своего командира. Предлагаю Галю сменить. Она — задавака!

— Правильно! Задавака!—звонко крикнула толстушка Алла и засмеялась.

— Задавака! Задавака!—раздались голоса отсюда, оттуда.

Георгий Николаевич все время слушал с большим интересом. Сейчас он понял, что под одним-единственным метким словом ребята разумели очень многое: и организацию нелепого суда над усердной, но рассеянной кухаркой, и непомерную гордость и заносчивость Гали-начальницы, и ее так называемые волевые решения, вроде самого последнего, когда она сама себя назначила ходоком к больному воспитателю. И еще Георгий Николаевич подозревал: ребятам не очень нравилось, что на пойме она занималась только общим руководством, а от черной работы отвиливала.

Верблюжье выражение слетело с лица Гали-начальницы;

она совсем растерялась, повернула голову туда, повернула сюда, ища сочувствия и поддержки.

Но ни одна рука помощи не протянулась к ней.

Игорь сказал:

— Кто за то, чтобы снять Галю с поста командира отряда, поднимите руку.

И все-все — да-да, все до единого! — тут же, не раздумывая, не колеблясь, подняли свои руки.

— Не имеете права без санкции Петра Владимировича! — с отчаянием крикнула Галя. Нет, теперь она больше не была начальницей.

— Имеем, имеем право! — закричали чуть ли не все. О, они знали, что их больной воспитатель поддержит столь единодушное решение отряда.

Сверженная повелительница юркнула в палатку.

Тут гвалт поднялся ужасающий. Но всех перекричал Миша.

— Предлагаю командиром отряда избрать Игоря! — крикнул он.

— Игоря! Игоря!

И опять дружно поднялись руки.

Когда Игорь оказался избранным, все вдруг рассмеялись. Они сами не ожидали, как легко была свергнута с престола надменная «княгиня»-задавака.

— Игоречек, миленький, так можно мне завтра с Мишей в город идти? — с заискивающей, обворожительной улыбочкой подъехала Галя-кудрявая к новому командиру отряда.

— Как штаб решит, — важно ответил Игорь. Он собирался неукоснительно соблюдать законы туристской демократии. — Миша первый открыл тот белый камень с узором, тот камень, что возле церкви лежит, — сказал он, — по-моему, за это ему полагается премия. Какая премия? Да пусть Галю в город провожает.

Члены штаба утвердительно закивали головами. Многие

из них с лукавыми улыбками поглядывали то на Мишу, то на Галю-кудрявую. Однако штаб решил: пусть посланцы отправятся в город только после обеда, а с утра будут здорово вкалывать на пойме: не только сжигать сушняк, но и соберут для Петра Владимировича прекрасный букет цветов.

И еще штаб решил: пусть ежедневно двое — мальчик и девочка — по очереди остаются у палаток обед готовить и также ежедневно — мальчик и девочка — после обеда будут ходить в город к Петру Владимировичу, носить ему цветы и спрашивать о здоровье.

— Ничего, что мы не будем завтра с вами искать исторические тайны? — спросил Миша Георгия Николаевича.

— Ничего, ничего, — ответил тот и, попрощавшись, начал подниматься в гору.

— Пять кило сахарного песку не забыть бы купить, — услышал он за своей спиной.

С этими самыми обыденными словами Галя-кудрявая обратилась к Мише. А Георгий Николаевич в ее голосе угадал большое, искреннее чувство дамы сердца к своему верному, благородному рыцарю.

За поворотом тропинки его догнал Игорь и спросил:

— Каким путем и где именно мы будем завтра заниматься поисками исторических тайн?

Георгий Николаевич ответил Игорю несколько уклончиво:

— Дело серьезное. Я хотел бы сперва попросить помощи у нашего депутата. Это бригадир колхоза Иван Никитич.

— А мы на штабе решили, как будем завтра искать, — очень твердо ответил Игорь. — Мы пойдем по всем домам только на разведку: узнаем, где такие белые камни лежат. За один час все село обежим — и айда на речку ловить сома на живцов. У нас пять удочек, лески капроновые, выдержат. Пойдемте с нами?

Георгий Николаевич отлично помнил, как его поездом съедали на Нуругде комары, и решительно отказался идти ло-

вить сома. Он знал, что иные московские ребята даже плотвичек никогда не выуживали. А тут сома вздумали поймать. Чудище давно успело уплыть в Клязьму и притаилось где-нибудь в омутах между корягами.

Но Георгия Николаевича радовало, что ребята сами, без его подсказки, нашли себе вполне безопасное увлечение, по крайней мере ссориться не будут. Нуругда — речка мелкая, тихая, пускай посидят на ее бережку с удочками.

Поднявшись на гору, он остановился передохнуть.

Заходило солнце. Ясное небо — над головой бледно-голубое, ниже лиловое, еще ниже оранжевое — царило над темнеющей поймой и отражалось в тихой глади Клязьмы. Лишь одинокое облачко огненной полоской протянулось на западе над горизонтом, но и оно готово было раствориться в небесной глубине.

Георгий Николаевич поднимался в гору и думал, что вот и в XIII веке такие же дивные вечерние зори переливались по небосклону. А придя домой и усевшись в кресле, он раскрыл том «Истории России с древнейших времен» и начал читать.

Глава 9

ЧТО ЗА КРАСОТА
СКРЫВАЕТСЯ НА ПРОЧИХ
БЕЛЫХ КАМНЯХ?

«Ну, сегодня никто мне мешать не будет! — решительно сказал Георгий Николаевич самому себе, выходя из дома и направляясь к светелочке.— Восемь часов, до обеда времени уйма, а ребята придут за мной в два часа. Здорово поработаю сегодня!»

Далекое тарахтение бульдозера Алеши Поповича на невидимой пойме, казалось, должно было настроить его на творческий лад, а на деле получилось не совсем так.

Обходя клумбу с гладиолусами, он взглянул на скачущего витязя, изображенного на передней стенке его светелочки. И тут вспомнился ему вчерашний рассказ Ильи Муромца. Вот ведь какая досада — намалевал старик легендарного основателя села Радуль три года назад, а забыл, где видел в детстве тот белый камень, с которого взял рисунок по памяти.

Георгий Николаевич, не останавливаясь, прошел в свою светелочку, запер на крючок дверку, сел за столик, разложил перед собой рукопись, повесил пиджак на спинку складного стула, засучил рукава рубашки, посмотрел на часы, взял авторучку и начал писать.

Он писал о тех событиях, которые разыгрались на Руси в начале XIII века, о том, как начались разногласия у великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо со старшим сыном и наследником Константином. Стольным (главным) городом Всеволода был Владимир на Клязьме, а Константин жил в Ростове, на берегу синего озера Неро. Там он построил белокаменный дворец и многие церкви, белокаменные и деревянные, там основал первое на Руси училище; по его повелению грамотные люди отправлялись по многим городам русским переписывать книги. Он собрал богатейшую по тому времени библиотеку, в которой насчитывалось до тысячи книг. Был у него дружинник Алеша Попович, который служил ему верой и правдой много лет...

«Мы не знаем,— писал далее Георгий Николаевич,— как выглядели те несомненно прекрасные здания, какие редкие книги хранились в той знаменитой библиотеке — все погибло во время многих пожаров и войн.

После смерти отца Константин собирался перенести в Ростов столицу своего великого княжества. Но этого совсем не хотели Владимирский епископ Иоанн, владимирские бояре, священники, монахи и дружинники. По их совету Всеволод вызвал Константина во Владимир и в присутствии всех

остальных своих сыновей и многих знатных людей спросил ослушника:

— Где ты хочешь княжить?

Тот ответил, что хочет княжить и в Ростове и во Владимире, но жить останется в Ростове.

Тогда Всеволод спросил всех присутствующих, как ему быть.

Епископ и многие другие ответили:

— Завещай великое княжение второму своему сыну, Юрию.

Лишенный наследства, обиженный Константин уехал со своими боярами и дружинниками, в том числе и с Алешей Поповичем, в Ростов.

Вскоре, в 1212 году, умер великий князь Всеволод...»

Тут Георгий Николаевич собрался вставить подходящую цитату из «Истории России с древнейших времен» Соловьева:

«Умирая, он (Всеволод) ввергнул меч меж сыновьями своими, и злая усобица грозила разрушить...»

Но он не дописал фразы...

— Нет-нет, я вам сказала, что писатель занят. Нельзя, никак нельзя! — вдруг услышал он издали приглушенные восклицания Настасьи Петровны.

— Мне только договориться, только на одну минуточку, — умолял тенорок.

— Никак нельзя! После обеда — пожалуйста! — Настасья Петровна, оберегая покой мужа, была непреклонна.

В той глухой дощатой стенке светелочки, на которой старый радульский умелец изобразил скачущего витязя, Георгий Николаевич провертел дырочку специально для наблюдения. Это было очень удобно. Его не видят, а он видит. Приходят к нему пионеры из ближайших лагерей, и он знает, сколько их и какого они возраста; прикатывают гости из города или даже из Москвы, и ему заранее известно, кто именно явился его навестить.

Сейчас он увидел сквозь дырочку Настасью Петровну, загоразивавшую отворенную калитку, рядом с ней стояла Машунька, а за ее спиной — желтоволосый молодой человек в ковбойке. Держась за велосипед, он стремился проникнуть на участок, а Настасья Петровна его не пускала.

— Нельзя, дедушка книжку пишет,— пищала Машунька.

«Надо бы все же к нему выйти»,— подумал Георгий Николаевич, но тут молодой человек спросил Настасью Петровну:

— Так можно прийти после обеда?

— Ну конечно, приходите,— ответила она.

— И пионеров можно с собой привести?

— И пионеров приводите. После обеда всегда можно. Муж очень любит пионеров и давно с ними не беседовал.

— А можно, я вас и вашу внучку сейчас своим киноаппаратом засниму на киноплёнку?

— Пожалуйста.

Редкие люди не любят фотографироваться. Настасья Петровна сразу согласилась на просьбу молодого человека.

Георгий Николаевич, убедившись, что обошлось без него, не стал показываться из своего убежища, а продолжал наблюдать сквозь дырочку...

Юноша зашел на участок, прислонил велосипед к забору, отступил в сторону, поднял висевший у него на груди на ремешке киноаппарат и наставил его на дом и на выходявших из дома Настасью Петровну с Машунькой. Обе они с деланными улыбочками спускались по ступенькам крыльца, а он вертел свою штуквину и снимал их. Потом Машунька затопала по дорожке к светелочке, а юноша стоял сзади и снимал ее на бегу. Не доскочив до светелочки, она вернулась и побежала вторично, и опять юноша ее снимал.

— Отличненько! Кадры выйдут на большой палец! — ра-

достно возгласил он, вежливо раскланиваясь с Настасьей Петровной.

— После обеда, пожалуйста, в любой день,— так же вежливо, но непреклонно повторяла она, провожая его за калитку.

А Георгий Николаевич вернулся к своему столику и наклонился над рукописью; он вставил свою цитату, а после цитаты не смог добавить ни строчки.

До обеда оставалось не так уж долго. В нетерпении он все поглядывал на часы. Мысли его были заполнены белыми камнями, что лежали перед крылечками многих радкульских домов. Камень бабушки Дуни открыл свою тайну — удивительный лев показался на свет. Теперь предстояло разгадать тайны других камней, и в первую очередь того, который лежал перед крыльцом Ильи Муромца. Скорее всего, витязь скрывался именно под ним.

Но тут Георгий Николаевич мысленно представил себе, как они всем отрядом, с ломами, с лопатами, пойдут по радкульской улице, как будут подходить к каждому дому и смотреть, не лежит ли перед крыльцом такой плоский камень. А если лежит, как уговорить хозяев, как попросить разрешения приподнять и перевернуть камень. А если хозяев не окажется дома, пожалуй, придется пройти мимо.

Бабушка Дуня — добрейшая старушка, а вчера чуть-чуть не устроила настоящий скандал. И другие жители могут по-разному отнестись к вторжению на их усадьбы. Одни скажут: «Пожалуйста, переворачивайте», а другие буркнут: «Не пуцу!»

Словом, Георгий Николаевич понял, что без помощи колхозного бригадира, притом помощи самой энергичной, не обойтись никак. Днем Иван Никитич обычно бывает дома, возвращается с объезда всех мест, где работают колхозники, и часок-другой отдыхает. Ради такого важного дела придется его побеспокоить.

За обедом Настасья Петровна объявила мужу:

— Какой-то киношник приходил, хочет с тобой о своем фильме посоветоваться, договориться. Еще придет, пионеров приведет. Он такой милый, такой очаровательный, такой ясноглазый, заснял и Машуньку, и меня, и наш дом. Пожалуй-ста, будь с ним поласковее.

— Хорошо-хорошо,— рассеянно ответил Георгий Николаевич и тут же забыл и думать о молодом человеке. А думал он только о белых камнях.

После обеда явились ребята и молча встали у него под окнами.

Он сейчас же вышел к ним, вынес два лома и две лопаты, хотел поделиться с ними своими планами и тревогами о предстоящих поисках белых камней, но ему не дали даже рта раскрыть.

Сперва заговорили мальчики. Перебивая один другого, они начали рассказывать, как с утра приволокли с колхозного овощехранилища мешок картошки и получили на колхозной ферме ведро молока; потом рассказали, как переправлялись через Клязьму и жгли в пойме сушняк.

Потом заговорили, также перебивая одна другую, девочки. Утром они похвастались Алеше Поповичу, что видели в Нуругде какую-то рыбину необыкновенных размеров. Алеша сперва их на смех поднял. «По всей видимости, большая щука плеснула, а возможно, некая незначительная плотвичка играла»,— говорил он, а потом сразу стал серьезным. Он припомнил, что еще в прошлом году две радульские девчонки купались в Клязьме и вдруг увидели, как им показалось, волка — огромного, серого, вроде бревна. Чудище высунуло морду из воды, страшно лякнуло зубами и вновь нырнуло. Насмерть перепуганные девчонки, когда такое рассказывали, едва ворочали языками. Но ведь девчонкам-то по девять лет было; понятно, им никто не поверил. Еще Алеша припомнил, что также в прошлом году пропало у бабушки Дуни два

утенка, а через несколько дней еще утенок. Но ведь тогда же у дяди Илюхи — Алеша так называл Илью Михайловича — пропали индюшата. В селе решили, что таскает птицу разбойница лиса...

— Да-да, я ее однажды увидел сзади моей светелочки,— подтвердил Георгий Николаевич.

Ему было очень досадно. Вот ведь какие ребята! Их гораздо больше интересует сом, чем русская история, чем древнее русское зодчество. О поисках таинственных белых камней они позабыли и думать.

— А может быть, и правда плеснула щука, а вам показалось, что сом? — насмешливо бросил девочкам Игорь.

— «Показалось!» — захохотала толстушка Алла.— Да рыбина с меня ростом!

Алла была самой маленькой из девочек. Но для рыбы, водившейся в здешних водах, ее размеры являлись бы гигантскими.

Девочек очень обижало недоверие мальчиков. Вчера-то они верили. Это Алеша Попович виноват: он первый сказал — «сомнительно». А мальчишки стали за ним повторять, как пугаи: «Сомнительно, сомнительно!»

Теперь Георгию Николаевичу, как писателю и единственному почтенному и авторитетному взрослому очевидцу, предстояло разрешить весьма важный вопрос: было на самом деле в речке чудище или не было.

— Вообще-то я ни китов, ни акул никогда в жизни не видел,— заговорил он,— и вчера успел заметить только чью-то спину, блестящую, черно-зеленого цвета...

Он смолк, набирая воздух в легкие. О, с каким нетерпением глядело на него множество пар глаз! Что бы у них был такой же азарт к разгадкам исторических тайн, к поискам белых камней!

Он снова заговорил:

— Это, несомненно, живое существо взбурлило с таким

шумом, точно оно было размером... размером... ну, во всяком случае, больше Аллы, только, наверно, не такое толстое...

— Слышали? Слышали? Вот и писатель подтверждает,— торжествовали девочки.

— А если сам писатель подтверждает, что оно такое здоровущее,— говорил Игорь, надувая от волнения свои румяные щеки,— если сам писатель его видел своими глазами, то и Алеша Попович думает — значит, девочкам поверить можно, значит, и правда в Нуругду в весеннее половодье из Клязьмы заплыл настоящий сом, а выбраться из нее не в состоянии. Значит, он в западню попал. Близ устья река совсем мелкая, вот до этой косточки.— Игорь нагнулся и тронул белую резиновую шишечку сбоку кеды.— Да, в западню! И еще Алеша сказал, что на удочку ловить сома нельзя. Сом силен, как бульдозер. Он или оборвет капроновую леску, или утащит всех нас в воду. Мы будем ловить его другим, более верным способом.

— Каким же? — любопытствовал Георгий Николаевич.

— Пока еще недостаточно разработаны детали охоты,— очень важным тоном ответил Игорь.— Охота назначена на выходной день, а до выходного никто в селе о соме не должен знать. И вы, пожалуйста, никому...

— Охота на русалку — это наша военная тайна,— сказала Алла и расхохоталась.

Другие девочки со смехом подхватили ее остроу и закричали:

— Русалку будем ловить! Не сома, а русалку!

Георгий Николаевич обещал никому не открывать военную тайну, даже Настасье Петровне с Машунькой.

Игорь вдруг повернулся к своим подчиненным.

— Довольно болтать! — строго сказал он.— Прекратить думать о соме! — еще строже воскликнул он и лихо scomандовал: — Отряд, на поиски белых камней шагом марш!

Этим последним возгласом Георгий Николаевич остался

Девочки и мальчики зашагали по Радульской улице.

очень доволен. Как видно, новый командир отряда не забыл о русской истории и собирался действовать решительно.

Тринадцать мальчиков и тринадцать девочек, все в синих, обтянутых спортивных костюмах, зашагали по заросшей овечьей травкой радульской улице. Они шли серьезные, гордые, молчаливые, сознавая важность предстоящих поисков. Почему их было двадцать шесть? Да ведь один мальчик с девочкой остались дежурить у палаток, а Миша со своей Галей, окрыленный счастьем, отправился в город.

Идти предстояло всего два десятка шагов. Остановились у дома соседки Георгия Николаевича, но под ее крылечком никакого белого камня не обнаружили.

Следующий дом стоял в палисаднике, а на дверях его висел замок. Вытягивали ребята головы через заборчик, но мешали кусты сирени; сквозь них не было видно, лежит ли перед крыльцом камень или нет.

На правах радульского жителя Георгий Николаевич решился и один проник через калитку на участок. Он тотчас же убедился: камень есть! Такой же белый, плоский, как и перед его крыльцом. И лежит он так же заподлицо с землей, а кругом травкой зарос. Но ведь без хозяев, без спросу переворачивать его нельзя? Нельзя.

Отправились дальше.

Третий дом принадлежал бригадиру Ивану Никитичу. Тут у крыльца тоже обнаружили белый камень. Георгий Николаевич поднялся по ступенькам, осторожно постучал. Никто не отзывался. Он постучал сильнее.

Вышла молодая худощавая женщина с грудным младенцем на руках — жена Ивана Никитича, Фрося. Увидев толпу ребят, она отшатнулась, испуганно оглядела их.

— Дома сам-то? — спросил Георгий Николаевич.

— Да ведь только отдохнуть прилег, — глядя словно бы виноватыми глазами, сказала Фрося. — Через час приказал разбудить. Замаялся. — сил никаких нет.

Георгий Николаевич знал, что время в колхозе настало самое горячее — покос. Уехал бригадир, верно, еще на заре, да отмахал на мотоцикле километров сто, а вернулся, пообедал и прилег вздремнуть. Да, будить его было нельзя никак.

— Ну хорошо, мы придем через час, — сказал он и вдруг услышал за своей спиной горячий шепот Игоря:

— Давайте камень раз-два — взяли!

— Можно, мы посмотрим, что у вас под ним? — обратился Георгий Николаевич к Фросе, тукая носком ботинка по камню.

— А почто вам? — недоуменно спросила та.

Выручила Алла. Она выскочила вперед и брякнула:

— Знаете, тетенька, там, кажется, картинка очень красивенькая спрятана.

— Никто картинки не прятал, — отвечала Фрося, перенося младенца с правой руки на левую.

— Да на камне, на самом камне такими бугорками или белыми змейками картинка выбита, — не унималась Алла.

Тут вмешался Георгий Николаевич. Он сказал:

— Действительно, на камне может быть высечено крайне интересное старинное изображение, а вы даже не подозреваете об этой тайне. Разрешите, мы перевернем камень, посмотрим и тут же положим его на место? — Спрашивая разрешение, он думал про себя: «Неужели в каждом доме придется объяснять, для чего да почему?»

Любопытство проняло Фросю, но она все еще колебалась:

— Взаправду на место положите?

— Положим, положим! Честное пионерское, тютелька в тютельку! — уверял Игорь.

Фрося утвердительно кивнула головой. Мальчики быстро обкопали камень со всех сторон. Георгий Николаевич поддел его ломом. Ухватились. «Раз-два — взяли! Еще — взяли!» Приподняли камень, поставили на ребро, стряхнули землю...

И опять их ждало разочарование. Нижняя поверхность и этого камня оказалась неровной, ноздреватой, грубо обработанной — на ней не могло быть никаких изображений.

Ребята осторожно положили камень на место и встали, вопросительно поглядывая на Георгия Николаевича.

— Ну что же, пойдёмте к следующему дому,— сказал он и повернулся к Фросе: — Так мы придем через час.

Следующий, четвертый по счету дом принадлежал Илье Михайловичу. Но старика не застали. Ребята видели, как в полдень он переправлялся на лодке на другой берег Клязьмы.

Камень перед его крыльцом оказался бóльших размеров, чем три предыдущие. Все окружили его. Георгий Николаевич знал, что дипломатические переговоры предвидятся трудные, потому что жена Ильи Михайловича, бабушка Агафья, была столь же глухой, как и ее муж. Но с ним удавалось общаться путем переписки, а старушка едва-едва умела читать.

Кругленькая, маленькая, она выкатилась на крыльцо с самой благодушной улыбочкой. Настасья Петровна с ней дружила, ежедневно брала у нее молоко и умела переговариваться с помощью пальцев, жестов и улыбок.

Георгию Николаевичу предстояло объяснить бабушке Агафье, что они очень хотят перевернуть вот этот самый камень да еще очень хотят посмотреть, что изображено на нижней его стороне, а потом положить обратно. Попробовал он кричать старушке в ухо, шаркал ногой по камню.

Бабушка Агафья увидела, что ребята засмеялись, сама улыбнулась, понимающе закивала головой и неожиданно сказала:

— Нету у меня. Вчерашнее-то я на творог поставила, утрешнее вашей Настасье Петровне отдала, вот вечером по дою — пускай вечером и приходят.

— Да нет, молоко они в колхозе берут! — кричал Георгий Николаевич.

— А что? Им картошки набрать, что ли? Мешок, пожалуй, продам.

— И картошку они в колхозе берут! — с нескрываемым отчаянием кричал Георгий Николаевич.

— Так чего же им надоть-то? — спрашивала бабушка Агафья. Видя, как ребята хохочут, она совсем растерялась.

— Абсолютно нет ничего смешного, — пожала плечами Галя — бывшая начальница.

Георгий Николаевич взял лопату и показал, как хочет копать вокруг камня.

Тут старушка явно встревожилась.

— Никак не пойму, чего вам надоть! — воскликнула она. — Вот обождите — вернется мой хозяин, с ним и потолкуйте.

Да, без официального разрешения бабушки Агафьи приступить к камню было нельзя. Ребята перестали смеяться, настороженно смотрели на Георгия Николаевича и ждали, что он предпримет.

Старушка стояла перед ними хотя и доброжелательная, но беспомощная в своей глухоте и упорно повторяла:

— Вот он вернется, скоро вернется...

И тут, к счастью, действительно появился сам хозяин. Рослый, белобородый, с веслами за плечами, он походил на старого Илью Муромца, вернувшегося с рыбной ловли.

— Ну, команда поджигателей, чего пожаловали? — спросил он ребят.

Георгий Николаевич быстро написал в своем блокноте:

«Разрешите перевернуть ваш камень у крыльца, нам нужно узнать, что там есть».

Илья Михайлович не торопясь надел очки, прочел записку, нахмурился, оглядел ребят.

— Ничего там нет. Я сам его привез, я его и клал, как избу рубил.

Но такой ответ не удовлетворил ни ребят, ни Георгия Николаевича. Он написал вгору записку:

«Вы все же разрешите перевернуть».

Илья Михайлович ухмыльнулся в бороду.

— Экие Фомы неверные! Старик, думаете, обмануть вас хочет? А ну расступись!

Он нагнулся, потер ладони одну о другую, ухватился за край камня со всей своей богатырской силищей... Крякнул... и поставил камень на ребро.

— Ну, глядите.

Все сунулись вперед и увидели, что нижняя поверхность камня была опять такая же неотесанная — вся в бугорках и ямках.

Трижды на трех камнях потерпели они неудачу и сейчас явно были разочарованы.

— Вы вот что, граждане хорошие...— заговорил Илья Михайлович, оглядывая ребят.— Понял я, чего ищете. И зря ищете. Коли хотите знать, окромя тех годов, как я воевал на первой германской, на гражданской да на Отечественной, я тут прожил всю жизнь и доподлинно знаю, какие белые камни перед иными радульскими крыльцами лежат. Все они пустые. Перед самой революцией страшная песчаная буря была. И тогда на том косогоре, что за церковью, за кладбищем, с одного краю песок сдуло, а на другой край надуло, и показались разом те плосчатые тесаные камни. Их наши мужики откапывали и к своим крыльцам перевозили. Года за три всю грудку и разобрали. А знаете, откуда те камни? Еще мальчишкой был, а от стариков слышал, будто стоял на том месте терем белокаменный, какой витязь построил. Только давно то было, годов, может, тысячу прошло, терем-то от ветхости и упал, песком развалины и занесло. Вы у Дуняхи льва на камне видели?

— Видели.

— Ну, а других камней с красотой больше нету. Был один, да пропал. А нам, плотникам — батянке моему, да брату, да мне,— такие камни шибко даже надобились: собирались мы

перенимать ту красоту да на деревянную резьбу, какую по избам пускали, переводить. Павлуха тот камень со львом нашел, и начали мы с ним все камни на селе подряд переворачивать. Молодые были, силушка-то в нас играла. Ой, крику-то поднялось тогда! Мужики ругаются, бабы орут... Да зря мы старались. Ни на одном камне красоты не попалось. А который один резной пропал... Я не помню, где его видел, но точно — еще мальчишкой видел. Вот, витязь скачет на стенке вашего кабинетика...— Старик обратился к одному Георгию Николаевичу.— Этого витязя я по памяти срисовал. Мне и теперь, случается, он снится — мечом размахивает, плащ его по ветру раздувается. Эту ночь я из-за витязя плохо спал, и вот что мне надумалось: ступайте-ка вы на Проклятое место, попробуйте там лопатами.

— Куда, куда идти? Какое место? Почему проклятое? Почему так называется? — забурлили ребята.

— Потом, потом расскажу вам одну интересную историю,— говорил Георгий Николаевич.— Пойдемте поскорее на то место.

По селу шли быстро. Отряд разделился. Мальчики шагали по одной стороне улицы, девочки — по другой и на всякий случай высматривали, у каких домов лежат белые камни. Дошли они так до конца села, до церкви, и насчитали шестнадцать непроверенных камней; потом обогнули кладбищенскую ограду и вышли на тот песчаный косогор, где когда-то находилась груда камней.

Георгий Николаевич повел ребят на самую вершину пригорка. Там густо разрослись кусты сирени и ольхи. В просветах между ними виднелся бугор старого пожарища, весь заросший лопухами, крапивой, чертополохом и остроконечными пиками малиновых соцветий иван-чая.

— По всей вероятности, тут стояло какое-то старинное здание? — спросил Игорь.

— Совершенно верно,— ответил Георгий Николаевич.—

Однако здание не было старинным. Как раз это место здешние жители и называют Проклятым. Но прежде чем вам о нем рассказывать, давайте все вместе примем этот бурьян и поищем. Может быть, тут не один белый камень прячется, а много камней.

Искать, бегать, бросаться в битву всегда интереснее, чем сидеть на месте.

Ребята кинулись в зеленые заросли, но тотчас же отступили. Чертополох колосся, а крапива стрекалась даже через спортивные костюмы.

Нет, так не годится!

В кустах наломали сухих палок, Игорь взял в руки лом, два мальчика вооружились лопатами.

— Отряд, в атаку на врага! — скомандовал Игорь.

Сперва мальчики, а за ними и девочки, размахивая палками, ринулись вперед и ну крушить колючий чертополох, жгучую крапиву, нежные соцветия иван-чая и широкие листья лопуха.

Контурсы стоявшего тут когда-то дома обозначились яснее. Можно было догадаться, где находилось крыльцо.

Георгий Николаевич не удержался, забрал у мальчика лопату и сам начал ею стучать, но всюду натыкался на черную жирную землю со щербом. Ребята обнаружили остатки кирпичного фундамента, несколько разбитых кафелей от печей, но ни одного хотя бы самого ничтожного обломка белого камня не нашли.

— Отбой атаки! — скомандовал Игорь.

Все собрались вокруг Георгия Николаевича. Они тяжело дышали, их лбы блестели от пота, у многих на руках и лицах краснели волдыри от крапивных ожогов. Поиски белых камней опять закончились неудачей. И все же битва с бурьяном подняла настроение. Ребята громогласно обменивались впечатлениями:

— А я!.. А у меня... — слышалось поминутно.

— Мы ждем ваш рассказ о Проклятом месте,— обратился Игорь к Георгию Николаевичу.

— По правде говоря, не люблю я эту историю рассказывать,— начал тот.— Ну, да от вас не отвертись. Садитесь, история длинная.

Все расселись под кустами сирени, и Георгий Николаевич начал передавать все то, что слышал в свое время от здешних стариков.

До революции земли у радулян было маловато, на песчаной почве урожаи получались плохие, своего хлеба никак не хватало. Вот почему крестьяне нанимались к городским купцам возить на их текстильные фабрики дрова, а иные плотничали, строили дома по всей Владимирщине. Жили они нельзя сказать чтобы очень бедно, но и не богато.

Лишь один радульский крестьянин, Суханов Егор Антонович, жил с достатком. Держал он в селе лавочку. Когда у его односельчан не было денег, он продавал им товары в долг, но под высокие проценты. А у кого денег возвращать не хватало, тот шел к Суханову в батраки.

С каждым годом богател Суханов. Чуть ли не вся округа попала к нему в кабалу. Начал он забирать у должников хлеб, скотину, пускал несчастных по миру.

Задумал он построить дом, да такой, чтобы по всей округе краше не было. Место облюбовал вот тут, в стороне от села, где теперь сирень и этот бугор.

Михаил Абрамович со своими сыновьями Павлом и Ильей взялся выстроить такой дом в два этажа, а за какую цену, сказать постеснялся.

Срубили плотники дом шестистенный, на кирпичный фундамент поставили, крышу железом покрыли, над водосточными трубами железные цветы нарезали. А сам Михаил Абрамович по всем стенам пустил резьбу, судя по рассказам радулян, особенно тончайшую, искусную. Изобразил старый умелец на крыльце, на балкончике, вокруг окон и вокруг чер-

дачного окошка цветы и листья, кое-где вырезал зверей, птиц и русалок.

До сих пор старые радульские жители вспоминают тот дом, какой они называли боярским теремом. Прохожие, когда шли мимо него, то всегда останавливались с удивлением.

Пока три плотника строили, Суханов кормил их только мучной похлебкой да жидким пшениным кулешом, сваренным на воде. А когда поднялся дом на этой горке и покрасили мастера все узоры разными красками, то поднес им Суханов по чарке водки и дал Михаилу Абрамовичу пятнадцать рублей.

Тот взмолился:

«Помилосердствуй! Да мы втроем два месяца на тебя от зари до зари топорами да долотьями тюкали!»

А хозяин ответил:

«Надо было с первого дня рядиться. Чего же ты молчал?»

Был Суханов богомолен, занимал должность церковного старосты и славился своей скупостью и тщеславием; ходил с бородой, расчесанной на две стороны, в черном жилете поверх красной рубахи, а поперек его толстого живота шла массивная серебряная цепочка от часов. Бывало, как пойдет он по церкви с тарелочкой, так внимательно следит, кто сколько копеек на тарелочку положит.

Надумалось ему одно удовольствие: выносил он на верхний резной балкончик граммофон с огромной голубой трубой и заводил его. Тогда эта хитрая машинка считалась диковиной; люди — старые и малые — приходили, садились на траву напротив терема и слушали музыку и пение. А Суханов, рассевшись в кресле, сверху с балкона глядел на слушателей и ухмылялся в бороду. Так вот он и жил, пока не пришел 1917 год, а с ним и две революции. В феврале царя свергли, а в октябре, как вы хорошо знаете, взяли власть в свои руки большевики. Рабочие и подавляющая масса крестьян сказали: «Эта власть наша!» Но было много недовольных — помещики, капиталисты, в том числе и Суханов. Крестьяне на него

батрачить перестали. Лавочку пришлось ему закрыть. Словом, разорила его революция. Ходил он по селу зверь зверем. Говорят, при встречах так страшно взглядывал, что дети вскрикивали, женщины шарахались от него. Матери пугали его именем капризных малышей.

В первый же год Советской власти дом Суханова сгорел. Молва ходила, будто поджог этот — дело рук самого хозяина. Прослышал он, что его дом собираются отобрать под школу, зажег его и сам погиб в том пожаре.

С тех пор это место и прозвали Проклятым. Никто тут на отлете строиться не захотел; видите, как оно все заросло.

На этом Георгий Николаевич закончил свой рассказ.

Всем стало как-то не по себе. Первой прервала молчание Галя — бывшая начальница. Она посмотрела на свои ручные часы и сказала:

— Прошел ровно час.

— Да, пора нам возвращаться к бригадиру, — сказал Георгий Николаевич.

— Отряд, становись! — звонко скомандовал Игорь.

Эту команду он давал только так, чтобы порисоваться перед девочками. Никто и не думал строиться, а просто все поднялись и пошли по направлению села. Они шли и глядели не на разноцветные дома, не на резные крылечки, а на невзрачные, покрытые пылью белые камни перед шестнадцатью крылечками.

— Дедушка Илья Муромец старенький, мог и ошибиться, — заметила Алла.

Как хотелось и мальчикам, и девочкам, и Георгию Николаевичу перевернуть эти шестнадцать камней! А вдруг хоть на одном покажется древняя красота.

— Это по крайней мере два дня работы, — важно сказал Игорь.

Подходя к дому бригадира, все единогласно решили, что будут договариваться о камнях.

Услышав громкий разговор на улице, Иван Никитич сам вышел на крыльцо.

Он был не только колхозным бригадиром и депутатом сельсовета. В селе считали его и властью, и судьей, и другом старых да малых, все его уважали и любили.

Георгий Николаевич называл его в шутку Добрыней Никитичем. Есть же в селе Илья Муромец и Алеша Попович, значит, должен быть и третий радульский богатырь.

Как и Алеша Попович, Добрыня также исторически достоверное лицо. В летописях несколько раз упоминается живший во второй половине X века дядя великого князя Киевского Владимира Святославича, брат его матери Малуши, воевода Добрыня.

Но он был недобрым человеком. В летописях записано: когда его и другого воеводу Путятю Владимир послал в Новгород крестить народ в православную веру, говорили про них новгородцы, что «крестил Добрыня мечом, а Путята огнем».

А вот в былинах про Добрыню Никитича поется совсем по-иному:

Он вежливый, у вежливый.
Знает, как речь вести,
Знает, как себя блюсти.
Он ловок, на ножку поверток...

Согласно былинам, был Добрыня мудрый, прямодушный и верный советчик великого князя Киевского Владимира Красное Солнышко, был он искусным в бою, страшное чудище Змея Горыныча победил, отрубив все его семь голов.

Вот с каким славным богатырем земли Русской любили радульские колхозники сравнивать своего высокоуважаемого бригадира.

Но Добрыня Никитич, согласно картине Васнецова, носил длинную русую бороду, а колхозный бригадир Иван Никитич был бритым. Молодой, загорелый, с выцветшими на солнце

льняными волосами и в столь же выцветшей рубашке, он сейчас с высоты крыльца весело поглядывал на Георгия Николаевича и на ребят и улыбался, с любопытством осматривая их синие спортивные костюмы и синие с белым кеды.

— Здрав-ствуй-те! — хором приветствовали его.

— Здорово, молодцы-москвичи! Наконец-то вас увидел! Какие вы все синенькие, — шутил он. — Ну работайте, работайте, жгите кустарник, приносите пользу государству и нашему колхозу. Да нашего писателя слушайте... Не балуются они? — спросил он Георгия Николаевича.

— Как будто нет, — ответил тот, вспоминая, однако, как чуть не подрались обе Гали, как без спросу перевернули камень бабушки Дуни.

— Долго еще в наших краях пробыть намерены?

Ребята не знали, что говорить. За них ответил Георгий Николаевич:

— Вот начальник их выздоровеет, и тогда они сами решат, когда в путь-дорогу.

— Да живите хоть все лето. А что вам от колхоза, кроме молока и картошки, еще требуется?

— Спасибо, ничего не требуется, — бойко ответил Игорь.

— Нужна кое-какая ваша помощь, но совсем по другому делу, — выступил вперед Георгий Николаевич и постарался как можно короче объяснить все, что знал про древние белые камни и про красоту, возможно скрытую на тех шестнадцати камнях, что мирно покоятся перед крылечками радульских домов. Под конец он сказал, что ребята очень интересуются русской историей и им не терпится перевернуть те камни.

— Вы хотите наш Радуль на всю область прославить? Понятно! — сказал Иван Никитич. — Ну вот что, молодцы... Мало ли что вам не терпится. Обождите до завтра. Если пойдете сегодня камни ворочать, крику не оберетесь. А завтра на утренней разнарядке я все объясню нашим колхозникам — как и что да зачем. И вы потом все дома спокойно обойдете

и все камни перевернете. Только еще уговор: обратно их кладите, да поровнее, чтобы точь-в-точь. Договорились?

— Договорились,— без особого энтузиазма протянули ребята: ведь они хотели сегодня, сейчас идти на поиски исторических тайн.

Свободного времени у них оставалось еще достаточно. Куда идти?

— Пойдемте на речку Нуругду,— сказал Игорь.— Нам уже сколько дней охота туда пойти, а мы всё откладываем. Может, русалка плеснет, хоть хвост ее увидим.

— Нет уж, благодарю покорно. У меня от комариных укусов до сих пор все руки зудят,— сказала Галя — бывшая начальница.

— Пойдемте еще раз посмотрим на тот белый камень, что под столбом спрятан,— предложила Алла.

Отряд разделился. Мальчики спустились к Нуругде, а девочки, во главе с Георгием Николаевичем, пошли к церкви.

Подошли к колокольне, остановились в раздумье возле остатков паперти, окружили злосчастный угловой кирпичный столб.

Они сегодня по-иному взглянули на белый камень, спрятанный под столбом. Плоский, ровный, он был такой же толщины, как те камни, что они видели в селе, но раза в два шире и раза в два длиннее. Из-под столба высывалась лишь небольшая часть выпуклого узора — отрезок стебля с двумя листьями и тюльпаном. Нельзя было догадаться, какую иную красоту скрывал от их взоров проклятуший столб. Прятались ли под ним другие цветы, или показался один из трех концов то ли языка, то ли хвоста какого-то неведомого зверя?

Постояли, постояли они вокруг столба и направились к церкви. Раньше Георгий Николаевич только любовался ее стройными, устремленными ввысь очертаниями и других при-

зывал любоваться. А теперь и на нее он посмотрел совсем по-иному.

Ровно отесанные, плотно прилаженные один к другому гладкие белые камни, слагавшие низ церкви, несомненно напоминали те, какие лежали у порогов радульских крылечек.

«Что это, сходство чисто случайное или тут есть какая-то неразгаданная нами связь?» — подумал про себя Георгий Николаевич, однако ничего не сказал девочкам.

Они пошли восвояси. Шли медленно, молча. Каждая девочка думала о чем-то своем. Георгий Николаевич, поглядывая на своих спутниц, с удовлетворением отметил про себя, что исторические тайны, видно, задели их за живое.

Вечером он заглянул к палаткам. Мальчики рассказали, как они бродили-бродили вдоль Нуругды, как их царапали ветки, как кусали комары и оводы. Но им так и не удалось увидеть сома, которого они упорно называли русалкой. Такое название им больше нравилось.

Миша и Галя-кудрявая давно уже вернулись из города. Оба они подбежали к Георгию Николаевичу. Начала было рассказывать Галя, но, увидев, как хочется Мише передать все городские новости, уступила ему это удовольствие.

Они встретились со своим любимым воспитателем, подарили ему цветы, рассказали про все, про все. Петр Владимирович как услышал, что общее собрание отряда свергло задаваку Галю и выбрало Игоря, так сказал: «Правильно сделали!» Он сперва не поверил, что девочки видели русалку, а потом стал жалеть, что сам не может принять участие в охоте. И еще он очень заинтересовался бабушкой Дуней, ее ткацким станком, ее доской с датой «1812» и ее белым камнем со львом. Но самая главная Мишина новость была — шов на животе Петра Владимировича скоро заживет и доктор обещал выписать их любимого воспитателя в ближайшие дни.

Миша рассказывал, от возбуждения его верхняя губа топырилась. Он то глядел на Георгия Николаевича, то обращивался к Гале-кудрявой, словно искал у нее поддержки.

Галя стояла рядом с ним и поглядывала на него с явным восхищением.

— Мы шли в город, мы возвращались из города и так хорошо всю дорогу разговаривали,— говорил Миша, глядя на нее.

«О чем они разговаривали?» — спрашивал самого себя Георгий Николаевич.

Он же писатель, для будущих произведений ему всегда надо знать — а что таится в ребячьих душах. Но на этот раз он понимал — не деликатно допытываться о том самом сокровенном, что порой пробуждается между мальчиком и девочкой.

Глава 10

РАДУЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ ПОКА
НЕ ОТКРЫВАЕТ СВОИХ
БЕЛОКАМЕННЫХ ТАИН

Следующий день можно было назвать днем неудач. Опять у Георгия Николаевича не ладилось с будущей повестью, опять он писал, перечеркивал, комкал и рвал листки, а порой ворчал: «Из-за этих белых камней не могу сосредоточиться и плодотворно работать».

Наконец он взял себя в руки и задумался, мысленно переносясь в далекие стародавние времена.

Каким был тот, лишенный наследства князь Константин? Что заставило его ради жизни в Ростове отказаться от великого княжения во Владимире?

Скупно говорится о нем в летописях; правда, летописец называет его Мудрым и Добрым, восхищается, как много строил он каменных и деревянных зданий.

И Георгий Николаевич, раздумывая о Константине, нашел ответы на свои вопросы: был Ростовский князь ученым и поэтом и любил огненной любовью тот город на берегу синего озера, где построил столько красы белокаменной, потому и не захотел его покинуть.

А ростовские бояре неустанно твердили ему: «Обидели тебя, обошли, обнажай меч, собирай рать, веди нас войной на своего брата захватчика Юрия...»

Георгий Николаевич стал переносить на бумагу свои мысли, потом прибежала Машунька звать его к обеду.

А ровно в два часа синие фигурки замелькали перед окнами его дома. Он вышел к ним за калитку.

Отряд, вооруженный, как и прежде, двумя лопатами, двумя ломами и топором, двинулся по радульской улице.

Вчера, когда ребята поддевали ломом очередной камень и приподнимали его, Георгий Николаевич принимал самое деятельное участие в их работе. Он опасался, что огромная тяжесть ненароком выскочит из мальчишечьих рук да отдавит чью-то ногу, и потому сам крепко держался обеими руками за край камня.

Сегодня он убедился, что мальчишки надежно приноровились, действовали ловко и быстро.

Они подходили к очередному дому, стучались. На стук выходили хозяева.

— Здравствуйте! Вам говорил Иван Никитич? Можно перевернуть ваш камень и посмотреть, какой он снизу?

— Что же, переворачивайте, коли охота.

— Раз-два — взяли!

Мальчишки поддевали двумя ломами камень, ставили его на ребро; девочки счищали с нижней поверхности землю. Все смотрели, вздыхали, осторожно клали камень на место, благодарили хозяев, прощались с ними и шли к следующему дому.

Не за два дня, а за два часа они закончили проверку камней по всему Радулю. Ни на одном из шестнадцати ничего не было высечено, везде нижняя плоскость оказывалась неровной, едва обработанной долотом.

Но эти неудачи несколько не разочаровали ребят. Подошли они к церкви.

Оставался последний белый камень, тот, на котором стоял угловой столб разрушенной паперти. Неужели тюкать ломами по кирпичам у основания столба? Сколько дней придется тюкать? Однако отступить не хотелось.

— Ну как, будем долбить? — спросил Георгий Николаевич.

— Будем! — упрямо буркнул Игорь и первый взял в руки лом.

Он ударил по столбу десять раз, передал лом Мише. Все мальчики и девочки поочередно потюкали по десять раз. Двое били, остальные смотрели. Кирпичи едва-едва крошились.

Когда вновь настала очередь Игоря, ямка в столбе была совсем неглубокой. С ломом в руках он повернулся к Георгию Николаевичу и спросил его:

— Ну как? Долбить?

Георгий Николаевич начал опасаться: этак у ребят выдолбится весь интерес к русской истории. Проклятый столб точно встал поперек дороги. И тут же он подумал: «Пока Петр Владимирович еще в больнице, вот как их занять: нужно исследовать ту заброшенную дорогу, которая проходила когда-то сзади церкви и кладбища, там, где на склоне с одного места песок сдувало, а на другое надувало».

— Ну вот что: я подумаю, каким еще способом можно опрокинуть столб, а пока хватит долбить, — сказал он. — Я хочу показать вам еще кое-что.

Они пошли за кладбищенскую ограду на песчаный косогор, но ничего заслуживающего внимания там не увидели. На

скудной песчаной почве росли кое-где чахлые сосенки, сквозь песок пробивались серо-зеленые будылья полыни, такие же серо-зеленые и тусклые широкие листья мать-и-мачехи, еще какая-то чахлая травка. Направо, на пригорке, виднелись кусты Проклятого места; налево, внизу, в густом ольшанике, текла невидимая отсюда Нуругда. Косогор этот можно было назвать только печальным.

«А ведь именно где-то здесь после песчаной бури обнажились отесанные белые камни. Почему они валялись именно здесь? Неужели тут может прятаться какая-то тайна?»

Георгий Николаевич задавал эти вопросы самому себе, но задавал их вслух. И ребята внимательно слушали его рассуждения.

— Вы нам рассказывали,— робко начала Галя-кудрявая,— о витязе, который жил с молодой женой в тереме где-то возле Радуля. Может быть, вот здесь стоял тот терем? Вот здесь, где сейчас один песочек?

— А давайте узнаем, какой толщины слой песка,— предложил Миша.— У нас две лопаты, будем копать в двух местах.

Георгий Николаевич не видел ясной цели — для чего, собственно, копать? Пространство обширное, а двумя жалкими лопатами разве можно что-либо обнаружить? Впрочем, если тайна прячется под слоем песка, отчего же не выяснить толщину песчаного слоя? С этого надо начинать разведку.

Он взял лопату и очертил два прямоугольника размером со столик в его светелочке — так он обозначил контуры будущих ям. У геологов такие разведочные ямы называются шурфами. Один шурф он наметил выше по склону, другой — ниже.

Отряд разделился. Копать мягкий и рыхлый песок было куда веселее, чем долбить ломом кирпичный столб. Копали попеременно — один уставал, передавал лопату другому.

Через какой-нибудь час в одном из шурфов край лопаты

наткнулся на твердую плотную глину. Толщина слоя песка оказалась совсем небольшая — меньше метра.

А с другим шурфом получился конфуз: копали, копали, и вдруг одна из стенок обвалилась. Да, во всяком деле нужна сноровка, а тут сам Георгий Николаевич оплошал. Он забыл — раз песок такой рыхлый, то при глубине шурфа больше метра нельзя его копать с вертикальными стенками, а надо выводить откосы.

— Ладно, завтра закончим,— сказал он, посмотрев на часы.

Игорь хотел продолжать копать, но Георгий Николаевич, не зная, чем ребята будут заняты завтра и послезавтра, настаивал на своем, и они направились по домам.

Следующий день начался, как обычно. Ребята с утра переправились через Клязьму, а Георгий Николаевич забрался в свою светелочку.

Сегодня у него работа спорилась. Писал он, писал, откладывал один исписанный лист бумаги, брался за второй, зачеркивал и вставлял отдельные слова и фразы и не разорвал ни одной страницы.

Он писал о том, какое смятение поднялось на Руси после смерти Всеволода Большое Гнездо. Одни держали сторону его старшего сына Константина, другие — сторону второго сына, Юрия. Простые люди жили в страхе, не знали, что с ними станет, толпами переходили от одного князя к другому.

Георгий Николаевич вписал такие слова летописца:

«Многие люди сюду и сюду отъезжаху мятушеся».

Одни недовольные стекались в Ростов, а другие недовольные — во Владимир. Юрий дважды собирал полки и вел их на полки брата Константина. Оба раза дело кончалось миром. Константин уступал и возвращался в Ростов, а Юрий возвращался во Владимир.

Как развивались события дальше, Георгий Николаевич не успел написать. До него донесся голос Настасьи Петровны:

— Простите, а вам он срочно нужен? Может быть, пойдите пока на Клязьму, выкупаетесь?

— Дедушка пишет книгу, к нему сейчас нельзя,— пищала Машунька.

Какой-то незнакомый мужской голос настаивал:

— Нужен, и очень срочно.

Георгий Николаевич приставил глаз к потайной дырочке в стенке и увидел низенького, худенького человечка в чесучовой разлеталке цвета топленого молока, в соломенной шляпе; толстые очки на крючковатом носу придавали всей миниатюрной фигурке незнакомца эдакий деловитый и даже свирепый вид.

Нет, он не из пионерского лагеря. Георгий Николаевич вышел из светелочки и направился к незнакомцу.

— Такси не нашел, пришлось добираться пешком. Прибыл из Владимира по вашему письму. Здравствуйте.— Незнакомец вложил узенькую ладошку в руку Георгия Николаевича и заговорил отрывисто, сухо, словно был чем-то недоволен.— Федор Федорович,— отрекомендовался он, произнеся свою фамилию нарочито невнятно.— Старший научный сотрудник...— Он назвал весьма солидное владимирское учреждение.— Мы все поразились приложенному к вашему письму рисунку. Прошу вас немедленно показать мне обнаруженный вами камень, но предупреждаю — спешу чрезвычайно. Под моим руководством возле Владимира ведутся археологические раскопки. Электричка идет в пятнадцать четырнадцать. Я должен уехать с нею.

— Да подождите, Федор Федорович, не спешите! Поедете со следующей,— взмолился Георгий Николаевич.

Сколько он хлопотал, сколько писал, что Радуль несомненно интереснейшее с исторической точки зрения место. Наконец-то явился археолог! С ним о стольком надо поговорить,

посоветоваться, надо показать ему хотя бы Радульскую церковь. Хорошо бы устроить его беседу с ребятами. А он хочет поглядеть на камень бабушки Дуни и тут же исчезнуть.

— Нет-нет, я ни одного гостя не выпускаю без обеда. Через час обед, потом чай,— настаивала Настасья Петровна.

Георгий Николаевич заметил, что археолог чуть-чуть вздрогнул и облизнулся. Он понял, что тот голоден, и намотал это себе на ус.

Оба они направились к бабушке Дуне.

Федор Федорович смешно семеня маленькими шажками и говорил, что ему необходимо как можно быстрее вернуться на раскопки древнефинского городища. Там могут быть обнаружены уникальные предметы, а копают старшекласники, народ легкомысленный... Вдруг он застыл перед домом Ильи Михайловича.

— А любопытная резьба! Напоминает боярский терем. Особенно крыльцо! — воскликнул он. — Русалки, сказочные звери, витой растительный орнамент. Чувствуется в этих завитых стеблях, в этом повороте головы сказочной птицы, что здешние резчики по дереву заимствовали рисунок с белокаменных рельефов¹ двенадцатого-тринадцатого столетий.

Георгий Николаевич начал было рассказывать о радульских плотниках-умельцах — Илье Михайловиче, его покойном брате Павле и их отце.

— Все это очень интересно, но мне дорога каждая секунда,— всплеснул ручками Федор Федорович. Он засеменял было дальше, но тут же застыл перед домом бабушки Дуни. Сложив свои узенькие ладошки, словно для молитвы и глядя на доску подзора под крышей, он воскликнул:

— Да знаете ли вы, что ни в одном музее нашей страны нет подобной доски с такой датой! Свыше полутора ста лет доске!

¹ В данном случае рельефом археолог называет высеченное на камне какое-либо изображение.

Тут на крыльцо вышла бабушка Дуня. Она привыкла, что их односельчанин-писатель приводит к ней взрослых и ребят любоваться ее домом, ее знаменитой доской и всем тем, что находится внутри ее дома.

— Послушайте, гражданочка, продайте вашу доску нам во Владимир, любую цену дадим, только продайте,— с мольбой в голосе обратился Федор Федорович к бабушке Дуне.— Знаете, сколько посетителей ее увидят?

Старушка даже обиделась.

— А что мне ваши посетители? — заворчала она.— Я знаю, в городских залах пыль, духота али сырость, электричество день и ночь. Не видите вы, что ли, как изба моя над Клязьмой красуется? Тут на горке доску мою ветерок продувает, солнышко согревает, а крыша — от дождика защита. Мне за мое благолепие телку давали — я не променяла. А писатель своих гостей то и дело приводит... А вы говорите — продайте. Да изба моя останется без доски калека калекой.

— Безнадежное дело,— вставил Георгий Николаевич. Про себя он был очень доволен ответом бабушки Дуни.

— Когда-нибудь в следующий мой приезд попытаюсь уговорить эту скрягу,— шепнул ему Федор Федорович.— А сейчас для меня основное — не опоздать на электричку. Покажите мне наконец, где же тот белый камень!

Насчет скряги Георгий Николаевич не стал спорить. Он наступил на камень ногой и сказал:

— Вот он.— Потом обернулся к старушке и попросил ее: — Как бы нам на вашего льва посмотреть?

— Вы что же, каждый день мой порог переворачивать будете? — проворчала она, словно бы начиная сердиться.

— Да, хотел бы перевернуть, только сил у нас не хватает.— Георгий Николаевич обратился к Федору Федоровичу: — Мы ведь с вами вряд ли справимся? Вот тут недалеко школьники-туристы в палатках живут. Я их попрошу — они помогут. А сейчас пойдете ко мне обедать. Пожалуйста, пой-

демте, жена вас так приглашала. Пропустите электричку, поезжайте со следующей.

— Нет-нет, мне крайне необходимо ехать сейчас,— упрямо повторял Федор Федорович, облизывая губы и потирая живот. Как видно, в нем происходила борьба между археологическим долгом и желанием утолить голод.— Давайте попытаемся перевернуть вдвоем, вот и старушка поможет.

Но бабушка Дуня, ссылаясь на хворь под ложечкой, помогать решительно отказалась.

По счастью, в этот момент показался Илья Михайлович. Он подошел. Георгий Николаевич знаками объяснил ему, что надо делать. Радульский Илья Муромец опять потер ладонями, опять крикнул, нагнулся и разом перевернул камень.

Федор Федорович ахнул, тут же упал на колени и, забыв все на свете, точно сам закаменел; однако через минуту опомнился и, низко наклонившись над камнем, стал понемногу счищать ладошкой комья земли и при этом лихорадочно пыхтел. Он долго поочередно рассматривал все запутанные изгибы переплетающихся между собой львиных хвостов и языков, каждый каменный листик, каждый каменный цветок, потом вскочил, перестал пыхтеть, поглядел на Георгия Николаевича снизу вверх сквозь свои свирепой толщины очки и трагическим шепотом произнес:

— Настоящее белокаменное чудо!

— К какому времени вы относите камень? — спросил Георгий Николаевич.

— Боюсь сказать определенно, но полагаю, что это не последняя четверть двенадцатого века, а первая четверть тринадцатого, и тогда это потрясающее открытие,— сказал Федор Федорович.— Хочу показать фотографии другим специалистам, порыться в первоисточниках, в летописях.

Знаками он объяснил Илье Михайловичу, как поставить камень на ребро, как повернуть его наклонно, а сам, не боясь

испачкать свою разлетайку, лег на траву на живот и несколько раз щелкнул фотоаппаратом.

Георгий Николаевич написал старику записку с просьбой повторить свой рассказ о белых камнях. Тот начал, как всегда, не торопясь, с сознанием собственного достоинства. Рассказал о песчаной буре, обнажившей за кладбищем кучу отесанных белых камней, о том, как радуляне перевозили камни к своим крылечкам, рассказал и об этом камне, с изображением льва, и о другом камне, с изображением витязя, куда-то исчезнувшем.

Федор Федорович сперва все поглядывал на часы, явно нервничая, потом махнул рукой и стал слушать внимательно.

Георгий Николаевич очень обрадовался. Он понял, что, увидев белокаменное чудо, археолог забыл о раскопках под Владимиром и теперь останется до следующей электрички.

Когда старик кончил свое неторопливое повествование,

Федор Федорович резко повернулся к Георгию Николаевичу и заговорил с жаром первооткрывателя:

— Доска подзора великолепна, а камень совершенно уникален! И старушка столько лет прятала такое чудо, а люди видели только изнанку белокаменной плиты. Обратите внимание, с каким тонким вкусом и мастерством, с какой буйной фантазией камнесечец выбирал долотом фон на плоскости камня и целиком заполнял его переплетающимися между собой змеевидными стеблями-хвостами и стеблями-языками.

Он еще раз сфотографировал камень несколько наискось, чтобы яснее выделялись тени. Могучий Илья Муромец осторожно положил плиту на место. И опять скрылась от людского взора красота белокаменная.

Федор Федорович сказал:

— А теперь пусть ваш знаменитый плотник поведет меня на то место, где лежали те белые камни.

— Не лучше ли сперва отобедать? Жена вас так хотела угостить,— продолжал искушать его Георгий Николаевич.— Пойдемте.

— Благодарю покорно. Должен признаться, я действительно с утра ничего не ел,— смущенно сказал археолог.

За обедом зашел разговор о происхождении села Радуль.

Федор Федорович сказал, что знает предание о витязе, поселившемся здесь с женой, и считает это предание не выдерживающим никакой исторической критики. Когда-то некий смысленый здешний житель задумался: откуда пошло название села? Вступили ему на ум слова — «радость», «радостный», он и сочинил эту красивую, поэтичную, но абсолютно недостоверную легенду.

— Как — недостоверную! — воскликнула Настасья Петровна и переглянулась с мужем.

Федор Федорович посмотрел на нее с той снисходительной

улыбочкой, с какой иной раз учитель глядит на шестиклассника, осмелившегося вступить с ним в спор.

Он заговорил о переселении славян в XI и XII веках.

В те времена в южнорусских степях жить стало невыносимо: набегали чуть ли не каждый год орды диких кочевников — сперва печенегов, позднее половцев; они жгли города и селения, а жителей убивали или в плен уводили. И тогда началось массовое переселение на север, в том числе в дремучие леса вдоль Клязьмы и ее притоков. В такую глушь враги не осмеливались пробираться.

Переселенцы несли в своих сердцах горькую тоску по разоренной покинутой родине, несли память о родных краях. И потому они называли прежними названиями те реки, города и селения, где копали новые землянки, где рубили новые избы, где запахивали раскорчеванные нивы.

И сейчас на севере и на юге имеются города с одинаковыми названиями. Таковы Переславль, Звенигород, Гáлич, Стародуб. И там и здесь текут реки Лы́бедь, Тру́беж, Почáйна, Ирпéнь. Список таких парных названий можно продолжить. Так, на юге, в Черниговской области, на левом берегу Днепра, есть село Ра́дуль весьма древнего происхождения. Тамошние переселенцы и перенесли в двенадцатом столетии сюда на берега Клязьмы свое милое душе название.

Федор Федорович добавил, что во время Отечественной войны ему, как разведчику, пришлось возле того Радуля ночью на плоту форсировать Днепр.

Георгий Николаевич искоса посмотрел на худосочного археолога и никак не мог представить его в каске, с автоматом, с ручными гранатами подкрадывающегося ползком на животе ко вражеским окопам. Впрочем, время идет, идет немолимо вперед... И сам он сейчас нисколько не похож на когда-то молодцеватого военврача третьего ранга из медсанбата...

— Нет, вы нас все равно не убедите,— очень твердо ска-

зала Настасья Петровна.— Здешние жители верят, и мы верим, что витязь с женой и дружиной действительно проплывали по Клязьме, остановились тут ночевать. И было витязю на душе радостно. Основал он наше живописное село и хотел построить храм или терем из белого камня.

Федор Федорович опять снисходительно улыбнулся.

— Должен вас разочаровать,— начал он.— Очень часто выдуманные легенды подгоняются под те или иные географические названия исключительно по фонетическому¹ сходству. Вот, например, протекает по северной части Московской области река Яхрома...

И он рассказал, что существует легенда: будто бы некая царица, гуляя по берегу реки, споткнулась и подвернула себе ногу. Слуги подхватили ее, повели под руки, она стонала и все повторяла: «Я хрома! Я хрома!» А на самом деле название реки идет от живших здесь до славян финских племен.

— Согласна, что царица выдумана,— настаивала Настасья Петровна,— а витязь с женой здесь действительно жили; их тут вместе и похоронили, а где похоронили, неизвестно.

— С дамами не спорят,— прямо-таки приторно вежливо улыбнулся Федор Федорович.

Настасья Петровна обиделась и огошла к буфету мыть посуду.

Георгий Николаевич был всецело на ее стороне, но он твердо усвоил, что «с учеными не спорят», и, чтобы переменить разговор, упомянул о камне, принадлежавшем бабушке Дуне.

Археолог сразу оживился. Он сказал, что мастера, строившие при князьях Андрее и Всеволоде, таких вычурно сложных узоров не высекали.

Вот почему во Владимире так заинтересовались тем рисунком, который прислал Георгий Николаевич. Очевидно, это

¹ В данном случае говорится о чисто звуковом, то есть одинаково звучащем сходстве различных по смыслу слов.

следующая эпоха — сыновей Всеволода Большое Гнездо, но от их времени, первой четверти XIII века, сохранилась только нижняя часть собора в городе Суздале. Неужели этот высокохудожественный, тончайшего мастерства камень принадлежит той эпохе?

Через несколько дней Федор Федорович приедет сюда на грузовике, чтобы купить у старушки ее белый камень. Но одного камня мало, надо найти еще, надо организовать тут археологические раскопки по всем правилам науки. Однако начать их удастся только в следующем году.

Георгий Николаевич, вспомнив, как дорожит бабушка Дуня доской подзора, сейчас подумал про себя: «Хоть камень никакое не украшение, а просто порог, все равно нелегко будет уговорить старушку с ним расстаться!» И еще он подумал, что уговаривать ее придется только ему.

Далее Федор Федорович стал рассказывать, как в окрестностях Владимира он руководит раскопками. Экскаваторщик копал котлован под будущее здание и случайно увидел какие-то кости. К счастью, он догадался остановить машину.

Найдено древнее захоронение VII века, относящееся к жившему тут до славян финскому племени.

Особенно интересно то, что захоронение парное — мужское и женское. Два костяка, оба с проломленными чем-то острым черепами, лежат рядом, с вытянутыми вдоль тела руками, причем левая ладонь мужчины покоится на правой ладони женщины, — значит, оба убитых похоронены одновременно. Какая трагедия произошла в VII веке, остается неизвестным.

— Но зато мы знаем, какая большая любовь была в седьмом веке! — убежденно воскликнула Настасья Петровна.

На этот раз археолог не стал улыбаться и утвердительно кивнул головой.

Во все время этого разговора пятилетняя Машунька не болтала ножками, не ерзала, как обычно, а молча, уплетая

рисовую кашу, тарасилась на очкастого дяденьку и слушала его, широко раскрыв глаза. Едва ли она что понимала, но Георгий Николаевич был очень доволен, что вот с такого малого возраста его внука приучается любить старину.

— Сколько же вы платите рабочим на раскопках? — спросила Настасья Петровна. При всех обстоятельствах она всегда была очень практична.

— Да ничего не платим,— отвечал Федор Федорович.— Начинаются летние каникулы, приходят к нам школьники старших классов со своими учителями и говорят: «Мы любим историю, любим старину. Покажите нам, где копать, научите нас, как копать». Но за ними нужен глаз да глаз: еще чего разобьют, пропустят. Ведь всю вынутую землю приходится перебирать между пальцами, просеивать сквозь сито; нельзя пропустить самую малую бусину, самую тонкую ржавую иголку. Вот почему я позволил себе только в виде исключения выбраться сюда на кратчайший срок.

С этими словами Федор Федорович отставил тарелку и вскочил:

— Разрешите принести вам искреннюю благодарность.— Он поцеловал у Настасьи Петровны ручку и, обратившись к Георгию Николаевичу, сказал: — Так пусть старик поведет меня на то место, где лежали белые камни.

— Нет-нет, самовар поспел. Вы должны выпить с нами чаю с таким вареньем, которое, я уверена, вы никогда в жизни не пробовали! — воскликнула Настасья Петровна.

Георгий Николаевич с благодарностью взглянул на жену, которая так хитро помогала задержать Федора Федоровича до прихода ребят.

По-видимому, гость был не только энтузиастом-археологом, но и сластеной. Он обратился к Настасье Петровне:

— Позвольте вас спросить, а какое именно это варенье?

Она стала объяснять, как берет каждую ягоду крыжовника, надрезает ее с одного бока, шпилькой вытаскивает семеч-

ки и в образовавшуюся пустоту напихивает толченых грецких орехов, а потом ставит на два часа варить с сахаром и медом.

— О! — только и воскликнул Федор Федорович и всплеснул своими узенькими ладошками.

Он остался пить чай и, поедая восхитительное варенье ложку за ложкой, повел оживленную беседу с Настасьей Петровной о всевозможных исключительно вкусных яствах, какие умеет готовить и его жена.

Ребята наконец показались за окном. Георгий Николаевич сейчас же вышел к ним и предупредил их, что приехал ученый-археолог смотреть белые камни. Чтобы никаких смешков, ссор, чтобы дисциплина была армейская, чтобы молчали, слушали и слушались.

— От имени туристского отряда заявляю: все будет исполнено! — торжественно возгласил Игорь.

И они пошли, как и накануне, с двумя лопатами, ломом и топором. По дороге прихватили Илью Михайловича.

К большому сожалению Георгия Николаевича, археолог шагал впереди и не обращал никакого внимания на ребят. Вдруг он остановился у крайнего дома. Отсюда хорошо была видна церковь, белая, стройная, сейчас ярко освещенная солнцем.

— Я знал этот выдающийся памятник старины по фотографиям. Семнадцатый век — до чего хорош! Как умели раньше мастера выбирать, где строить: не на самой вершине, а на склоне. Это чтобы в реке отражалась. А вы, — впервые Федор Федорович обратился к ребятам, — интересуетесь стариной?

— Очень! — с разных сторон раздались голоса.

— Видите, как красиво?

— Видим.

— Так берегите красоту старины. Любя и оберегая памятники прошлого, вы будете беречь и любить Родину-мать.

Эти проникновенные слова археолога, несомненно, задели

ребят за живое. Они точно повзрослели, их лица сразу сделались серьезными.

Подошли к тому столбу перед колокольной, что стоял на белом камне. Федор Федорович лег на живот и внимательно осмотрел все высовывающиеся из-под столба части узора на камне и начал их фотографировать.

— Как же убрать эту махину? — сказал он, легко вскочил на ноги и со всей своей невеликой силенкой двинул плечиком по столбу.

Вряд ли все три радульские богатыря, упершись плечами, втроем справились бы со столбом.

— Надо взрывчатку, — не удержался Миша.

Все мальчики и девочки укоризненно посмотрели на него: ведь он нарушил обещание молчать.

— Совершенно верно, взрывчатку, — сказал Федор Федорович. — Будем писать заявку в соответствующее учреждение, вызовем специалиста. Да, пройдет не менее трех недель.

— У-у-у! — загудели ребята. Такие сроки никак не устраивали ни их, ни Георгия Николаевича.

Он энергично замахал рукой, одновременно им подмигивая. Это должно было означать: «Успокойтесь, пожалуйста, и ждите — чего-нибудь придумаем».

К нему обратился Федор Федорович:

— А теперь объясните вашему знаменитому плотнику — пусть он поведет нас на то место, откуда радульские крестьяне брали белые камни.

Георгий Николаевич знаками показал Илье Михайловичу, что от него требуется. Тот сперва очень решительно повел всех за кладбищенскую ограду и вдруг остановился, почесывая затылок.

— Запомню я, где камни-то валялись. То ли здесь, — он направился было ближе к Проклятому месту, — а может, и там. — Он указал гораздо ниже по склону, недалеко от Нуруды, потом подошел к кладбищенской ограде и тут же отсту-

пил от нее на порядочное расстояние.— Годов-то ведь сколько прошло-то. Три войны отвоевал, где тут упомянуть,— оправдывался он.

Склон спускался к речке ровный, без малейшей выбоины, бугорка, перепада; действительно, запомнить было трудно.

— Досадно, что старик не может указать хотя бы более или менее приблизительно прежнее местонахождение белых камней,— сказал Федор Федорович.— Это крайне усложнит поиски.

— Мы беремся провести любые раскопки. Вы нам только скажите, где копать и до какой глубины,— сказал Георгий Николаевич и посмотрел на ребят. Он заметил, как заблестели их глаза, как качнулись туда-сюда их синие фигурки.

Федор Федорович удивленно оглядел их из-под своих толстых очков и сказал:

— Да ведь они не справятся, они маленькие.

Нет, на такое оскорбление невозможно было не возразить.

— Простите, мы не маленькие, мы перешли в седьмой класс! — воскликнул Игорь.

Он густо покраснел, надул свои толстые щеки. У всех ребят сжатые губы, сжатые кулаки, насупленные брови выражали искреннюю обиду, гнев, даже угрозу.

Георгий Николаевич опять предостерегающе затряс рукой.

— Не беспокойтесь, мы справимся! — очень уверенно сказал он с особым ударением на последнем слове.

Ребята молчали. Они же дали слово не выражать своих чувств. Но их молчание выглядело достаточно красноречивым. Многие гордо выпрямились, у иных просветлели лица, иные еще крепче сжали кулаки. Все одобряли обещание своего временного руководителя.

Невдалеке находилась вчерашняя яма-шурф, не та, у которой края осыпались, а другая, в которой благополучно добрались до глины.

— Вот этот шурф они выкопали за полчаса,— сказал Георгий Николаевич.

Федор Федорович сунул нос в шурф, спрыгнул туда, отковырнул пальцем кусочек глины, выскочил, внимательно оглядел ребят и сказал:

— Нужна рулетка, топор, колышки, вешки.

И все поняли: раз пошел разговор о каких-то измерениях, значит, им доверяют вести раскопки. Да, доверяют!

Миша с быстротой оленя помчался к Настасье Петровне за рулеткой, остальные мальчики побежали к Проклятому месту ломать и рубить сушняк. Топор у них был только один.

— Какой длины колышки? А что такое вешки? — спрашивал Игорь Федора Федоровича.

Тот показал руками размеры колышков и объяснил, что вешки — это просто прямые палки с заостренным концом, с их помощью на местности разбиваются прямые линии.

— А ну дайте топор. Разве так держат? — С этими словами Илья Михайлович вырвал топор из рук смутившегося Игоря.

Ребята приносили ему палки, а он тремя привычными ударами вострил колышки и вешки. Топор точно играл в его руках.

Между тем Федор Федорович начал объяснять, как хочет организовать пока еще не раскопки, а лишь предварительную разведку.

— Поскольку известно, что радульские крестьяне возили белый камень откуда-то отсюда, можно предполагать, что каменное здание в тринадцатом веке стояло именно где-то тут.— И он неопределенным жестом показал обширную площадь по всему песчаному склону.— Если на этой площади разбить сетку шурфов — двадцать метров на двадцать,— говорил он,— есть надежда, что хотя бы один из шурфов наткнется или на белокаменную кладку фундамента, или на щебе-

ночную подстилку под фундамент. В те времена, прежде чем начинать выкладывать стены, насыпали щебенку, обломки камня.

Тут Миша примчался, держа в руках рулетку. От быстрого бега он весь раскраснелся и тяжело дышал.

Игорь скомандовал:

— Отряд, на разбивку шурфов шагом марш!

По указанию Федора Федоровича немного отступили от крайних кустов Проклятого места и с помощью рулетки и ровных палок-вешек параллельно кладбищенской ограде, в пяти метрах от нее, разбили на местности прямую линию. Длина ее получилась в двести метров.

На этой линии через каждые двадцать метров забили по колышку, а от них на глазок восстановили перпендикуляры, на которых опять-таки через двадцать метров забили еще по два колышка. Так получилась «сетка» в три ряда колышков, по одиннадцати штук в каждом ряду. А всего забили их тридцать три на площади в двести метров длины, сорок ширины.

Георгий Николаевич наблюдал, с каким рвением бежали ребята с вешками, забивали колышки, тянули рулетку. Но он знал, что главные трудности их ждут впереди.

Для детей крестьянских выкопать в рыхлом песке тридцать три шурфа было бы делом нехитрым: один шурф — один час. А юные москвичи? Они же соловьиного пения никогда не слыхивали. Разве только двое-трое у родных или знакомых на даче грядки либо клумбы вскапывали и еще двое-трое в пионерском лагере для рыбной ловли дождевых червей добывали.

— А сумеете ли вы? Справитесь ли? — спросил он Игоря.

— Справимся, сумеем! — загудели голоса.

Толстяк Игорь гневно надувал щеки, глаза многих мальчиков горели решимостью. Девочки с явным восхищением смотрели на них.

А Георгий Николаевич смотрел с затаенной хитринкой.

«Дня три, пожалуй, пропыхтят над шурфами,— рассчитывал он,— а там Петр Владимирович вернется из больницы и уже не нужно будет занимать его питомцев. Разгадается тайна старого Радуля — это будет великолепно; не разгадается — что же делать, ведь не раскапывать же весь склон, всю площадь. Такая работа под силу только экскаватору».

— Ну, давайте распоряжение копать, и я немедленно поставлю рабочую силу,— деловым тоном всамделишного начальника строительства обратился Игорь к Федору Федоровичу.

— Должен вас всех предупредить еще об одном, в достаточной степени важном,— остановил археолог Игоря.— Соблюдайте скрупулезную аккуратность. Если один из вас откапает хотя бы ничтожный обломок белого камня, откладывайте его в сторону, завертывайте в газету с приложением бумажки, на которой напишете, в каком номере шурфа, на какой глубине был найден данный обломок. Если же вы наткнетесь на белокаменную плиту или на нечто иное, по различным признакам представляющее историческую ценность, отдаю строжайшее распоряжение — работы прекратить. Немедленно вызывайте меня телеграммой. Только под моим контролем будете продолжать дальнейшие раскопки. И еще предупреждаю: случайным ударом лопаты вы можете разбить какую-нибудь ценность. А иногда то, что находится под землей, бывает столь хрупким, что от соприкосновения с воздухом рассыпается в порошок. Вот почему археологические раскопки ведутся прямо-таки с хирургической осторожностью и лишь под наблюдением специалистов.

— Поняли? — спросил Георгий Николаевич ребят.

Все разочарованно и не очень охотно закивали головами.

— Еще что вы будете запрещать? — насмешливо спросил Игорь.

Федор Федорович оглядел его с головы до ног из-под своих толстых очков и сказал:

— Мальчик, у тебя чересчур острый язычок.— Он стал прощаться с Георгием Николаевичем и добавил: — Так я на вас надеюсь.— Помахав всем ручкой, он собрался было уходить в город пешком.

Илья Михайлович тут же вызвался подвезти его на своем мотоцикле с коляской — «нет-нет, не до вокзала, прав-то у него нетути, а только до конечной автобусной остановки».

Георгий Николаевич повел отряд по домам доставать лопаты.

В сельской местности новости распространяются быстро. Все уже знали о приезде ученого человека на раскопки и потому охотно отдавали инструменты да еще желали удачи, говорили «ни пуха ни пера» и другие подбадривающие словечки.

Когда вооруженный лопатами отряд вернулся к песчаному склону, Игорь отступил на несколько шагов, поднял руку и по-военному четко скомандовал:

— Распределиться! Первое звено — на первый ряд шурфов! Второе звено — на второй ряд! Третье звено — на третий! К археологическим раскопкам приступить!

«Ну, пока еще до археологии далековато,— подумал Георгий Николаевич, усмехаясь про себя.— Каким начальственным тоном заговорил новый командир отряда со своими товарищами!»

Мальчики с азартом принялись копать шурфы, а девочки сели на корточки у каждого шурфа и стали тщательно перебирать между пальцами выброшенный песок. А вдруг на самом деле попадется что-нибудь старинное — монета, гвоздь, глиняный черепок, бусина... Да мало ли что люди теряли или выбрасывали в течение столетий.

Георгий Николаевич ходил от шурфа к шурфу, пристально всматривался — не меняется ли где цвет песка.

Мальчики, скинув майки, копали в одних трусах. Пот

блестел на их мускулистых загорелых плечах и спинах. Усердно, ритмично, красиво они выкидывали песок; желтые облачка поднимались над каждым шурфом.

Через час Игорь подошел к Георгию Николаевичу. Сделавшись начальником, он счел, что не может, как прежде, то и дело смеяться по всякому поводу, и говорил размеренно, с достоинством произносил каждое слово.

— Народ устал. Можно объявить перерыв? — спросил он.

— Ты же командир, не нужно меня спрашивать, — ответил Георгий Николаевич.

— Отставить лопаты! Перекур! Подойти сюда! — лихо скомандовал Игорь.

Все столпились вокруг него. Во всех тринадцати шурфах песок шел совсем одинаковый, никто до слоя глины еще не добрался, а девочки нашли только пустую и ржавую консервную банку да осколок бутылки. Никаких обломков белых камней обнаружено не было.

Георгий Николаевич боялся, что трудовой порыв ребят скоро остынет, но, оказывается, совсем наоборот. Игорь ему признался, что они жаждали работать не разгибая спины, не поднимая головы, но только два дня — сегодня и завтра. За этот срок они брались выкопать все тридцать три шурфа — точнее, докопаться в них до глины. А послезавтра воскресенье, значит, у Алеши Поповича будет выходной. И они тоже устроят себе выходной и займутся самым романтичным делом, какое только можно придумать в окрестностях Радуля: они пойдут ловить русалку.

— Послушайте, я тоже хочу с вами, — не удержался Георгий Николаевич, забыв, что собирался работать над своей повестью и по выходным дням.

— Хорошо, — милостиво согласился Игорь, — я включу вас в состав нашего резерва.

— Я вам отдам свою санитарную сумку, — высунулась вперед Алла. — Вдруг кто оцарапает себе ногу или кого русалка укусит. Вы будете нашей медсестрой! — Она покатилась со смеху, загоготали и остальные.

— Только еще раз очень вас прошу, — важно предупредил Игорь, — чтобы никто во всем Радуле о нашей охоте ничего не знал. Никому пока ни слова.

— Никому, — подтвердил Георгий Николаевич. Он обещал не рассказывать даже Настасье Петровне с Машунькой.

— Поймаем, тогда всем похвалимся, — сказал Игорь.

На вопрос Георгия Николаевича, как ловить и чем ловить, мальчики сказали, что у них уже все продумано вместе с Алешей Поповичем. Перегородят Нуругду сетью, а потом, как папаша бабушки Дуни, вооружатся здоровенными палками

и пойдут вброд по речке, будут палками по воде ботать. Увидят русалку, так ее по башке — трах!

— А где вы сеть достанете? — спросил Георгий Николаевич.

Оказывается, и этот вопрос был обсужден: собирались стащить в ближайшем пионерском лагере волейбольную сетку, временно, конечно, стащить. Спортплощадка за лагерными воротами, и сетка на ночь обычно остается. Ночью пойдут, отвяжут, а на следующую ночь опять привяжут. Пионеры один день без волейбола как-нибудь обойдутся, вытерпят.

— Да это же самое настоящее воровство! — воскликнул Георгий Николаевич. — Вам-то все равно, а мне начальник лагеря устроит настоящий тарарам.

И он предложил вместо волейбольной сетки свой гамак, который висит сзади бани между двумя соснами. В нем изредка отдыхает Настасья Петровна и читает Машуньке детские книжки. Его предложение было принято с благодарностью. Конечно, гамак заменит рыболовную сеть.

Перерыв кончился. Игорь скомандовал:

— Отряд, на работу становись!

Мальчики вернулись к своим шурфам и залезли в них. Опять начали взметаться над их головами желтые песчаные облачка, опять девочки присели перебирать отвалы, но пока не находили ничего.

На третьем часу работы у двух мальчиков в шурфах оказалась глина. Измерили рулеткой глубину — было 80 и 84 сантиметра. В своем блокноте Георгий Николаевич разграфил сетку — три линии вдоль, одиннадцать поперек; на пересечениях линий он поставил номера шурфов и вписал первые результаты: «Ш. № 12—0,80; ш. № 25—0,84».

Игорь приказал обоим мальчикам, не теряя ни минуты, переходить на следующие два шурфа.

На четвертом часу работы еще в пяти шурфах докопались до глины. Георгий Николаевич измерил. Получилось: 1,03;

1,05; 1,06; 1,08; 1,09. Никаких заслуживающих внимания предметов девочки не нашли, если не считать двух совсем маленьких белых камешков. Галя — бывшая начальница — тотчас же завернула их в газету и написала этикетки.

Наконец Игорь крикнул:

— Отбой! Мальчишки, лопаты на плечо!

Отряд построился и зашагал по сельской улице: мальчишки с лопатами впереди, девочки сзади.

Ребята шли и разговаривали между собой, но совсем не об археологических раскопках, а только о предстоящей охоте.

К вечеру следующего дня, то есть в субботу, все тридцать три шурфа были выкопаны. Выяснилось, что песок на обследованной площади залегал на глубине от 0,80 до 1,43 метра.

Последние, самые глубокие шурфы копать было очень трудно. Вертикальные стенки начали осыпаться. Но ребята успели приобрести кое-какой опыт и копали с пологими откосами.

Девочки и в этот день не нашли ничего интересного — только три черепка от глиняного горшка и опять в разных шурфах несколько мелких, размером от куриного яйца до грецкого ореха, осколков белых камешков.

Георгий Николаевич понимал, что, в сущности, получился полный провал всех поисков — не обнаружили не только никаких следов фундамента, но и никакой щебеночной подстилки под стоявшее когда-то здание. Ему казалось, что найденные отдельные камешки только запутывали дело поисков. На самом деле, где же стояло то здание, из развалин которого радульские жители брали белые камни?

Но ему не хотелось разочаровывать ребят.

Закончив работы, мальчишки пошептались между собой и всей гурьбой подошли к нему, протягивая свои руки.

Хорошо, что он захватил с собой санитарную сумку.

— Почему же вы раньше ко мне не подошли? — сказал Георгий Николаевич.

— Они выполняли мой приказ — кончить обязательно сегодня, — ответил Игорь.

Он рассказал, что они организовали соревнование — у кого страшнее мозоли. Победил он! На его ладонях вскочили такие жуткие, кровоточащие пузыри, что Георгий Николаевич ужаснулся:

— Да как же ты терпел?

Но и у других мальчиков оказались столь же страшные мозоли. Вместе с Аллой писатель — бывший врач — начал мазать раны зеленкой, перевязывать трудовые мальчишечьи руки. Когда медицинская помощь была оказана всем пострадавшим, мальчики тут же спустились к ольшанику и там своими забинтованными руками вырубили из сушняка тридцать увесистых дубинок.

Георгий Николаевич узнал, что на завтрашнюю охоту отправятся все, все до одного, весь отряд пойдет.

А в больницу к Петру Владимировичу в виде исключения не пойдут — он сам об этом просил. А лагерь оставят без дежурных, без охраны и даже без обеда.

— Как же так? — удивился Георгий Николаевич.

— А мы сварим уху из... из... — Игорь чуть было не брякнул — «из русалки», но понял, что сейчас не до шуток, момент слишком серьезный. И он непоколебимо уверенно dokonчил фразу: — Сварим из пойманного нами сома!

Глава 11

САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ
ДЕНЬ В ЖИЗНИ!

Георгий Николаевич твердо решил: он будет просыпаться в шесть часов утра. Но сегодня было воскресенье, представился удачный предлог устроить самому себе выходной. За

утренним чаем пришлось ему объявить об этом Настасье Петровне; она только бровь приподняла, что означало: «Не одобряю, но молчу».

— Пойду с ребятами и с Алешей Поповичем на рыбную ловлю,— сказал он и предварительно залез в погреб перезаряжать свой фотоаппарат «Зоркий».

В полной темноте, скрючившись на снегу и поеживаясь от холода, он менял кассету, предвкушая, какие отщелкнет прекрасные тридцать шесть кадров охоты на русалку; потом прокрался в дальний конец участка отвязывать потихоньку от Настасьи Петровны гамак. Машунька засемила следом за ним. Узлы на веревках гамака были туго затянуты. Он никак не мог с ними справиться. Машунька стояла рядом и наблюдала.

«Кража в собственном хозяйстве не считается воровством»,— рассуждал он сам с собой. Один узел развязал, занялся другим.

— Дедушка, куда ты хочешь унести гамак? — забеспокоилась Машунька.

«Как бы она не вздумала позвать свою бабушку!» — забеспокоился и Георгий Николаевич.

Он с силой рванул веревку, гамак упал на траву. Георгий Николаевич спешно начал свертывать гамак и через заднюю калитку собрался улепетнуть к реке. А Машунька повернулась к дому.

— Бабушка, бабушка! — на бегу звала она, явно собираясь наябедничать на своего дедушку.

Но он уже подходил к палаткам.

Ребята в своих синих трикотажных костюмах стояли в полной боевой готовности. Мальчики, забыв о забинтованных руках, отважно размахивали увесистыми дубинками, девочки держали дубинки потоньше, усердно натирали руки и лица кремом «Тайга» и еще успевали в восхищении смотреть на мальчиков.

Явился Алеша Попович в синем рабочем комбинезоне, вооруженный отрезком железной трубы. Войнство выстроилось. Георгий Николаевич отступил на несколько шагов и сделал свой первый фотоснимок. Алла вручила ему достаточно тяжелую, туго набитую санитарную сумку с нашитым на ее боку красным крестом.

Игорь скомандовал:

— Отряд, вперед!

Все направились вдоль Клязьмы. Никто в селе не должен был знать, куда они идут, зачем идут.

За церковью подошли к устью Нуругды и остановились посоветоваться. По песчаному пляжу речка растекалась несколькими мелкими рукавами, прозрачные струйки блестели на солнце... Да, действительно, заплывшая весной в Нуругду любая большая рыба, а не только русалка, неизбежно попадала в западню.

Насколько же далеко она заплывла?

Решили перегораживать русло Нуругды гамаком возле Черного моста. Войско разделится — пять мальчиков и пять девочек под командой Алеши Поповича встанут наготове возле гамака, остальные под командой Игоря пойдут по речке вброд вверх по течению, будут ботать по воде дубинками и вопить кто как может громко, подгоняя несчастную русалку к гамаку.

Если загонщики ее не обнаружат, значит, она прячется где-то выше Черного моста. Тогда они пройдут вдоль берега так с полкилометра, снова залезут в воду и направятся к гамаку уже с другой стороны, пойдут вниз по течению. Залезут одетыми и обутыми. Придется защищаться не только от комаров, но и от цепких, свисающих над речкой веток, от коряг, лежащих на дне, от пиявок и прочей речной дряни.

— Вперед! — скомандовал Алеша. Не таким ли исполненным отваги голосом его тезка богатырь двигал русские полки на диких кочевников-половцев?

С гамаком под мышкой он повел свой отряд бугром, а Игорь во главе загонщиков бросился в речку и вскоре скрылся в чаще кустов. Георгий Николаевич успел сфотографировать и тех и других.

Санитарная сумка, перекинута через плечо, и фотоаппарат, висевший впереди на шее, ему мешали. Он вспомнил, что назначен в резерв, и не стал залезать в воду с такой тяжелой ношей, а пошел вдоль опушки ольшаника.

В кустах сквозь ужасающие вопли ему слышались шлепки дубинками по воде, отдельные выкрики и взвизги. Следуя изгибам извилистого русла, гул охоты то приближался, то удалялся. Георгий Николаевич пошел вдоль кустов и вскоре очутился у подошвы того склона, где вчера копали шурфы.

— Куда делся гамак?

Этот неожиданный оклик разом вернул его на землю.

На горе, возле угловой башенки церковной ограды, стояла Настасья Петровна и держала за ручку Машуньку.

Георгий Николаевич молча показал на кусты. Крики, вопли, визги, рев, хохот, вой доносились оттуда столь неистовые, что он даже собственного голоса не слышал. Где было тут объяснять, куда делся гамак!

Прислушиваясь к воплям невидимых загонщиков, он продолжал медленно двигаться вдоль опушки ольшаника. Настасья Петровна так же медленно двигалась параллельно ему по песчаному склону. Она не решалась спуститься вниз, а он не решался свернуть в чащу кустов.

— Вот она! Вот она! — Отчаянный визг девочки перекрыл все прочие крики и визги.

Тут Георгий Николаевич не выдержал, забыл о комарах, о болотной топи, сбросил санитарную сумку и ринулся в кусты. Нагнув голову, раздвигая цепкие ветви, разрывая стебли хмеля, он с трудом продирался сквозь чащу.

— Вот она! Вот она! Бей ее, бей!.. — грохотал Алеша Попович.

Наконец Георгий Николаевич достиг берега. Черная вода кипела. Синие, мокрые, растрепанные чертенята залезли в речку по пояс. Они неистово колотили по воде дубинками, орали, гнали невидимого врага. О, какие потрясающие кадры! Георгий Николаевич щелкал фотоаппаратом направо, щелкал налево...

Ему мысленно представилась несчастная, обезумевшая от ужаса русалка. Но он тут же вспомнил: сом — хищник, утащил у бабушки Дуни утят, сом истребляет множество рыб других пород, пожирает рыбью икру...

— Сюда гони! Сюда гони!..— ревел Алеша. Он стоял наготове возле гамака, перетянутого поперек речки.

Крики, вой, визги разом стихли. Только слышался звенящий стон мириад комаров.

Загонщики подхватили друг друга под локти и, ошетинившись дубинками, медленно и молча пошли по черному вспененному руслу. Пошли, пошли... Комариные армии коричневым облаком висели над их головами и пели свои боевые песни. Отдельный комариный батальон впился Георгию Николаевичу в руки, в лицо. А он, забыв о боли, щелкал и щелкал фотоаппаратом.

Русалка притаилась где-то здесь.

— Крайние, пошарь под берегом,— прошептал Алеша.

Правым крайним брел Миша. Он сунул дубинку под корни. Тут Георгий Николаевич, к своей досаде, обнаружил, что пленка кончается! Оставались последние кадрики. Он решил приберечь их на русалку и держал фотоаппарат наготове. Миша совал дубинку под одни корни, под другие...

Тут вода вокруг вновь закипела. По команде Алеши синие чертенята опять закричали, захлопали дубинками по воде.

Вдруг Георгий Николаевич почувствовал, что у самых ног что-то забурлило и точно палкой ударило его под водой по коленке. Он чуть не свалился. И тут все ахнули: желтобрюхое темное чудище на секунду выпрыгнуло из воды.

Ребята неистово колотили по воде дубинками.

Георгий Николаевич успел присесть, щелкнул фотоаппаратом, еще раз щелкнул... Ура-а! Он засек сома на лету. Но это был последний кадр!

— Ой! — закричал он.

Проклятая русалка хлопнула хвостом по фотоаппарату и по его руке. От боли он вскрикнул, выскочил из воды, помахал рукой. Рука уцелела, и фотоаппарат, кажется, уцелел. Но, увы, зачем он ему был сейчас нужен? Пленка-то кончилась...

И вдруг опять плеснул темно-коричневый блестящий хвост. Запрыгал, натянулся гамак. Алеша Попович поднял свой богатырский меч — отрезок трубы.

Трах!.. Мимо! По воде хлопнул! Игорь, Алла, Галя-кудрявая с поднятыми дубинками ринулись вперед...

Где русалка? Неужели удрала?

— Шарьте, шарьте под берегом! — гремел Алеша.

И опять огромная туша, темная сверху, желтая снизу, выпрыгнула из воды. Все завопили. Двое или трое ударили дубинками, но промахнулись. Алеша трахнул сома по голове. Оглушенный, тот всплыл на поверхность желтым брюхом кверху. Алеша кинулся к нему, смело залез ему рукой в разверстую черную зубастую пасть, другой рукой засунул трубу под жабру и высоко поднял свою добычу, держась обеими руками за трубу.

Раздался такой неистовый победный крик восторга и ликования, что, наверно, даже в самом Радуле было слышно.

Московские ребята! Ведь многие из них никогда и с удочкой-то на бережку не сидели и червяка насаживать на крючок не умеют. И вдруг эти самые московские незнайки поймали такое чудище, какое многие бывалые рыбаки отродясь не видывали!

Георгий Николаевич ликовал вместе со всеми. Он смотрел на удачливых рыболовов и думал про себя:

«Да об этом событии в «Пионерскую правду» немедленно

телеграмму надо бы послать и снимки! Эх, жаль, что новых-то снимков больше не будет!»

Между тем Алеша Попович и Миша взялись за два конца трубы, вытащили сома из воды и медленно поволокли его по топкой чаще кустов. Остальные с радостными возгласами двинулись следом за ними.

Только теперь все вспомнили о комариных полчищах, услышали их боевые песни и, отмахиваясь, принялись давить их окровавленными руками на своих лицах и шеях. Наконец один за другим счастливы выбрались на лужок и вздохнули с облегчением.

Сом положили на травку и обступили его, внимательно разглядывая добычу.

Сом был ростом больше Аллы — такой, как Миша. Со спины темно-коричневый, гладкий, с блестящими черными плавниками, с темно-зелеными боками; брюхо надутое, светло-желтое с голубоватыми крапинками. Его длинные веревки-усы, похожие на розовых глистов, шевелились. Тупомордое чудище, выпучив оранжевые злые глазки, то открывало, то закрывало свою широченную, как у русской печки, пасть, показывало добрую сотню загнутых назад острых и мелких зубов. Какая там сотня зубов! Двести штук, не меньше!

Понятно, почему те радульские девчонки так испугались в прошлом году. Эдакая пасть могла проглотить обеих сразу.

Толстяк Игорь, сияющий, мокрый, грязный, с улыбкой, столь же широкой, как сомовья пасть, подошел к Георгию Николаевичу. Бинты на его ладонях развязались, он не замечал этого.

— Приходите к нам сегодня обедать. В трех ведрах сварим, на костре испечем.— От избытка чувств он схватил Георгия Николаевича за обе руки.

— Послушайте, варить такую прелесть в ведрах на костре — это же преступление!

Только теперь все заметили Настасью Петровну. Оказы-

вается, она давно спустилась с бугра и сейчас стояла сзади рыболовов вместе с Машунькой.

— Я вам уху приготовлю,— продолжала она,— да такую, какой даже сама никогда в жизни не пробовала. И сделаю такое заливное — уму непостижимо! Потом чай.

— Самое первоклассное разрешение пищевого вопроса! — радостно провозгласил Алеша Попович.

— Только мне нужны помощники — один мальчик и три девочки,— закончила свою речь Настасья Петровна.

И тут все, все, кроме Игоря, забыв о соме, ринулись к ней.

— Можно я?.. Можно мне?..

— Тише, дисциплина прежде всего! — Громкий окрик Игоря одернул его подчиненных.— Мне тоже очень хочется самому помогать, но я не имею права. Назначаю, назначаю...— Он медлил, оглядывая всех.— Назначаю Мишу, Галю-кудрявую, Аллу...— Он еще помедлил, оглянув на этот раз только девочек. А те так и впилась в него глазами...— Назначаю другую Галю.— Он кивнул на Галю — бывшую начальницу.

Свергнутая повелительница так и засияла. Еще вчера на археологических изысканиях Игорь назначил ее, как самую аккуратную, хранительницей находок. Правда, находок, если не считать горстки мелких белых камешков, не было, но верблужье выражение тогда же исчезло с лица Гали и само лицо ее вроде бы укоротилось. И постепенно за эти два дня бывшая «княгиня»-задавака преобразилась в самую обыкновенную живую девочку, столь же увлеченную поисками и охотой, как и все остальные.

Игорь и Миша с трудом подняли сома за отрезок трубы, продетой сквозь жабры, взвалили на плечи и пошли по радужской улице. Остальные удачливые рыбаки и не менее удачливые рыбачки шагали сзади. За ними гордо шествовали Алеша Попович и Георгий Николаевич. Шествие замыкала Настасья Петровна, держа Машуньку за ручку. Сомовий хвост волочился по земле.

Из домов выбегали ребяташки и присоединялись к процессии, за ворота выходили взрослые; острый подбородок бабушки Дуни выглянул из резного окошка ее дома. Илья Михайлович не по-богатырски проворно сбежал с крыльца.

— Мальчишкой был — видел такого, из Клязьмы вытащили, — говорил он.

Радуляне ахали, притрагивались пальцами к добыче, удивлялись, поражались.

— Подобное исключительное явление природы в результате коллективного участия в охоте...

Дальше Георгий Николаевич не стал слушать глубокомысленные рассуждения Алеши.

Его сердце ликовало не только из-за удачной рыбной ловли. Все последние дни он настоятельно просил Настасью Петровну пригласить ребят как-нибудь вечерком на чашку чая. Ведь многие из них никогда в жизни не пили из самовара. Но Настасья Петровна наотрез отказывала. И из-за чего?

Недавно она купила в сельской лавочке великолепный чайный сервиз в двенадцать очень красивых желтеньких с черными и белыми зигзагами на боках чашечек и очень боялась — не дай бог, кто-нибудь да кокнет блюдечко!

А теперь она сама приглашала всех на роскошный обед и — Георгий Николаевич был убежден в этом — на столь же роскошный чай. Он-то хорошо знал: если его жена воодушевится, по заветным сусечкам поскребет, то нашарит запасы таких лакомств, которых не только Машунька, но и он сам никогда не пробовал.

Настасья Петровна указала на стол, что стоял в огороде под верандой. Здесь она будет чистить сома. Игорь и Миша положили чудище на стол. Сомовий хвост свесился вниз.

— Помните, бабушка Дуня рассказывала про своего папу, — заметила Алла, — как он в стародавние времена повез пойманного сома в город на базар и с его телеги также свешивался рыбий хвост?

— Наша русалка, наверно, гораздо больше того сома,— добавил Миша.

Никто не хотел уходить. У ребят просто не было сил уйти. Затаив дыхание все следили, как Настасья Петровна взяла два больших, как у мясников, ножа и начала их точить один о другой. Ножи визжали, зрители молчали.

— Подождите кромсать! — кричал Георгий Николаевич.— Буду вас фотографировать.

— Некогда ждать! — кричала Настасья Петровна, размахивая сверкающими на солнце ножами.

Он собрался было спуститься в погреб перезарядить «Зоркий», но патрон с отснятой пленкой, как назло, никак не вынимался — погнулся шпенок зажима. Это русалка в разгаре битвы ударила хвостом по фотоаппарату. Георгий Николаевич взял перочинный ножик, попробовал разогнуть шпенок — ничего не получалось...

Между тем четверо избранников суетились в кухне, в сенях и на веранде. Галя — бывшая начальница особой машинкой строгала на звездочки морковку и петрушку; Алла разводила в кружке желатин; Миша то приносил чистую воду из колодца, то, наоборот, выносил грязную воду в силосную яму да еще успевал притащить из сарая дрова и подложить их в печку. Галя-кудрявая без толку носилась взад и вперед. А Георгий Николаевич все возился с фотоаппаратом и никак не мог выправить зажим.

Настасья Петровна одна потрошила сома. Ребята — не избранники, а прочие — столпились вокруг нее, но она никого не подпускала близко к «операционному» столу и ловко орудовала ножом.

Все чугуны и кастрюли были мобилизованы. Огонь пылал в плите и в русской печке; один чайник стоял на электроплитке, другой на керосинке, пламя гудело в самоварной трубе.

Толстяк Игорь мечтал быть врачом, и не просто врачом,

а хирургом. Вооруженный кухонным ножом, он наклонился над тазом с внутренностями сома.

— Смотрите, еще кушанье! — вдруг закричал он и высоко поднял над головой не более не менее как средних размеров щуку, которую только что извлек из сомовьего желудка.

— Нет-нет! Ни в коем случае! — запротестовала Настасья Петровна. — Щука вся пропитана сомовьей желчью, желудочным соком. Таких проглоченных рыб выбрасывают в помойную яму.

Будущий хирург на ступеньках крыльца сел потрошить свою находку. Если сом проглотил щуку, то какую же рыбу проглотила щука, настойчиво требовало узнать его любопытство медика и мальчишки.

— Что это такое? — Он протянул небольшую темную пластинку, длиной и шириной с палец, толщиной в миллиметр.

— Не знаю, — сказал Георгий Николаевич и поднес непонятную находку к носу. Пластинка была железная, насквозь проржавевшая, с одного конца заостренная, с другого в виде желобка.

Пока он ее рассматривал, Игорь взял у него из рук фотоаппарат и начал отгибать поврежденный шпенец не только перочинным ножиком, но и плоскогубцами.

— Ты смотри там не сломай! — забеспокоился Георгий Николаевич, все еще рассматривая пластинку.

— Нет-нет, сейчас выправлю, — отвечал Игорь. — Ой! — вдруг отчаянно крикнул он.

— Эх, корявец! — воскликнул Георгий Николаевич.

Игорю удалось вытащить из фотоаппарата зажатый патрон, но тот треснул; серой змейкой вывернулась из него пленка и... все погибло. Великолепные, совершенно уникальные кадры были засвечены.

С досады Георгий Николаевич выбралил самого себя — зачем доверил мальчишке фотоаппарат? Ругать Игоря вслух ему не хотелось. Невозможно сердиться в эти минуты торже-

ства, когда все так упоены удачной охотой и ожиданием великого пира...

Четверо быстроногих избранников помогали Настасье Петровне всё так же усердно. Особенно отличалась Галя — бывшая начальница. Настасья Петровна была больше всего довольна именно Галей, которая буквально с полуслова схватывала на лету любые указания.

Тут осторожно скрипнула калитка, и показался Алеша. Он был чисто выбритый, надушенный, торжественный — в темно-зеленом костюме, в темно-зеленой фетровой, осеннего сезона шляпе; на его кирпично-загорелой шее красовался ярко-лиловый, с блестками галстук.

Очевидно, радульские красавицы сочли бы его неотразимым. Но, увы, от храброго русского богатыря Алеши Поповича в нем ничегошеньки не осталось.

Почетный гость тщательно закрыл на щеколду калитку, непривычно мелкими шажками подошел, равнодушно строгим взглядом скользнул по ребячьей толпе, с видом знатока осмотрел найденную в желудке шуки пластинку, потряс погибшую пленку... И тут он случайно поднял свой нос и втянул бесподобную смесь запахов, доносившихся из открытой двери кухни...

И лицо его расплылось в самой простой и широкой русской улыбке. Эта улыбка была искренняя, предвкушающая. Так улыбались богатыри, когда после очередной победы над дикими кочевниками собирались в гриднице киевского князя Владимира Красное Солнышко на пир, а отроки вносили червленые серебряные блюда с жареными лебедями, с соловьиными языками, с кабаньими головами и с прочими яствами.

Так улыбался и современный радульский богатырь, когда удачливый рывок его стального коня-бульдозера на клязьменской пойме сокрушал очередную неподатливую ветлу.

— Предвидится, предвидится... — начал Алеша и замолчал, так и не успев придумать очередное мудреное изречение.

Настасья Петровна высунулась из сеней.

— Скорее открывай погреб! — крикнула она мужу.

Четверо ее помощников, один за другим, осторожно начали спускаться с крыльца. Каждый из них нес по большому блюду, наполненному золотой жидкостью. В жидкости плавали розовые и белые куски сомовины, зеленые веточки петрушки и сельдерея, оранжевые звездочки моркови, желтые дольки лимона.

Когда вся эта прелесть исчезла в недрах погреба, Настасья Петровна очень строго оглянула ребят и сказала:

— Дети! Сейчас же бегите одеваться! Не допущу, чтобы такие грязнули сидели за нашими столами.

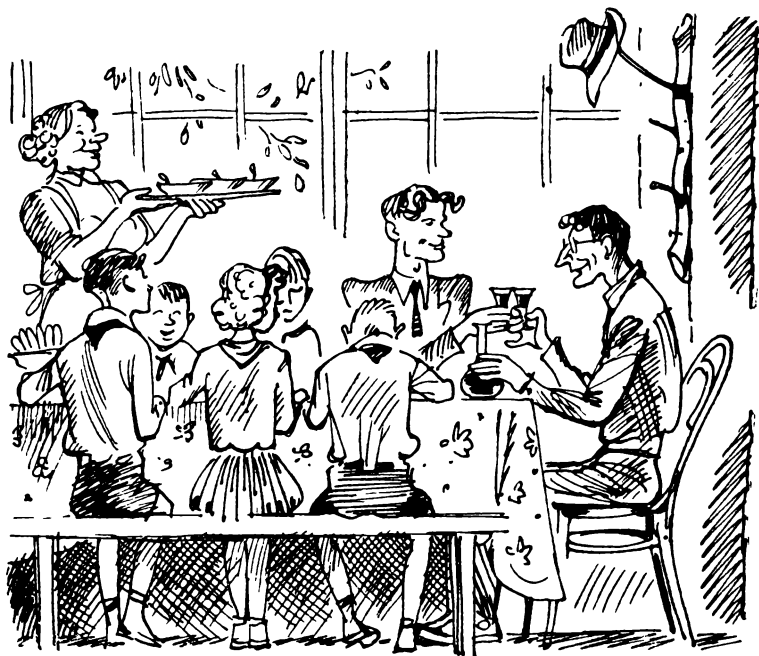
И тут их точно ветром сдуло. Георгий Николаевич остался вдвоем с Алешей.

Тот рассказал, что еще вчера перевел бульдозер на эту сторону Клязьмы (паромная переправа находилась в двух километрах от Радуля вверх по течению). Завтра он поедет в город сдавать машину в капитальный ремонт и приведет новую, еще большей мощности. Он хотел еще что-то добавить, но тут Настасья Петровна отворила дверь в дом, и новые облака бесподобных запахов не дали ему говорить. В кухне готовилась знаменитая уха из головы, хвоста, плавников и потрохов.

Через полчаса явились ребята, притихшие, нарядные, чистенькие, все в красных галстуках, мальчики в белых рубашках и трусах, девочки в белых блузках и плиссированных юбочках.

Накрытые разноцветными клеенками столы начинались на веранде, продолжались по сеням и заканчивались возле двери в сарай. Ребята уселись — примерные, вежливые, притихшие.

Георгий Николаевич достал хрустальный графин с заветной настоечкой темно-рубинового цвета. Он считал эту настойку самой душистой и самой вкусной на свете. По указаниям

бабушки Дуни она изготовлялась на желтеньких невзрачных цветочках зверобоя. Радульская добрая баба-яга утверждала, что это лекарство чудодейственное, оно исцеляет от девяносто девяти болезней.

Георгий Николаевич налил стопку Алеше, налил себе, они чокнулись.

Так начался невиданный пир, какой бывает только на радульских свадьбах.

После заливного пили чай из двух самоваров и из драгоценных желтых с зигзагами чашечек и ни одну не разбили.

Настасья Петровна очень жалела, что пиршество организовалось так скоропалительно, что она не успела блеснуть своим тонким и многообразным искусством печь разные вкус-

ности из теста. Среди своих запасов она раскопала только крыжовенное варенье с начинкой из грецких орехов. Но именно эта восхитительная смесь составляла ее особую гордость.

— Дедушка, а где гамак? — вдруг спохватилась Машунька.

— А где санитарная сумка? — вдруг спохватилась Алла и вопросительно поглядела на Георгия Николаевича.

Да, гамак и сейчас оставался привязанным поперек Нуругды на месте побоища, а санитарная сумка валялась где-то на лужку под бугром. Игорь отставил чашку, вскочил.

— Я виноват: я отвечаю за сохранность казенного имущества, — сказал он и кивнул Мише: — Пошли.

Не допив чаю, оба тут же исчезли за калиткой.

Вскоре они вернулись, ко всеобщему удивлению, такие же чистенькие, сияющие; в их руках была санитарная сумка, а на плечах свернутый мокрый гамак.

Миша подсел к Георгию Николаевичу и потихоньку ему признался, что им пришлось лезть в Нуругду в одних трусах: ведь нельзя же было пачкать парадную пионерскую форму. Комары их кусали, как он выразился, «точно зубы русалки». Зато два миллиона кровососов было убито.

По окончании пиршества девочки вымыли всю посуду, вымыли пол, а мальчики расставили по местам мебель.

Только после захода солнца гости разошлись, сытые, довольные, усталые.

В тот вечер многие из ребят писали домой письма. И все они начинались одной и той же фразой:

«Дорогие родители, сегодня был, наверное, самый интересный день в моей жизни, опишу его во всех подробностях...»

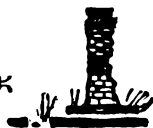
А Георгий Николаевич еще долго сидел вместе с Настасьей Петровной за кухонным столом.

Он рассказал ей о необычайных приключениях сегодняшнего дня, а в конце концов вспомнил о ржавой железной пла-

стинке, найденной в желудке щуки. Супруги долго поочередно рассматривали ее и никак не могли понять, — что она — старинная или недавнего происхождения? Решили показать находку Федору Федоровичу, когда тот снова приедет к ним.

Глава 12

КАК НАЧАЛСЯ ТУСКЛЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Кончился «самый интересный в жизни» воскресный день, наступил будничный, тусклый понедельник.

Как всегда, ровно в два часа повел Георгий Николаевич отряд по улице села.

— Что будем сегодня делать? — спрашивали его ребята.

А что он мог им ответить? Разведочные шурфы были выкопаны досрочно, но ничего заслуживающего внимания в них не нашли. Пока Федор Федорович не приехал, надо предпринять последнюю попытку — во что бы то ни стало свалить угловой столб разрушенной церковной паперти и увидеть спрятанный под ним узор на белом камне.

Как облегчить и ускорить работу, они так и не придумали. Игорь предложил долбить у основания столба одновременно не в два лома, а в шесть ломов. Теснота не позволяла поставить большее число долбильщиков.

Мальчики были рослые, сильные, подошли они к столбу, окружили его со всех сторон, подражая Илье Михайловичу, поплевали на свои не успевшие еще зажечь ладони и начали ударять по нижнему ряду кирпичей — тюк-тюк-тюк... Каждый тюкал по двадцать раз, передавал лом другому.

Девочки стояли в стороне и явно скучали.

— Мы тоже хотим принимать участие. Мы тоже хотим свалить столб, — сказала Галя — бывшая начальница. Она была самой высокой из них.

Игорь им разрешил тюкать, но по десять раз.

Время шло, а кирпичи едва-едва крошились. И с каждым ударом лома лица ребят делались всё угрюмее, исчезли шуточки, смех.

Георгий Николаевич начал опасаться: «Ох, скоро надоест им столь нудная работа, подойдет Игорь и решительно брякнет: «Больше не хотим!» И пропадет у них всякий интерес к истории».

Он подумал: если кирпичи смачивать водой, может быть, дело пойдет быстрее? И собрался было посылать девочек за водой, как вдруг раздался знакомый голос:

— Здравствуйте, вот вы, оказывается, чем занимаетесь.

Все оглянулись. Ломы со звоном упали на землю. Сзади стоял низенький Федор Федорович, в соломенной шляпе, в желтоватой чесучовой разлетаке. Очки в толстой оправе не могли скрыть его крайнего возбуждения. Тотчас же все подошли к нему.

— Приехал ранее установленного времени, ибо потерял терпение. Должен признаться, никак не мог предположить, что вы за два дня успеете выкопать все шурфы. А я успел произвести их обследование. Пришлось мне в каждый залезать, осматривать стенки.— Он живо повернулся к Игорю:— Командир отряда, доложи, что вами там было обнаружено.

— Кроме нескольких мелких камешков — ничего! — коротко отчеканил Игорь.

— Так я и предполагал. Разрешаю шурфы засыпать. Но вы не огорчайтесь, сделанная вами работа не была излишней: отсутствие в шурфах каких-либо заслуживающих внимания признаков древних строительных работ подтвердило мои пока еще сугубо предварительные догадки. Сейчас я вам попытаюсь разъяснить.

Он рассказал, что за три дня внимательно перечел основные летописные своды — Воскресенскую, Лаврентьевскую, Ипатьевскую, Никоновскую летописи и нигде не нашел ни

одного упоминания о постройке здесь, на этом месте, на берегу Клязьмы, какого-либо белокаменного здания. Единственное объяснение данному факту: начали строить и не докончили; завезли камень, пришли камнесечцы, сели тесать, на иных камнях выводить резьбу, а потом внезапно бросили. Почему бросили? Летописи отмечают год окончания постройки. О недостроенном летописи молчат. Но существует древнее устное предание о витязе, основавшем Радуль.

Федор Федорович признался, что до вчерашнего дня он не верил в это предание, считая его целиком вымышленным, рассказал ребятам про захромавшую царицу и про реку Яхрому, про связь слов «радость» и «Радуль». Исторических доказательств о существовании витязя у него нет, но многие предположения заставили его задуматься.

В прежние времена никаких увеселений — кино, театров, телевизоров — не было, почти не было и книг, но жизнь не казалась скучной. Деда и бабки в долгие зимние вечера собирали вокруг себя внучат и при свете лучины рассказывали им про старое, про бывалое. Жизнь текла медленно, годами не случалось никаких событий. Внуки вырастали в такой тихой обстановке и не забывали, а, наоборот, крепко помнили рассказы дедов и, в свою очередь, передавали их следующим поколениям. Сберегались в древних преданиях зерна исторической правды, отблески действительных событий, бывших даже за несколько столетий до того.

Жил витязь с молодой женой. Кто они такие, как их звали, про то деда и бабки позабыли, но запомнили, что они начали строить терем и храм, не достроили и умерли от какой-то злой болезни. В те времена такие страшные болезни, как чума, черная оспа, холера, случалось, уничтожали города и села целиком, люди в короткий срок вымирали тысячами, некому было их хоронить. Немногие оставшиеся белые камни как будто подтверждают это предание. И то, что в шурфах ничего не было обнаружено, тоже подтверждает это предание.

— Что же остается невыясненным? — спросил в конце своей речи Федор Федорович самого себя и оглядел ребят из-под очков.— Не выяснена, во-первых, более или менее точная дата начала постройки и, во-вторых, куда вывезены белые камни, ведь вы их обнаружили весьма немного.

Стали считать, сколько же камней было найдено... Шестнадцать да плюс у деда Ильи Муромца, у бригадира Добрыни Никитича, у Георгия Николаевича, наконец, единственный резной у бабушки Дуни. Всего двадцать.

— Двадцать первый с изображением витязя, его видел Илья Михайлович, когда был мальчиком,— напомнила Галя-кудрявая.— Но где прячется тот камень, мы не знаем.

— А двадцать второй вот этот.— Миша ткнул ногой в камень под столбом.

— Через две недели я прибуду сюда со взрывником,— сказал Федор Федорович.— Мы низвергнем столб и узнаем, что изображено на камне.

— А мы ведь не увидим камня, не дождемся и уйдем отсюда! Петр Владимирович выздоровеет, и мы отправимся путешествовать дальше...— на разные голоса восклицали очень недовольные мальчики и девочки.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, я вышлю фотографии в адрес вашей школы. И ваша весьма похвальная любознательность к прошлому нашей Родины будет удовлетворена.

Никто не возразил на эти слова археолога, но лица ребят приняли самое унылое выражение: никакие фотографии не заменят подлинный рельеф на камне.

— Сегодня вечером мы созовем специальное заседание штаба похода, будем обсуждать, как свалить столб,— упрямо заявил Игорь при всеобщем одобрении ребят.— Мы сами его свалим! Но мне охота еще узнать...

Игорь постарался рассказать как можно короче о великой вчерашней охоте на русалку, о том, как из желудка щуки он извлек... Он, а не кто другой извлек непонятную железку.

— Что же вы сделали с тем сомом? — спросил Федор Федорович.

— Съели целиком. Было очень вкусно, — ответил при общем смехе Игорь.

— О! — сказал археолог. — Раз вы не можете меня угостить, то хотя бы покажите найденный вами металлический предмет. Я посмотрю, постараюсь определить, к какой он относится эпохе.

Игорь тут же обернулся к своему другу:

— Мишка, дуй к писателю в дом, да живо обратно!

Тот только черными глазами сверкнул и вихрем умчался.

— Чтобы подтвердить некоторые мои предположения, мне надо как следует осмотреть ваш памятник старины, — сказал Федор Федорович.

Он повел всех в обход колокольни к зданию самой церкви и оглядел ее всю, от накрененного купола до подошвы.

На проломленной крыше, цепляясь обнаженными корнями за стены, росли чахлые, искривленные березки. По кирпичным стенам сверху вниз прозмеились коварные трещины, белая штукатурка кое-где облезла, отдельные кирпичи отвалились. А нижняя часть стен, выложенная из ровно отесанных белых камней, стояла незыблемо, хотя сами камни позеленели от сырости.

— Памятник и вблизи хорош, несмотря на запустение, — сказал Федор Федорович. — Поставлю во Владимире вопрос о его срочной реставрации. Сейчас по всей стране заботятся о сохранности памятников старины, большие деньги отпускают...

Вдруг он сорвался с места, скорым шагом пошел вперед, скинул свою соломенную шляпу, прильнул щекой к стене церкви, к одному из камней, и стал смотреть вдоль стены под очень острым углом.

Через минуту он отскочил, энергично размахивая шляпой и восклицая:

— О варвары, о убийцы, о злодеи!..

Никто не понимал, что с ним стряслось.

— Приложите ваши щеки к стене, как я прикладывал,— с большой горечью говорил он.— Вглядывайтесь, глядяйтесь...

Все разбежались вдоль церковных стен, стали прижимать щеки к холодным камням.

Многие не видели ничего, а иные, те, кто смотрел наискось, видели.

Большая часть камней была просто гладко отесанной, с пятнами лишайников, а на иных камнях, если вот эдак наискось, притом очень внимательно присмотреться к мелким неровностям, можно было разглядеть какие-то неопределенные, извивающиеся, сплетающиеся линии, полосы, контуры... А если добавить чуточку воображения, за этими линиями, полосами, неровностями, за пятнами лишайников угадывались слабые, едва видимые очертания то каких-то сказочных заморских зверей, то птиц, то растений.

— Федор Федорович, идите ко мне!.. Идите смотрите, что я увидел!..— то один, то другой отпрыгивал от стены и звал археолога.

Тот сперва ходил, смотрел, а потом сказал:

— Не хочу больше видеть, слишком больно! О варвары, убийцы! О злодеи!.. Вы понимаете, куда делись белые камни из той кучи? Строители семнадцатого столетия перенесли их сюда и начали выкладывать из них стены; выложили насколько хватило — до уровня окон. И при этом были начисто стесаны все высокохудожественные рельефы, какие с любовью и тщанием высекали долотом мастера-камнесечцы тринадцатого столетия.

— Вы считаете, что зодчий, строивший церковь в семнадцатом веке, оказался таким варваром, так равнодушно и безжалостно отнесся к прежней красоте? — спросил Георгий Николаевич археолога.

— Не зодчий варвар, а церковные власти,— отвечал тот.— Зодчий, возможно, на свой страх и риск вставил отдельные камни с рельефами в стены, а явились священнослужители и затвердили: «Грех-то какой! В чудищах святости нет, чудища улыбаются, зубы скалят, а стены церковные должны быть чистыми и белыми, как одежды ангельские». И приказали они зодчему камни стесать. И погибли древние рельефы навсегда.— Он оглядел ребят.— Вот почему неустанно я повторяю представителям молодого поколения: берегите красоту старины, берегите.

Ребят несомненно проняли эти пламенные слова, да и следы уничтоженной красоты на стенах были слишком убедительными. Все стояли серьезные, переминаясь с ноги на ногу, ждали, что еще скажет Федор Федорович.

А тот стоял отпыхиваясь, тяжело дыша после своей столь красноречивой речи. И вдруг он опять сорвался с места и опять подбежал к самой церковной стене.

— Давайте сюда ко мне! Все давайте!

Не понимая, в чем дело, и мальчики, и девочки, и Георгий Николаевич двинулись к нему.

— Давайте еще раз сугубо внимательно осмотрим все камни,— сказал Федор Федорович,— и поищем, не выбито ли на них каких-нибудь таинственных знаков или букв.

И вторично они пошли вокруг церкви, низко наклонившись, вглядываясь в покрытую лишаями, позеленевшую поверхность древних камней.

— Вот, смотрите! — некоторое время спустя воскликнул Федор Федорович, торжествующе тыча пальцем на один из камней.

И все увидели на камне какие-то знаки — темные от лишая ложбинки, образовавшие два кружочка и два крестика.

— Что это за буквы? — спросила Галя-кудрявая.

— Это не буквы, а нечто иное. Потом объясню, — кинул Федор Федорович через плечо. Он явно волновался.

И все разбрелись вдоль стен; они нагибались, садились на корточки, стараясь взглянуть в камни, особенно в их нижние, самые позеленевшие и потемневшие ряды. Двигались, двигались очень медленно, смотрели, смотрели... Вдруг самая остроглазая — это была Алла — воскликнула:

— Нашла!

Все кинулись к ней и опять увидели на камне темные значки, а может быть, буквы — «А» и «Л».

— Конечно, буквы! — воскликнул Георгий Николаевич.

— Ищите, ищите! Продолжайте искать еще! — кричал Федор Федорович, втыкая палочки под стеной возле места находки. Он даже раскраснелся от возбуждения, его толстые очки прыгали на носу и блестели на солнце.

Но дальнейшие поиски были безрезультатны.

Тогда Федор Федорович собрал всех вокруг себя и начал говорить. Он рассказал, что в летописях неизменно и добросовестно отмечались даты построек всех каменных зданий — церквей, дворцов, стен, ворот, башен. Летописцы — бояре или монахи, словом, близкие к князю лица — писали: «Князь великий Андрей...» Или: «Князь великий Всеволод созда церков чюдну велми». Здания строились тогда высокими, устремленными ввысь, «украсно-украшенными», но никаких имен зодчих-умельцев, истинных и вдохновенных творцов тех белокаменных чудес, в летописях не найти. Князь создавал, а не простые люди, выходцы из народа. Ему предназначалась слава, одно лишь его имя должно было дойти до потомков.

— Так вот, знаки и буквы на этих стенах, которые мы с вами только что обнаружили, — продолжал Федор Федорович, — это единственные подлинные подписи или самого зодчего, или мастеров-строителей тринадцатого, а не семнадцатого века. Один из подписавших был неграмотным, а другой грамотным и звали его Александр или Алексей.

— Так это Алеша Попович, дружинник князя Константина! — воскликнул Игорь. — Он был зодчим!

— Может быть, и Алеша Попович,— задумчиво ответил Федор Федорович.— Такова догадка и твоя и моя. Но историки потребуют безусловных доказательств, которых у нас нет.

— Просто мальчишки тринадцатого века были несознательными хулиганами и портили стены,— сказала Галя — бывшая начальница.

— Не думаю,— ответил Федор Федорович.— В летописях нигде не упоминается о шалостях тогдашних мальчишек. Может быть, наоборот, они были примерными, дисциплинированными, любознательными, интересовались историей своей страны.— Он оглядел ребят из-под своих очков, и нельзя было понять, говорит ли он просто так или на что-то намекает.

— А может быть, это выбила буквы девушка и звали ее Алла? — робко спросила Алла.— Ведь и сейчас девушки строят дома.

Как ей хотелось, чтобы она была права!

— Нет, такого не могло быть никак! — уверенно ответил Федор Федорович.— Девушки пряли, ткали, вышивали, стирали, доили коров, жали серпами рожь и другие злаки, обед готовили — словом, дел у них по хозяйству хватало. А камнесечная работа была для них слишком тяжелой.

Тут прибежал запыхавшийся Миша со вчерашней железной пластинкой.

Федор Федорович повертел ее и вдруг воскликнул:

— О, знаете ли вы, что вами обнаружено? Это подлинное долото камнесечцев. Желобчатым концом прикладывали к камню, а с этого конца была деревянная ручка, по которой ударяли молотком. К сожалению, не знаю, к какому отнести веку — к тринадцатому или семнадцатому. Отсюда вывод: мне неизвестно — данным долотом камнесечцы создавали красоту или, наоборот, губили ее.

Он попросил подарить ему долото и начал рассказывать, как им пользовались древние камнесечцы, как, сидя на дубовых колодах, тюкали молотком по долоту, или ровняли сами

камни, или высекали на их поверхности по намеченным углем линиям фон; тем самым рельефы получались выпуклыми. Один неверный удар долотом мог погубить изображение. Так они сидели с раннего утра до позднего вечера и под перезвон долотьев пели песни. Работа была столь же нудная и тяжелая, как попытки свалить вот этот злосчастный кирпичный столб. «Лепше есть камень долотити, нежели зла жена учить»,— говорит старинная русская пословица. И была та работа несомненно вредная, приходилось дышать известковой пылью. Наверняка многие камнесечцы умирали молодыми.

— Что же, археологические работы можно считать законченными. Вы помогли узнать многое,— сказал Федор Федорович напоследок.— Уж без вас я узнаю, что прячется под столбом. А иные исторические тайны, связанные с селом Радуль, останутся неразгаданными навсегда... Благодарю вас за ваши старания,— добавил он напоследок.— И единственное, что я вас еще попрошу,— засыпьте, пожалуйста, шурфы.

Никого не прельщала столь унылая работенка. Опершись о лопаты, мальчишки хмуро переговаривались между собой.

«Опять предстоит прозаическое занятие,— подумал Георгий Николаевич.— Копать шурфы, чтобы искать неизвестное,— это одно, а засыпать их — это совсем другое».

— Шурфы всегда полагается засыпать,— сказал он,— а то еще какой-нибудь заблудший ягненок попадет и ногу сломает. Идемте за лопатами.

И вдруг послышалось тарактение трактора. Ближе, ближе...

— Это Алеша Попович едет! — вскричали девочки.

Ну конечно! Он сдал в городе в капитальный ремонт свой старый бульдозер, сейчас катит на новом. Лица ребят сразу посветлели. Вот огромная машина показалась из-за леса...

Забыв обо всем на свете, они с криками «Ура-а!» гурьбой высыпали на дорогу.

Увидев ребят, Алеша осадил своего могучего стального ко-

ня, затормозил его, сам соскочил на землю, подошел к ним и поздоровался, потом не торопясь закурил. Его радостное, измазанное автолом лицо сияло. Он молча отошел в сторону — дескать, смотрите, любуйтесь, на какого скакуна я променял свою прежнюю сивку-бурку. Оба взрослых медленно направились к бульдозеру.

Все тотчас же окружили коня-богатыря, с восхищенным начали его осматривать. Конь был невиданной силы, масти и стати — серо-голубой, с красными каемками, с железными гусеницами вместо копыт; измерительные приборы и рычаги заменяли уздечку, а кабина была вместо седла. Грудь у коня вздымалась огромным, блестящим на солнце стальным лемехом. Как двинет радульский богатырь своего коня вперед на кустарник, так сокрушит все деревца точно былинки. Как взроет мать сыру землю, будто пахал ее древний богатырь, но не Алеша Попович, а крестьянский сын Микула Селянинович.

— Дядя Алеша,— обратился к нему Миша,— а дуб вы свалить сумеете?

— В полной зависимости от диаметра древесного ствола,— важно ответил тот.— Ежели не превышает тридцати сантиметров, то с трех захождений.

— А вон тот столб свалите? — Миша ухватился за измазанный рукав Алешиной куртки и потащил богатыря к кирпичному столбу, перед которым они только что отступили.

— Невозможно,— ответил Алеша.— Памятники старины беречь надлежит, а не подвергать разрушению.

Тут пришлось вмешаться Георгию Николаевичу.

— Это не памятник старины,— сказал он.— Неужели не знаешь, как радульский лавочник Суханов кирпичную паперть к колокольне пристраивал? Выглядела, верно, та паперть эдаким прыщом рядом с белыми камнями. Правильно поступили крестьяне, что ее разобрали, но этот-то угловой столб остался.

Алеша хотя и знал о строительной деятельности богатея Суханова, однако продолжал колебаться.

— Предвижу, будут активные возражения со стороны иных наших малосознательных старух,— говорил он.— Бабушка Дуня, к примеру, с одной стороны, отуманена религией, а с другой стороны, обладает способностью энергично ругаться.

— А вы быстрее, быстрее, пока никакие старушки не пронохали. Раз-раз бульдозером, и столб — ух! — уговаривали мальчики своего друга.

А уж девочки подхватили его под руки, подвели к столбу.

— Посмотрите, дядя Алеша, какие странные цветы виднеются,— показала Алла на край белого камня, торчавший из-под столба.

— А нам так хочется узнать, какую красоту, какую тайну закрывает этот противный столб,— добавила Галя-кудрявая.

— Столб здоровенный, вам, дядя Алеша, его не сшибить никак,— сказал Миша, подмигивая остальным,— слабовата ваша лошадка.

Девочки поняли хитрюгу.

— Не сшибить, не сшибить! — запели они хором.

— Это моим-то новейшим бульдозером? Напротив, с помощью дополнительных приспособлений не представит особых затруднений!

С такими решительными словами Алеша поспешно вскочил в кабину, перевел рычаги и двинул своего коня вперед.

Со стороны села кирпичная ограда была частично разобрана хозяйственными радулянами на кирпичи — заехать на кладбище ничего не стоило.

Алеша повернул бульдозер, направил его задним ходом к церкви и затормозил.

Подъехав вплотную к столбу, он соскочил на землю, глубокомысленно осмотрел столб со всех сторон, тюкнул носком сапога в нижний ряд кирпичей, в ложбинку, продолбленную ребятами, и сказал:

— Ваши предварительные старания с помощью ломов во многом мне облегчат предстоящую задачу.

Он вскочил на крышу кабины с тросом в руках, обвязал мертвым узлом макушку столба, вновь забрался в кабину.

Все с любопытством смотрели, что дальше будет.

Богатырь нажал сапогами на рычаги, точно шпоры вонзил. И помчался могучий конь, лязгая железными копытами, взрывая землю. Натянулся трос, зазвенел... И разом с глухим шумом рухнул столб, только пыль за клубилась.

Все подбежали к белому камню, обступили его со всех сторон, ломами принялись откалывать куски приставшей извести.

— Осторожнее, умоляю вас, осторожнее! Археология не выносит варварства! — кричал Федор Федорович. Маленький, тщедушный, из-за ребячьих спин он ничего не видел и не мог подобраться ближе.

Ничего не видел и Георгий Николаевич.

Ломы были слишком грубыми орудиями, в дело пошли перочинные ножи. Алеша достал из своего слесарного набора молотки, зубила и втиснулся в самую середину кучи малы.

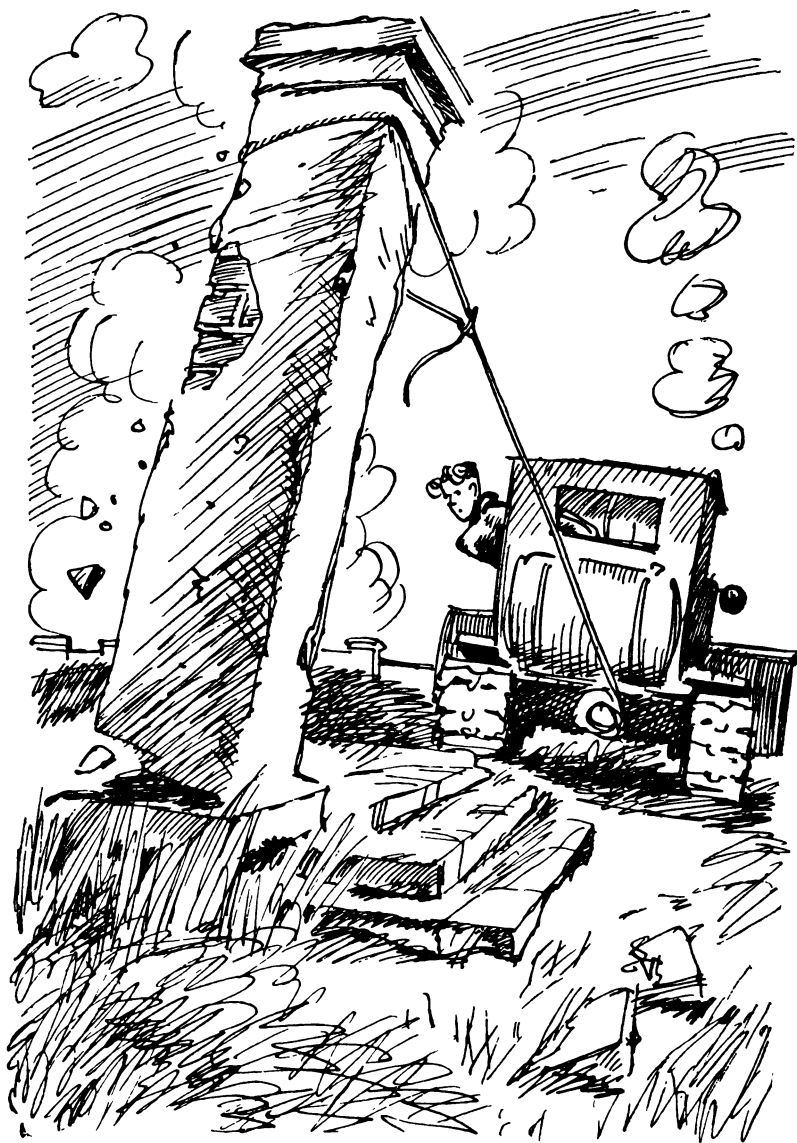
Оба взрослых бегали сзади. Не видели, ну никак не видели, что там происходит, что творится, какие исторические открытия появляются на свет!

— Осторожнее, осторожнее! — кричал Федор Федорович. — От камня не должна отколоться даже самая малая крошка.

И вдруг, как стайка воробьев, все разом вскочили, отпрыгнули в стороны.

Обе Гали — бывшая начальница и кудрявая (они почти помирились между собой) — принесли польнные веники и начали сметать известковую пыль с камня.

Наконец оба взрослых смогли увидеть, какая тайна скрывалась под столбом.

Натянулся трос, зазвенел... и разом с глухим шумом рухнул столб.

Глава 13

ПОЧЕМУ ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ
ВЫНУЖДЕН БЫЛ НЕДОСЛУШАТЬ
РАССКАЗ АРХЕОЛОГА

Что такое красота? Вопрос этот с давних пор задавали, задают и будут задавать многие и многие люди всех национальностей, люди старые, молодые, дети... И ответы они всегда получают самые различные.

Наверное, можно сказать, что красиво то творение искусства, которое волнует, когда нельзя от него оторвать глаз, когда хочется на него глядеть и глядеть, забывая все на свете.

Лев на камне бабушки Дуни поражал буйной фантазией камнесечца-затейника, пустившего причудливые завитки и переплетения хвостов и языков по всей поверхности камня.

Этот камень, только что представший перед взорами ребят и двух взрослых, этот камень был такой же ширины, как и бабушкин, но длиннее. Рельеф на нем казался совсем иного стиля. Мастер, создавший его, обладал вкусом строгим, даже суровым. Не вычурную затейливость линий хотел он передать своим долотом, а стремительное движение вперед. Он изобразил витязя в островерхом шлеме, в кольчуге. Всадник скакал с быстротою ветра. Могучий конь круто изогнул шею, его густая грива закрывала часть уздечки, ноги коня разметались в беге и топтали цветок тюльпана — единственное, что раньше было видно. В правой руке витязь держал меч, поднятый для сокрушительного удара, в левой держал щит, а на щите различался герб — барс, вздыбленный в прыжке. Плащ витязя широкими складками развевался по ветру.

Никто не говорил ни слова. Все смотрели затаив дыхание. Просто невозможно было оторваться от витязя, мчавшегося на коне.

Первым нарушил молчание Георгий Николаевич.

— «Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?» — продекламировал он.

— «Кáмо бéжиши во́ине избрáнный, мнóгажды, слáвне чéстью вéнчанный?..» — в свою очередь продекламировал Федор Федорович.— Вы вспомнили стихи Пушкина, а я вспомнил вирши¹ неизвестного поэта конца семнадцатого столетия. Витязь на коне назывался ездéц,— добавил он.— Его изображали в тринадцатом столетии с мечом в руке, а позднее — с копьем.

— Только два коня числятся на сегодняшний день в нашей бригаде,— сказал Алеша Попович.— Вот этот белокаменный и плюс мой стальной, а живых ни одного не осталось.

Георгий Николаевич мысленно представил себе того витязя, кого по памяти изобразил Илья Михайлович на стене его светелочки. Конечно, копия напоминает подлинник, но была огромная разница. Там самоучка не очень уверенно водил кистью, здесь мастер-камнесечец, подлинный художник, вдохновенно владел долотом.

Заговорил Алеша Попович:

— А позвольте вас спросить, по каким таким причинам радульский богате́й Суханов отдал распоряжение замуровать данное произведение искусства?

— Наверно, он видел в нем только камень, пригодный для фундамента паперти,— отвечал Георгий Николаевич.

— Видимо, ваш Суханов был суеверным человеком,— пояснил Федор Федорович,— и ездец показался ему нечистой силой, враждебной всему божественному... Девочки, пожалуйста, смахните вашими веничками вот тут.— И он указал на правый нижний угол камня.

Обе Гали смахнули. Неожиданно выступили узкие и высокие славянские буквы, прорезанные в камне глубокими ложбинками. Ребята не знали, что за буквы.

— Надпись, имеющая историческое значение, но трудно поддающаяся расшифровке,— изрек Алеша Попович.

¹ В и р ш и — стихи семнадцатого — начала восемнадцатого столетия, написанные особым, силлабическим размером.

— Сейчас расшифрую,— сказал Федор Федорович и тут же вслух назвал буквы: — «ВКНЗКНСТ».

Он вдруг отошел в сторону. Лицо его выразило искреннее торжество, даже очки, казавшиеся раньше свирепыми, сейчас улыбались.

— Мои сугубо предварительные догадки полностью подтвердились,— сказал он.— Во-первых, я с точностью до двух лет могу назвать год начала строительства — от 1216 до 1218. А во-вторых — я почти уверен в этом,— надпись косвенно подтверждает, кто был витязь, основавший Радуль. «ВКНЗКНСТ» читается так: «Великий князь Константин». Это старший сын Всеволода Большое Гнездо.

— А почему пропущены гласные буквы? — спросил Миша.

— Как — почему? Просто места не хватило. Ты видишь, что надпись притиснулась к самому краю камня. В те времена летописцы привыкли экономить дорогой пергамент; многие слова записывали сокращенно, без гласных букв, да еще не отделяли одно слово от другого. Очевидно, камнесечец последовал примеру летописцев.

— А чем был известен этот Константин? — спросил Игорь. Федор Федорович начал рассказывать.

В этот момент Георгий Николаевич почувствовал, как кто-то его тронул за локоть.

— Можно с вами поговорить?

Он оглянулся. Сзади него, опершись на велосипед, стоял тот самый желтоволосый юноша-киношник, которого три дня назад Настасья Петровна никак не хотела пускать к нему в светелочку. Перед его грудью, на ковбойке, на ремешке, перекинутом через шею, висел огромный киноаппарат в кожемитовом черном футляре. Юноша глядел умильными и прозрачно-голубыми глазами.

— Можно с вами поговорить? — повторил он.

— Погодите, некогда! — отрезал Георгий Николаевич. Он должен был дослушать рассказ археолога до конца.

— По тем скудным сведениям, какие имеются в летописях,— говорил между тем Федор Федорович,— о многом мы можем только догадываться. Первый исторически известный факт о Константине: в летописи отмечен год его рождения. Второй исторический факт: отмечен год его свадьбы. Выясняется, что мальчика женили, когда ему исполнилось всего девять лет.

Нехорошо, конечно, прерывать взрослого человека, но все ахнули, задвигались, затолкали друг друга.

— Мальчики, девочки! — упрекнул их Георгий Николаевич.

— Возможно, в летопись вкралась ошибочка? — вставил Алеша Попович.

— Никакой ошибки нет,— сказал Федор Федорович.— Подобные ранние браки из дипломатических соображений нередко практиковались в те времена в княжеских и королевских семьях. Венгрия и Польша враждовали между собой. Чтобы оба государя подписали между собой мирный договор, понадобилась свадьба. Венгерский король женил своего четырехлетнего сына на трехлетней дочери польского короля.

— Ну уж это никуда не годится! — сказала Алла и прыснула от смеха.

— А нам всем по тринадцати лет,— сказал Миша и лукаво посмотрел на Галю-кудрявую.

— Прекратить болтовню! — крикнул Игорь и обратился к Федору Федоровичу: — Прошу извинить нас, мы будем вас слушать внимательно.

Археолог стал рассказывать, что Всеволод великий князь Владимиро-Суздальский отправил своего юношу сына княжить в Ростов, теперешний Ростов-Ярославский.

Георгий Николаевич хорошо знал о деятельности Константина, которому посвятил последнюю главу своей новой повести. Но Федор Федорович рассказывал с таким азартом, что слушать его было просто наслаждение.

— Можно с вами срочно поговорить? — в третий раз с дрожью в голосе повторил юноша в ковбойке и опять тронул Георгия Николаевича за локоть.

Вот несносный! Равнодушный к истории, к поискам, к открывающимся тайнам старого Радуля, юноша все водил свой велосипед вокруг да еще, как актер на сцене, руки ломал, даже стонал.

Федор Федорович между тем продолжал рассказывать. Объяснил, почему Всеволод невзлюбил своего ученого сына, почему завещал великое княжение следующему по старшинству брату Константина — Юрию.

В 1212 году после смерти Всеволода разгорелась борьба между братьями; они то мирились, то шли войной один на другого.

Узнав, что сыновья Всеволода Большое Гнездо не ладят между собой, в распри вмешался княживший в ту пору в Новгороде известный своим воинским пылом князь Мстислав Удалой. Он предложил свою помощь Константину; тот сперва не хотел поднимать меч на родного брата, но ростовские бояре уговорили его собирать полки.

Под предводительством Мстислава Удалого соединенные полки новгородцев, ростовцев и примкнувших к ним смолян и псковичей двинулись на полки владимирцев.

Федор Федорович привел наизусть сразу две цитаты из летописей:

«Вышли все володимерцы на бой и до купца и до пашенного человека», и «Поидоше сынове на отца, а отцы на дети, брат на брата, рабы на господину, и господин на рабы...»

Страшная битва произошла 21 апреля 1216 года на речке Липице близ города Юрьева-Польского.

Такой зверской битвы еще не знали на Руси. Ручьями потекла кровь русская. Сошли новгородцы с коней, сняли сапоги и пешие, босые бросились через болотистую равнину на владимирцев. Мстислав искусно вводил в бой всё новые и новые

полки. Бились страшно — топорами, кистенями, шестоперами, ножами, дубинами; знатнейшие воины рубили мечами, кололи копьями. Сам Мстислав скакал от одного полка к другому, рубил сплеча направо и налево. А добросердечный Константин остановил коня позади, и слезы лились из его очей.

Всего было убито 9233 владимирца.

Юрий потерпел полное поражение. Константин стал великим князем, но не остался в Ростове, а уступил митрополиту и владимирским боярам и поселился во Владимире.

Из летописей известно, что по его повелению много строили из белого камня сперва в Ростове, потом во Владимире, но ни одно здание до нас не дошло. И где стояли те здания, тоже неизвестно, никаких следов их до сих пор не обнаружено.

Федор Федорович объяснил, почему у белых камней, находящихся в селе Радуль, одна сторона была неровной, едва отесанной. Ее не требовалось тесать, ведь тогда строили так: выкладывали ряды наружной стены и ряды внутренней, а середину засыпали щебенкой и мусором, заливали известковым раствором. Стены получались толстые, но непрочные. Здания погибали не только от пожаров, а случалось, разваливались сами по себе.

Всего лишь два года, с 1216 по 1218, был Константин великим князем Владимирским и умер совсем молодым. Когда умерла его жена, неизвестно. Похоронен он в Успенском соборе города Владимира...

— Я не в состоянии больше ждать! — Жалобный голосок юноши опять пропищал за спиной Георгия Николаевича.

Он оглянулся. Желтоволосый молодой человек умильно смотрел на него своими прозрачно-голубыми глазками.

— Ваша жена сказала, что после обеда к вам можно приходить в любой день. Пожалуйста, удалимся на несколько шагов в сторону, мне надо вам сказать нечто очень важное...— Голос молодого человека дрожал.

Георгий Николаевич знал, что писатель должен быть от-

звучивым, должен быть предельно чутким ко всем тем, кто к нему приходит. Писатель ведь инженер человеческих душ. К нему обращаются за советами самые разные люди.

А этот ясноглазый юноша-киношник является уже вторично.

— Подождите минуточку,— кивнул он ему, глядя на него поверх ребячьих голов, и тут же шепнул Игорю: — Когда Федор Федорович кончит рассказывать, идите засыпать шурфы, я скоро вернусь.

С этими словами он отошел от толпы и обратился к юноше в ковбойке:

— Слушаю вас.

— Толя,— отрекомендовался тот и повел довольно сбивчивый рассказ. Он сказал, что работает в городе на заводе слесарем, но сейчас находится в отпуске. Он мечтает сразу о трех профессиях, по его мнению лучших в мире: мечтает быть одновременно кинорежиссером, киносценаристом и кинооператором. Аппаратик у него, правда, старенький, слабой светосилы, но снять фильм все же можно. И сейчас Толя привел к дому Георгия Николаевича целый отряд пионеров из лагеря. Его ждут, чтобы начинать съемку.

Георгий Николаевич забеспокоился.

— Какую съемку? — спросил он.

Разговаривая, оба они вышли за церковную ограду и направились вдоль улицы села. Толя катил свой велосипед и говорил:

— Фильм будет о вас. Он так и будет называться: «В гостях у писателя»,— захлебываясь от восторга, говорил юноша.

— Какая чепуха! — воскликнул Георгий Николаевич.

Он узнал, что предприимчивый Толя и сценарий успел разработать, правда не полностью. Еще нужно дописать текст для голоса диктора.

— А почему такая спешка? — очень недовольный спросил Георгий Николаевич.

Толя кротко вздохнул и заговорил. В его дрожащем голосе чувствовалась мольба, смешанная с волнением.

— Да в том-то и несчастье, что в пионерских лагерях планы мероприятий на весь месяц на каждый день, на каждый час вперед расписаны, и нарушать их нельзя никак, ведь они высшим начальством утверждены. Вот сегодня по плану в два часа «Встреча с интересными людьми города, района или области», в данном случае встреча с вами. Если до пяти вечера киносъемка не будет закончена, пионеров отдадут в мое распоряжение только через две недели. Отпуск у меня, правда, еще не кончится, но вдруг в день съемки нагрянет дождь, холод, град, буря, ураган. Ведь это значит фильм фу-фу! Хотите, я вам передам основные моменты моего сценария? — в конце своей умоляющей речи спросил Толя.

— Передавайте, послушаю,— недоверчиво буркнул Георгий Николаевич и тяжело опустил на лавочку возле дома Ильи Михайловича.

Толя оперся на свой велосипед и стоя начал пересказывать свой фантастический сценарий.

Будто бы пришли к писателю (то есть к Георгию Николаевичу) ребята-туристы, но не из ближайшего, как оно на самом деле, пионерлагеря, а явились издалека, за сто километров. Писатель в это время в своей расписной будочке сидел, новую книгу сочинял. Внучка к нему прибежала сказать, что пионеры пришли. Ей посвящены единственные кадры, которые Толя успел отснять во время прошлого, столь неудачного своего визита. Малышка в принципе ему понравилась: приветливая, бойкая и типаж подходящий — возможно, будущая кинозвезда.

Итак, внучка прибежала к писателю в его будочку объявить, что пришли пионеры. Эти кадры также отсняты. Поглядев на нее из-под очков, писатель недовольно морщится, очень неохотно отрывается от рукописи и идет беседовать с пионерами. При этом у него улыбка должна быть самая гостепри-

имная. После беседы он ведет их в баню купаться, потом все садятся за самовар пить чай, потом пионеры ложатся на веранде спать. Толя успел осмотреть веранду, она ему очень понравилась, хотя и темновато будет снимать. Но он захватил с собой длинный провод и две осветительные лампы. Потом пионеры благодарят, прощаются и уходят. Вот вкратце и весь сценарий.

— Не правда ли вкусно получится? — спросил Толя, закончив свой рассказ.

Георгий Николаевич заинтересовался всей этой выдумкой. Ему только не понравилось, почему фильм о нем? Лучше бы о каком-нибудь другом писателе. Он почувствовал во рту какую-то кислятину и тут вспомнил, что прошлым летом действительно был такой случай. Проходили через Радуль юные московские туристы, они ему показались очень усталыми, оборвались и запылились во время похода. Настасья Петровна и он пожалели их и пригласили к себе в гости. Они мылись у них в бане, ужинали, пили чай, ночевали на веранде, а утром отправились дальше.

Наверно, Толя обо всем этом разузнал в пионерских лагерях, там слышали о данной истории.

— Вы что же, хотите заснять, как дети в бане купаются? — спросил Георгий Николаевич.

— Ну конечно! — Толя развел руками. — Раз такая сцена необходима, значит, будем снимать их голышом. Артистам ради искусства всякие пытки приходится терпеть. Сперва будут мыться мальчики, потом девочки; понарошку, конечно, без мыла и без воды. И чай пить из самовара будут понарошку, тоже без воды. И спать на веранде на полу тоже понарошку, только глаза закроют.

Будущий кинорежиссер, киносценарист и кинооператор говорил с упоением, захлебываясь от восторга.

— Нет! Нет! Нет! — решительно повторил Георгий Николаевич несколько раз. — Мне просто некогда, мне нужно по-

весть писать да еще присматривать за московскими ребятами, у которых заболел руководитель похода. И еще я занимаюсь археологическими раскопками. Нет! Нет! Нет! — он замахал руками, точно отгонял комаров.

Толины прозрачно-голубые глаза помутились, он с силой надавил на велосипед, и тот даже скрипнул.

— В городе объявлен конкурс на лучший любительский кинофильм,— дрожащим голосом заговорил Толя.— Первая премия — киноаппарат «Омега». Это лучший в нашей стране, лучший в мире киноаппарат. Мой фильм, если только вы мне поможете, завоюет эту первую премию. А если я получу «Омегу», то наверняка осуществлю свою заветную с самого детства мечту — стану кинорежиссером, киносценаристом и кинооператором, буду ставить и снимать лучшие фильмы с лучшими киноартистами. Прошу вас, умоляю! — докончил Толя свою речь.

Да, писатель должен быть предельно отзывчивым. И Георгий Николаевич сдался.

— Ну, если первая премия, то пойдёмте,— сказал он, поднялся с лавочки и покорно поплелся к своему дому.

Толя вскочил на велосипед и умчался вперед.

Г 14 Глава

СЪЕМКА
ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА

— Здрав-стуй-те! — таким радостным возгласом встретил Георгия Николаевича выстроившийся шеренгой отряд пионеров.

Новые юные гости были в таких же, как у московских туристов, синих спортивных костюмах, но выглядели на год или на два моложе. Сбоку шеренги стояла, очаровательно улыбаясь, пионервожатая, в шортиках и с высоко вспушенной при-

ческой. У ее ног кучей валялись рюкзаки, как Георгий Николаевич выяснил впоследствии, туго набитые травой. Настасья Петровна и Машунька расхаживали возле ребят.

Толя начал распоряжаться.

Так как пионеров придется в пять часов отпустить, съемка будет идти не в том порядке, как идет сценарий, а начнется с массовых «игровых» сцен, ну хотя бы со сцены «Пир». Все сидят на веранде вокруг стола перед пустым самоваром, пьют из чашек, стаканов и кружек подкрашенную водичку, а в тарелках вместо каши насыпается...

Настасья Петровна, услышав о таких выдумках кинорежиссера, воскликнула: «Уму непостижимо!» Самовар она поставит на стол кипящий, чай гости будут пить настоящий, да еще с сахаром, с печеньями, пообедают... Какое самое скорое кушанье можно приготовить? Да просто вермишель с маслом. Но на все эти приготовления нужно время, поэтому Настасья Петровна просила съемку «Пира» провести позднее.

Тогда Толя сказал, что начнем со сцены «Баня».

Толпа направилась мимо светелочки в конец участка. Ребята отродясь настоящей деревенской бани не видывали. С любопытством ходили они вокруг постройки, заглядывали в крохотное окошко.

Это замечательное древнерусское изобретение было просто маленькой избушкой из двух комнаток. Сперва шел предбанник с лавочкой, дальше мыльная с полком наверху для парки, с двумя лавочками вдоль закоптелых стен, с чугунным котлом на десять ведер, вмазанным в печку-каменку. Через крохотное окошко едва проникал свет, и в бане стояла полутьма. Сквозь открытую верхнюю заслонку печки виднелась куча камней. Если обдавать раскаленные камни водой, поднимается такой густой пар, что ничего нельзя различить, а жара становится совершенно нестерпимой.

Георгий Николаевич пользовался любым предлогом, чтобы заинтересовать ребят историей.

Пока Толя возился с электропроводкой, он начал рассказывать, что с древних времен русские люди отличались чистоплотностью и неизменно по субботам мылись и парились в бане, но мыло тогда еще не было изобретено, поэтому они пользовались щелоком, то есть золой, разведенной в воде, и при этом нещадно хлестали свои бока березовыми вениками.

Кстати, в Западной Европе бань не знали и мыться не любили. Французский король Людовик XI мылся в ванной чуть ли не раз в год.

Бани в Древней Руси назывались «черными», крохотные окошки затягивались бычьими пузырями, а вместо печки был очаг с кучей камней, и дым выходил не через трубу, а просто в дверь.

В летописях баня упоминается несколько раз.

Княжил некогда в Киеве великий князь Игорь. Отправился он в 945 году в земли славянского племени древлян и был там убит. Его вдова княгиня Ольга поклялась отомстить за смерть мужа. Когда в Киев прибыли древлянские послы сватать Ольгу за своего князя Мала, она им предложила с дороги попариться. Послы, ничего не подозревая, с радостью согласились. Ольга велела запереть за ними дверь и поджечь баню. Несчастные сгорели заживо.

Другой случай такой.

В 1207 году в южнорусском городе Галиче княжил князь Роман Игоревич. Однажды в субботу и он и все его подданные, ничего не подозревая, разбрелись по своим баням. А в этот час на город внезапно напали враги венгры и бедного князя голышом потащили в плен.

Хотел было Георгий Николаевич рассказать, как поется о банях в былинах, как любили париться богатыри, но тут его перебил растерянный Толя.

Вяснилось, что провода осветительных ламп не достают до бани от электрической сети дома. Что же делать? К великой Толиной досаде, пришлось отказаться от великколепных

кадров моющихся ребят. Он будет снимать мальчиков вполне одетыми; они только вбегают в баню с тазами и с березовыми вениками.

Настасья Петровна тут же предоставила в распоряжение киноартистов шесть тазов, а свежие веники ребята наломали сами на склоне горы.

Все мальчики захотели сниматься. Толя придиричиво их оглядел и отобрал шестерых, самых, по его мнению, «кинотипажных».

— Понимаете,— поучал он их,— вы, юные туристы, жестоко измучились во время похода, устали, вы не мылись две недели, а сейчас предвкушаете величайшее наслаждение. Вы мечтаете, как будете горячей водой с мылом, с мочалкой смывать с себя походную грязь, как залезете на полочку хлестаться веником. Постарайтесь выразить такое наслаждение. Итак,— продолжал Толя,— с вениками и с тазами вы бежите наперегонки, вы открываете дверку, вас обдают клубы пара... Но сперва давайте проведем репетицию.

Георгий Николаевич забрался в баню. Он никому не доверил жечь на лавочке зеленые листья. Дым, выходящий из наружной двери, будет изображать пар.

— Приготовиться! — скомандовал Толя и положил киноаппарат на траву.— Раз, два, три!

Мальчики побежали.

— Нет, не так.

По мнению Толи, мальчики бежали «без предвкушения наслаждения», то есть улыбались, не раскрывая рта. Толя заставил их бежать вторично и только на третьей пробежке закрутил киноаппарат.

Он уже не был прежним восторженным и робким прозрачно-голубоглазым юношей, а превратился в подлинного и вдохновенного кинорежиссера, сквозь разрозненные кадры ясно представлявшего себе весь фильм. Он подавал команду,ставлял артистов, бранил одного за недогадливость, другого

за то, что споткнулся. Голос его гремел, желтые волосы раз-
вевались, а потемневшие глаза «метали молнии».

Съемка первой сцены затянулась надолго. Георгий Нико-
лаевич начал сомневаться, успеет ли Толя за день заснять
остальные сцены.

Предстояла съемка шести девочек, выбегающих из бани
якобы после мытья. Настасья Петровна очень удачно приду-
мала повязать им на головы мохнатые полотенца.

Георгий Николаевич опять забрался в баню со спичками и с ворохом зеленых листьев.

Толя закрутил киноаппарат. Девочки побежали, крича и хохоча, звеня тазами, махая вениками. Пионервожатая в шортиках тоже повязала себе на голову поверх впущенных волос мохнатое полотенце. Она, видимо, была очень счастлива временно превратиться в кинозвезду, улыбалась и бегала наравне с остальными артистками.

Толя бегал быстрее всех и туда и сюда. То он примеривался, прицеливался своим киноаппаратом, то ложился на живот на землю, то залезал на соседние деревья, на забор, на крышу светелочки и при этом истошным голосом командовал и бранился.

Наконец съемка и этой сцены благополучно закончилась. Все направились к дому.

Какую же сцену Толя хотел снимать следующей — «Пир», «Беседу с писателем» или «Подготовку ко сну»?

Настасья Петровна принимала живейшее участие в съемке «Бани» в качестве консультанта и только еще собиралась варить вермишель и ставить самовар, значит, «Пир» опять придется временно отложить...

— Будем снимать «Подготовку ко сну»,— объявил Толя.

С веранды вынесли столы, стулья, скамейки. По сценарию ребята должны были лечь в своих одеждах прямо на пол, подложив под головы рюкзаки. Сперва лягут мальчики, к правому краю веранды, потом их выгонят, и тогда лягут девочки, но уже к левому краю. По ходу сценария и те и другие никак не хотят угомониться и будут отчаянно шалить. Явится «сердитый писатель», то есть Георгий Николаевич, и попытается утихомирить баловников.

И на этот раз Настасья Петровна не могла согласиться с таким сценарием. Раньше, когда у них устраивалось ночевать человек по двадцать либо дорогих друзей, либо вовсе незнакомых туристов, она действительно укладывала их всех спать

на полу веранды, но предварительно стелилось все, что можно было найти в доме более или менее мягкого. Вот почему Настасья Петровна сейчас забрала всех девочек, повела их в комнаты, нагрузила их шубами, пальто, матрасами, подушками, одеялами, покрывалами, половиками.

— В доме писателя,— утверждала она,— даже «понарошку» гости должны спать более или менее комфортабельно.

Постелили мягкие вещи, на них уложили мальчиков. Георгий Николаевич встал посреди веранды. Толя залез на табуретку. Мальчики начали брыкаться и хихикать.

— Выразительнее балуйте! — кричал Толя.

Он все вертел киноаппаратом, а Георгий Николаевич все размахивал руками и грозил указательным пальцем.

Наконец сцену засняли. Наступила очередь девочек. Всю одежду перетащили на другой край веранды и кое-как уложили непосед. Толя опять залез на табуретку. Девочки вместе со своей пионервожатой брыкались, визжали и хихикали столь неистово, что у Георгия Николаевича заболела голова. А Толя совал ему свой киноаппарат прямо в нос.

Бедной Машуньке очень хотелось участвовать в этой сцене, она все вертелась у Толиных ног. В конце концов тот сжалился над ней и заснял ее прижавшейся к коленям своего дедушки.

— Новый вариант сценария! — радостно воскликнул Толя.

Наконец съемка всей сцены «Подготовка ко сну» была закончена. Толя подошел к Георгию Николаевичу и, прижимая руку к сердцу, заговорил выпреним тоном:

— Несказанно вам благодарен! Вы играли, как высокоодаренный киноартист, ваши жесты получились столь отточено-выразительными, что эти кадры будут лучшими в фильме, и драгоценная «Омега» достанется мне.

В ответ Георгий Николаевич только смущенно поклонился. Наступила очередь съемки сцены «Пир».

Вернули на веранду оба стола, стулья, табуретки, скамьи. На столах постелили клеенки, расставили тарелки, разложили ложки. Ребята приготовились садиться...

Но тут выяснилось непредвиденное недоразумение: вермишель-то была белого цвета. И Толя решительно воскликнул:

— Кушанье не годится! Оно нефотогенично.

Он объяснил, что тарелки с вермишелью будут казаться пустыми. Кушанье должно быть только темного цвета. Какой же выход? Да просто насыпать в тарелки земли с огорода.

Тут в третий раз запротестовала Настасья Петровна.

— Уму непостижимо! — воскликнула она. — Не допущу, чтобы в доме детского писателя гостей кормили бы землей!

Георгий Николаевич отлично знал, какая была на их участке земля. Ранней весной Алеша Попович свалил на грядки и клумбы два прицепа великолепного навоза с колхозного скотного двора. На такой земле удвоится урожай овощей и цветов, но в тарелки ее сыпать было бы просто отвратительно.

Настасья Петровна оставалась непоколебимой. В конце концов она предложила другой выход: через пятнадцать минут будет готов из муки замешанный на сале очень вкусный соус темно-коричневого цвета, которым она польет злополучную вермишель.

Пришлось Толе уступить. Но раз бутафория для сцены «Пир» не готова, киносъёмка переносится на лужайку перед домом. Будет сниматься сцена «Беседа с писателем».

Ребята со своей пионервожатой уселись и улеглись на травке. Георгию Николаевичу была поручена ответственная роль: так захватить своими рассказами юных артистов, чтобы лица их то весело светлели, то хмурились, то сверкали бы от смеха.

Он начал с воспоминаний детства, как любил бабочек ловить.

Толя, подбадривая его радостными кивками головы,ставлял киноаппарат то на слушателей, то на него.

— Не получается у вас,— вдруг оборвал он съемку.— Нагнетайте либо страх, либо смех.

— Не могу придумать ничего страшного. Бабочки-то не кусаются, не жалят,— оправдывался Георгий Николаевич.

Ребята невольно засмеялись. Толя тут же начал надвигать на них киноаппарат; успел заснять крупным планом одну, другую, третью улыбающиеся рожицы.

— Смейтесь, смейтесь, черт возьми, во весь рот! — кричал он.

— А почему меня не снимаешь? — сердито спросила его пионервожатая, поправляя свою высоко взбитую прическу.

Толя даже не обернулся — он наконец заставил ребят смеяться более или менее естественно,— но бросил Георгию Николаевичу короткое:

— А вашей трактовкой образа писателя-рассказчика я не удовлетворен.

Георгий Николаевич собирался обидеться. Но его отвлекло другое: с того места за калиткой, где он сейчас стоял, вся заросшая травкой улица, все разноцветные прелестные домики тихого Радуля были хорошо видны. Никогда ему не надоедало любоваться ими. Но сейчас он не обратил на них никакого внимания, его встревожило не на шутку совсем иное...

«А ведь что-то случилось в нашем селе».

Еще раньше, когда пионеры рассаживались на лужайке, он увидел радульского рыжеволосого мальчишку Леньку, за свою обезьянью вертлявость прозванного Лешонком, то есть маленьким лешим. Откуда-то тот примчался и пронзительно засвистел, зазывая друзей. Мальчишки собрались, перекинулись отрывистыми словечками и помчались на дальний конец улицы к церкви. Потом бабушка Дуня быстро-быстро затоптала по ступенькам своего крыльца, побежала к соседке; вместе они достучались до третьей соседки.

— Ганька! Не слыхала, что ль? — крикнула бабушка Дуня.

Все трое заторопились опять-таки к церкви.

«Что случилось? Пожар?» — спрашивал самого себя Георгий Николаевич.

«Такое несчастье — тьфу-тьфу, чтобы не сглазить! — говорила бабушка Дуня, — такое несчастье было в селе в последний раз, когда горел боярский терем лавочника Суханова. Но тогда крыши соломой крыли».

«Что же случилось? Утонул кто? Может быть, у юных археологов вспыхнул какой-то скандал? Подрались с деревенскими мальчишками?»

Георгий Николаевич начал беспокоиться.

Он вспомнил, что вот и Алеша Попович не проезжал мимо его дома на своем коне. Почему застрял бульдозер? А где Федор Федорович? Неужели уехал не простившись?

Где уж тут рассказывать о детстве! Георгий Николаевич заикался, покашливал. Да и как его рассказ мог идти плавно, когда он вдруг увидел самого Илью Михайловича. Тот выскочил из своего дома с лопатой в руках и также заспешил по направлению к церкви.

«Ну, уж если сам Илья Муромец побежал, — заволновался Георгий Николаевич, — значит, и правда что-то серьезное. Побежал с лопатой, значит, не из-за утопленника. Так что же такое стряслось?»

Тут бригадир Иван Никитич вышел из своего дома, поспешно завел мотоцикл, посадил жену на багажник, младенца перед собой и умчался в том же направлении. Жена Ильи Михайловича бабушка Агафья с мотыгой на плече тоже побежала к церкви, но раздумала и повернула к дому Георгия Николаевича. Почему с мотыгой? Он мучился в догадках.

Старушка была маленькая, кругленькая, она проворно семенила ножками и при этом пыхла, как убежавший самовар. Шариком катила она по улице и казалась ребятам очень смешной. Они вдруг захохотали, держась за животики, разинув рты.

— Вот так смейтесь! Вот так хохочите! — радостно закричал Толя и сам очень смешно запрыгал со своим киноаппаратом.

Старушка просеменила мимо пионеров прямо в дом, где Настасья Петровна готовила соус для сцены «Пир».

Тут раздался новый взрыв хохота юных артистов. Ликующий Толя совал киноаппарат в нос одному, другому...

В этот момент Машунька незаметно пробралась к Георгию Николаевичу и протянула ему записку.

— Дедушка, тебе от бабушки письмо, — пропищала она.

Издали он увидел Настасью Петровну и бабушку Агафью. Они поспешно спускались с крыльца, собираясь куда-то идти, лица их были явно встревоженные.

Георгий Николаевич надел очки и прочел записку:

«Твои питомцы сзади кладбища откопали двух мертвецов».

Он прочел еще раз. У него подкосились колени, екнуло сердце...

— Придется кино съемку прекратить, — произнес он окаменевшим голосом.

— Как — прекратить? Почему прекратить? Да вы что? — Побледневший Толя схватил его за руку. — Еще сцена «Пир».

Пионервожатая вскочила. За ней вскочили недоумевающие пионеры.

— Никаких пиров! — прохрипел Георгий Николаевич сквозь зубы и протянул Толе записку.

— Ну и что такое? Ну, нашли трупы. Это дело милиции. При чем тут вы? Вы хотите лишить меня «Омеги»? — кипятился Толя, не выпуская руку писателя из своих цепких пальцев.

— Пустите меня! — вопил Георгий Николаевич.

Толя держал его руку изо всех сил.

— Не пушу! — вопил Толя. — План лагерных мероприятий! Встреча с интересными людьми! Я получу пионеров только через две недели! Вермишель протухнет! Вы срываете кино съемку!

Убедительных доводов, чтобы сжалиться, набралось предостаточно, к тому же Георгий Николаевич обладал, в общем-то, покладистым и мягким характером. Сердился он редко, но если вспыхивал, то настолько страшно и бурно, что мог напугать других. Сейчас он силился вырвать свою руку из Толлиных пальцев и вот-вот готов был рассердиться вот эдак — страшно и бурно.

Кровь застучала в его висках, разгневанное лицо покраснело. Он заговорил громовым голосом:

— Юноша, я вдвое вас старше! Если вы сейчас же не оставите мою руку, то...

— Простите меня,— пробормотал Толя и разжал свои пальцы. Кажется, он не на шутку испугался гневных очей Георгия Николаевича.— Мы тогда к вам придем через две недели. Можно? — жалобно попросил он.

— Можно,— буркнул тот и повернулся к пионерам, которые с недоумением и любопытством столпились вокруг.— Ребята, извините меня, пожалуйста,— сказал он им,— но я спешу по очень важному делу. До свидания.

— До сви-да-ни-я! — хором проскандировали пионеры.

Пионервожатая отдала команду строиться, а Георгий Николаевич скорым шагом, не оглядываясь, заторопился к тому песчаному склону, где, по его расчетам, московские юные туристы должны были закапывать шурфы.

П 15 Глава

И БЫЛА У НИХ
ЛЮБОВЬ, КАК У СОКОЛА
С СОКОЛЦЕЙ...

Когда желтоволосый киношник Толя увел Георгия Николаевича, Федор Федорович завершил свой рассказ о князе Константине такой несколько торжественной концовкой:

— Я хотел сказать вам несколько поучительных слов.— Он отступил на два-три шага и заговорил с неожиданной

дрождью в голосе: — Я увидел в ваших сердцах подлинные искорки горячего увлечения русской стариной. Надеюсь, что искорки ваши в будущем разгорятся ярким пламенем. Тот, кто любит и бережет прошлое своей Родины, любит и настоящее, любит свою столь прекрасную страну... Не огорчайтесь, что поиски тайны старого Радуля закончились. В будущем вам придется искать и находить еще много тайн на земле, под землей, на воде, под водой, в воздухе и даже в космосе... — Он замолчал было, потом добавил самым обычным голосом: — Я с вами не прощаюсь, еще приду посмотреть, как вы закопали шурфы.

Он круто повернулся, подошел к церкви, снял свою соломенную шляпу и опять стал с большим вниманием рассматривать каждый белый камень, слагавший стены. Он надеялся, не попадутся ли еще какие-нибудь знаки, выбитые мастерами-камнесечцами или зодчим.

А ребята остались. Остался и Алеша Попович. Он открыл капот бульдозера и начал возиться в моторе.

Все мальчики и девочки стояли и думали о словах археолога. Но почему рядом с самой поэтичной романтикой уживается самая скучная проза?

— А закапывать шурфы надо, — буркнул Игорь.

Как не хотелось идти закапывать шурфы! Никому не хотелось.

Да, копать, чтобы искать — хоть и было трудно, но зато интересно. А закапывать... Такое занятие напоминало классную работу по алгебре в солнечные дни перед каникулами.

— У меня мозоли лопнули, — угрюмо проворчал Миша, показывая ладони.

— А у меня руки от волдырей распухли, но я терплю, — так же угрюмо ответил Игорь.

— Девочки, а давайте лучше мы пойдем закапывать. Мальчишки наши в инвалидов превратились, — сказала Галя — бывшая начальница. Нельзя было понять, слышалась ли в ее голосе насмешка или искреннее сочувствие.

Тут Галя-кудрявая неожиданно подскочила к Алеше Поповичу, который все что-то прикручивал в своем моторе. Умильным голоском она попросила его:

— Дядя Алеша, ну пожалуйста, закопайте нам шурфы!

Игорь услышал ее и скорым шагом тоже подошел к бульдозеру.

— Учитель физики нам рассказывал,— заговорил он очень серьезным тоном,— что механизация — это великая сила. Машина может заменить труд сотен и даже тысяч людей.— И вдруг он переменял тон и закончил еще более умильным девчоночьим голоском: — Дядя Алеша, ну пожалуйста, закопайте нам шурфы!

Радульский богатырь наклонился над мотором, показывая ребятам только измазанную автолом спину своего комбинезона. Игорь вынужден был обратиться к этой спине.

Богатырь обернулся не сразу.

— Без разрешения начальства подобные самовольные действия называются работой налево, кроме того, произведется внеплановый пережог горючего,— глубокомысленно изрек он наконец.

Тут все девочки обступили его. Они не чувствовали противного запаха, не боялись испачкать свои синие спортивные костюмы и принялись просить, умолять:

— Ну, дяденька Алешенька, ну, миленький, ну, что вам стоит? По одному ряду ямочек своим коньком пройдетесь, по другому, по третьему... Туда—обратно, опять туда — и нет шурфов, только гладенькое место. Ну, миленький, ну пожалуйста!.. Смотрите, какие наши мальчишки несчастные, как у них ладоши болят... Ну пожалейте их...

Галя-кудрявая совсем осмелела. Она протянула руки, намереваясь обнять Алешу Поповича, но тот отстранился от не прошеной девчонки.

А мальчишки сгрудились в стороне и с интересом наблюдали.

Радульский богатырь был очень смущен; не только щеки, даже уши его и шея покраснели. Он поворачивался то к одной, то к другой девочке, а вся их синяя ватага прыгала вокруг него, упрашивая сладенькими голосками.

Какой же храбрец устоит против тринадцати русалок-искусительниц? И радульский богатырь сдался.

— Показывайте, где местонахождение объектов, подлежащих засыпке,— нарочито строго сказал он и вскочил в кабину.

Трое мальчишек впрыгнули на подножку бульдозера.

Машина со скрежетом проехала через пролом в церковной ограде, обогнула угловую башенку и направилась к песчаному склону. Все ребята побежали следом за ней.

Алеша Попович направил стальной лемех бульдозера по первому ряду шурфов. Грунт был такой рыхлый, что не требовалось никаких усилий. Стальной конь ехал легко, плавно, слегка покачиваясь. Всадник повернул, конь поехал в обратном направлении по второму ряду, опять повернул, поехал по третьему ряду.

И за десять минут... Да-да, всего за десять минут вместо двух дней от шурфов не осталось и следа.

Тут все девочки бросились целовать Алешу. Все-все до одной кинулись к нему, хоть и был он порядком измазанный. Богатырь вертелся в своей кабине, отворачивал от одной, от другой свое красное лицо, намереваясь удрать, пытался передвигать рычаги. А девочки крепко держали его за комбинезон.

— Командир отряда, можно вас на минуточку? — вдруг услышал Игорь за своей спиной.

Он оглянулся. Сзади стоял Федор Федорович и, возбужденный, взъерошенный, держал соломенную шляпу в руках.

— Пожалуйста, попросите вашего Алешу Поповича проехаться на своем коне не только там, где он зарывал шурфы, но и между рядами. И пусть глубже берет, елико возможно глубже!

Археолог говорил, задыхаясь от волнения.

— Скажи ему, что тут раньше дорога шла,— напомнил Миша.

Скорыми шагами Игорь подошел к бульдозеру.

— Девочки, хватит лизаться, отойдите в сторону! — строго скомандовал он.

Девочки неохотно послушались его и отступили.

— Мы сердечно благодарим вас за вашу бескорыстную помощь,— обратился Игорь к Алеше серьезным тоном взрослого,— но в интересах колхоза вам советуем выполнить еще одну работу. Вы знаете, что когда-то тут шла дорога в город, но из-за песчаных заносов ее забросили и теперь ездят в обход, делают больше километра крюку.

— Да, согласно рассказам стариков, действительно задолго до революции такая дорога существовала,— подтвердил Алеша.

Игорь стал убеждать его, что новый бульдозер — настоящий богатырский конь и за какой-нибудь час работы выроет вдоль песчаного склона всю выемку на глубину метра и даже больше. Правда, чтобы восстановить старинную дорогу полностью, нужно еще мост построить через Нуругду и возвести насыпь на противоположном низком берегу речки, но важно начать...

Алеша слушал, слушал и сказал:

— Начальство заругается.

Тут в разговор вмешался Федор Федорович.

— Если вы сейчас уведете отсюда свой бульдозер,— сказал он,— и переправите его на другую сторону Клязьмы, колхоз не скоро дождетсЯ спрямления дороги. Согласен, произойдет пережог горючего, но зато в будущем появится несомненная экономия.

Алеша долго думал, наконец ответил:

— Решаюсь действовать на свой страх и риск.

— Пожалуйста, начните отсюда.

И Федор Федорович показал то место, где в шурфах были найдены обломки белых камней. Радульский богатырь двинул своего коня вперед вдоль склона. Он управлял им красиво, легко и четко, поворачивал то наискось вправо, то наискось влево, переворачивал горы песку, сгребал целые кубометры то на один бок выемки, то на другой...

Ребята во главе с Федором Федоровичем шагали сзади в две шеренги.

А вдруг на самом деле из разрытого песка покажутся... Если первая шеренга ничего не обнаружит, вторая не пропустит.

Они шли медленно по сырому, свежевыкопанному песку, и ноги их увязали по щиколотку. Они шли, низко наклонив головы, во все глаза всматривались в песок у себя под ногами и по отвалам...

Лемех бульдозера захватывал и отгребал сразу так много песку, что Федор Федорович начал опасаться — раздавит такая махина историческую ценность и останется неизвестным, что именно раздавит.

Он остановил Алешу Поповича, попросил его повернуть бульдозер, поехать в обратном направлении, расширяя выемку.

— Только поезжайте, пожалуйста, осторожнее, медленнее,— молил он.

Первой заметила темное пятно на песке Галя-кудрявая. Она замедлила шаги, посмотрела на пятно и попросту перешагнула через него...

Следом за Галей во второй шеренге двигался Миша. Он увидел у себя под ногами это пятно в виде ровного прямоугольника, но размером по крайней мере в три, а то и в четыре раза длиннее и шире, нежели белокаменная плита с изображением всадника.

Миша остановился и начал внимательно разглядывать пятно. Везде песок был ровный, желтовато-серый, а тут чуть темнее, скорее буровато-серый.

— Смотри, что-то тут такое непонятное,— сказал он Гале.

Та подошла к нему, нагнулась, внимательно осмотрела темноватый прямоугольник и вдруг заорала истошным голосом:

— Идите все сюда!

Игорь и другие мальчики даже не обернулись и пошли дальше, нагнув головы, следом за бульдозером. Они думали— мало ли из-за чего девчонка визжит, может, быстроногого жука или дохлого крота увидела, которого стукнуло бульдозером.

А Федор Федорович подошел к Мише и Гале-кудрявой. Увидев темноватый прямоугольник, он ахнул, но бросился не к нему, а в сторону и начал торопливо обламывать торчавшие из песка стебли прошлогодней полыни. Тут к ним подошли остальные мальчики и девочки.

А бульдозер продолжал двигаться вперед.

Никто не понимал, что делает Федор Федорович. Воткнув в каждый угол прямоугольника по стебельку, он вдруг выпрямился и сказал Игорю:

— Беги и догони Алешу Поповича! Пусть возвращается на своем коне.— Он обернулся к другим мальчикам: — А вы, прошу вас, поскорее за лопатами!

— Они знают где? К колокольне прислонены! — крикнул им вдогонку Игорь.

Мальчики вернулись с лопатами одновременно с подъехавшим Алешей Поповичем.

— В чем дело? — спросил тот, спешиваясь и подходя к толпе.

Девочки наперерыв хотели ему показать... А показывать было нечего. Только что проступившее темное пятно на песке успело высохнуть, и контуры прямоугольника теперь угадывались лишь по четырем тоненьким стебелькам.

— Милейший мой, очень прошу вас, заезжайте отсюда и пройдитесь вашей машиной от сих пор и до сих пор,— пока-

зывает Федор Федорович. Его руки и нижняя челюсть тряслись от волнения.— И поглубже, поглубже, еще раз прошу вас, захватывайте.

— А позвольте вас спросить, что же вами обнаружено?

— Ах, ничего еще не обнаружено! — в отчаянии восклицал Федор Федорович.— Археологи, подобно прочим смертным, не обладают способностями видеть сквозь землю. Они могут лишь предполагать, лишь предвидеть.

Пока Алеша Попович разворачивал бульдозер, он повернулся к ребятам:

— Вы понимаете: где песок светлый, там грунт естественный, под ним ничего не может быть, а где песок темный, там люди когда-то копали и, возможно, закопали Нечто.

— Пережог горючего превышает все узаконенные нормы,— вздохнул Алеша, но тут же махнул рукой и со скрежетом двинул бульдозер вперед.

Лемех зарылся, раздвигая песок в обе стороны, сшиб едва заметные сторожки-стебельки.

— Стойте! — крикнул Федор Федорович.

Он взял лопату, легко спрыгнул в только что прорытую бульдозером продолговатой формы яму и начал ударять штыком лопаты в одном месте, в другом, в третьем...

— Голубчик мой,— умоляющим голосом обратился он к радульскому богатырю,— прошу вас, поверните машину и пройдите еще разочек отсюда и досюда. И глубже, глубже захватывайте.

Он выпрыгнул из ямы.

Алеша развернулся, опять поехал, разгребая лемехом, углубляя прежнюю выработку. Опять Федор Федорович спрыгнул вниз и опять ударил штыком лопаты в песок.

Послышался резкий звук — чирк!

— Так. Всё! Сердечно благодарю вас.— Федор Федорович скоренко поклонился Алеше Поповичу и крикнул мальчикам: — Начинайте!

— Больше моя помощь не потребуется? — спросил богатырь.

— Пока нет, благодарю вас.

— Так я продолжу земляные работы по восстановлению старой дороги.

— Да-да, пожалуйста, поезжайте.

Федор Федорович говорил не Алеше Поповичу, а куда-то в пространство. Он забыл думать о радульском богатыре и о его стальном коне, о старой дороге и видел только разрытое место.

Мальчики тут же кинулись копать. Федор Федорович просил их копать быстрее, глубже, но копать осторожнее. И ему и всем ребятам хотелось поскорее узнать: что за твердый предмет прячется под слоем песка? Обо что чиркнула лопата? Четверо мальчиков принялись выбрасывать песок.

Узкий фронт работ не позволял Игорю поставить большее число землекопов. У них теперь набралось достаточно опыта, и они копали с пологими откосами. Через каждые тридцать бросков одна четверка выпрыгивала из ямы, их тут же сменяла следующая.

Сам Игорь не копал, а только командовал, считал броски. Он, бедный, не мог даже взять в руки лопату — такие страшные мозоли были на его забинтованных ладонях.

Ни одной секунды передышки! Копать, копать, доискаться, что же такое твердое чиркнуло под ударом лопаты Федора Федоровича.

И лопаты мальчиков тоже начали глухо ударяться о что-то твердое.

— Не торопитесь! Копайте сугубо осторожно! Археология не выносит варварства! — снова кричал Федор Федорович, бегая вдоль бровки ямы.

Он спрыгнул вниз, выхватил лопату у оторопевшего Миши и сам начал копать столь же ненстово и ни капельки не осторожно... И вдруг бросил лопату...

К этому времени продолговатая яма была выкопана достаточно глубоко.

— Вылезайте немедленно! — крикнул Федор Федорович землекопам. — Девочки, теперь вы, ваша очередь. — Он командовал в нетерпеливом азарте. Вся его трясущаяся фигурка словно говорила: «Скоро, скоро будет найдено Нечто...»

Девочки оживились.

— Будете выкидывать землю просто горстями, — говорил им Федор Федорович задыхаясь. — Горстями, горстями...

В яму прыгнули сразу семь девочек. Их синие фигурки начали проворно нагибаться, выпрямляться, вновь нагибаться... Они нисколько не мешали друг дружке, работали бешеными темпами и пыль подняли такую, словно желтые клубы дыма окутали и яму и их самих.

— Белое, белое! Я вижу белый камень! — первой закричала Галя-кудрявая.

Мальчикам захотелось посмотреть, как постепенно проступало что-то белокаменное. Иные из них встали на самый край ямы. Откосы оказались недостаточно пологими и разом рухнули. Осыпавшийся песок закрыл то белокаменное, что показалось было на дне ямы.

Винючники обвала прыгнули с лопатами вниз, прогнали ворчавших девочек, вновь начали выкидывать песок. Вскоре авария была ликвидирована, опять девочки сменили мальчиков.

Стало проглядываться в разных местах на дне ямы то белокаменное, гладкое, выровненное долотом. Оно было длинное, но не плоское, как плита, а слегка выпуклое, суживающееся к одному концу.

— Я, кажется, догадываюсь, почему сей предмет не прямоугольный, а трапецидальной формы и несколько выпуклый, — говорил Федор Федорович. Он перестал трястись от волнения, а торжествуяще потирал руками.

— Почему, почему?

— Подождите, мне непонятно, почему он более широких размеров, нежели ему подобные, относящиеся к двенадцатому и тринадцатому столетиям, и поэтому я пока воздерживаюсь от объяснений.

Тут откуда-то вынырнул рыжий, вертлявый, курносый деревенский мальчишка Лешонок.

— А что вы делаете? — спросил он, лукаво стрельнув глазами.

Никто ему не ответил — некогда было отвечать. А он уселся в сторонке наблюдать, выставив вперед свой закапанный веснушками носик.

Вскоре на белокаменной поверхности начали показываться валики, мелкие выпуклости и бугорки какого-то рельефа.

— Пустите меня! — крикнул Федор Федорович, скинул свою чесучовую разлетайку и спрыгнул в яму.

К немалому удивлению ребят, он не стал рассматривать, какие изображения проступили на камне, а, засучив рукав рубашки, встал на колени и, вращая кулаком туда-сюда, начал засовывать правую руку у самой кромки камня все глубже и глубже в рыхлый песок. Чтобы засунуть руку выше локтя, ему пришлось лечь на живот.

— Вот где нижняя плоскость, — сказал он, вытащил руку, встал и ребром левой ладони показал на правом предплечье. — Вот смотрите, до какой глубины придется копать, еще сантиметров на пятьдесят, не меньше. — Он вылез из ямы и провел вокруг нее на поверхности земли черту. — До этой линии придется расширять края раскопа.

— Могилу раскопали! — вдруг завопил пронырливый Лешонок.

Игорь хотел ухватить его за штаны, но тот вывернулся и, пронзительно свистя, помчался в село.

— А мальчик действительно прав, — сказал Федор Федорович. — Нами найдено захоронение двенадцатого или тринадцатого века — саркофаг, выдолбленный из единого белого

камня. В Древней Руси саркофаги назывались гробницами, с ударением на первом слоге. То, что вы видите,— это белокаменная крышка. Внутри клали покойника. Мне только непонятно, почему гробница столь необычно широких размеров.

— Наверно, потому, что там двое лежат,— сказала Галя-кудрявая и сразу отступила, смутившись своей смелости.

— Да, девочка, ты права, точнее, я не вижу иных объяснений данному факту. Но дабы убедиться, что здесь похоронено действительно два человека, нам нужно открыть крышку, а чтобы открыть крышку, придется еще очень много выбросить песку из раскопа вокруг гробницы.— Он повернулся к Игорю:— Командир отряда, отдавай распоряжение...— Но ему не пришлось закончить своей речи.

— Земляные работы по разработке выемки для дороги выполнены на сто процентов. Неизвестно, заслужу ли я от Ивана Никитича благодарность или порицание.— С такими словами Алеша Попович подошел к месту работ.— Э, да вами клад обнаружен!— воскликнул он, увидев проступающую на дне ямы белокаменную крышку.

— Не клад, а гробница, в которой похоронено два человека,— ответил Игорь.

— Милейший голубчик,— обратился Федор Федорович к радульскому богатырю.— Не желаете ли вы несколько поразмять свои мускулы?

— Гм-м...— заколебался тот.— Согласно заранее намеченному плану, мне предстоит сегодня переправить мой новейший бульдозер на противоположную сторону Клязьмы.— Он взглянул на часы.— Впрочем, до вечера остается достаточно времени. Дайте лопату наиболее широких размеров.

Богатырь прыгнул в яму и пошел выкидывать. Он встал с одного бока гробницы, четверо мальчиков с другого. Радульский добрый молодец оказался проворнее четверки. С его стороны бок гробницы обнажался быстрее.

Тут прибежали радульские мальчишки, оттеснили москов-

ских, взяли у них лопаты, начали копать. Потом прибежали радульские девочки и скромно встали кучкой в сторонке. Одна за одной, торопливо семеня, появились старушки, за ними женщины помоложе с малышами за руку, иные с грудными младенцами. Явилась и Настасья Петровна с Машунькой.

Пришел Илья Михайлович. Он согнал мальчишек-землекопов и один заменил их. Так они и копали — он с одного бока гробницы, Алеша Попович с другого.

Когда богатыри добрались до нижней кромки белого камня, Федор Федорович спрыгнул в яму и, отстранив Алешу, сел на корточки в углу. Наиболее ответственную работу он никому не мог доверить и сам, своей рукой начал сгребать с крышки оставшийся песок.

Галя-кудрявая и Алла догадались наломать сухой полыни и кинули ему веник. Он смёл последний песок с крышки...

Не сразу все разглядели, что на ней были высечены две фигуры в длинных одеждах. Много веков покоился белый камень под землей, и время сгладило очертания.

— Глядите, глядите, ровно святые на иконах! — первой нарушила молчание глухая жена Ильи Михайловича — бабушка Агафья.

Некоторые старушки начали креститься, кланяться.

— Возможно, вы забыли, что святых изображали с нимбами — тарелочками вокруг голов, что означало сияние, — сказал Федор Федорович, — а таких нет на данных рельефах. — И он пальцем очертил круги над головами белокаменных изображений.

Тут раздалась трескотня мотоцикла. Подъехал Иван Никитич с младенцем впереди и женой, уцепившейся сзади.

— Я смотрю: где весь народ? Ну, трудоспособное население на полях, на фермах. А остальные туточки собрались. Что за причина? — Увидев Алешу Поповича, он спросил его: — А ты чего такие горы понаворачивал? — Он говорил шутивым тоном и, не слезая с мотоцикла, оглядывал отвалы песка

на свежей выемке дороги; наконец заметил раскопанную могилу...— Кто это, что это? — Его голос стал совсем иным, беспокойным.

Все расступились перед Иваном Никитичем. Он подошел к самому откосу ямы.

— Ванюшка, видать, могилку нашего витязя и его женки откопали,— обратилась к нему бабушка Дуня.

— А вы, почтеннейшая Евдокия Спиридоновна, оказались самой догадливой,— сказал Федор Федорович. Маленький, щупленький, стоя на дне ямы, он торжествующе глядел на толпу снизу вверх и улыбался. Очки его радостно поблескивали на солнце.

Тут прибежал запыхавшийся Георгий Николаевич. Как он досадовал, что опоздал, не видел, как откапывались, открывались исторические тайны старого Радуля. Сквозь толпу ему удалось пробраться к самому краю ямы, и то, что он увидел на крышке гробницы, заставило его тут же забыть все обиды.

Впоследствии он говорил, что в первую минуту его больше всего поразила тишина. Ведь толпа собралась человек в пятьдесят, тут были и шумливые ребятишки и любившие поговорить женщины и старушки. И все-все, даже малыши, молчали и стояли, точно окаменев.

На белокаменной крышке гробницы были изображены во весь рост две фигуры.

Одна — мужская, в длинном плаще с одной застежкой у вышитого ворота. Камнесечец изобразил, несомненно, воина, витязя, в остроконечном шлеме-шишаке; под плащом виднелась кольчуга, а ниже кольчуги вышитое, несомненно богатое одеяние. В правой поднятой руке витязь держал копье, в левой — щит с изображением барса, вздыбленного в прыжке. Безбородое мужественное лицо воина было повернуто к зрителям, маленькие губы плотно сжимались, каменные очи смело глядели вперед.

По левую руку витязя находилось изображение молодой,

с тонкими чертами лица женщины. Ее одежда была длинной, в ниспадающих складках. Долото камнесечца прострочило мелкую, точно жемчужную, вышивку на свисающих рукавах, на плечах, на кокошнике, высовывающемся из-под покрывала. Женщина держала правую руку на груди, левую опустила вниз. Лицо ее светилось бесконечной нежностью и печалью.

Словно какое-то внутреннее сияние исходило от обеих белокаменных фигур. Они были прекрасны именно этой внутренней, потусторонней красотой. О такой красоте не говорят, на нее только глядят, вглядываются в нее и молчат, молчат...

— А вот как их звали...— нарушил молчание Федор Федорович.

Он нагнулся и показал на малопонятные для остальных присутствующих высокие славянские буквы на конце крышки. У ног витязя едва различались две буквы: «А» и «Л». У ног его жены также две буквы: «М» и «Р».

— А ведь на церкви, на одном камне выбито граффито. Вы помните? Там тоже буквы «А» и «Л». Вы помните?— Игорь, забыв, что он командир отряда, дергал Федора Федоровича за рукав.

— Помню, отлично помню,— отвечал тот. Он прочел буквы вслух и сказал:— Его звали Алексей или Александр, ее звали Мария.

К нему обратился Иван Никитич:

— Может быть, гражданин ученый, вы разъясните народу, какое историческое открытие сделано.

— Сейчас расскажу,— ответил Федор Федорович.

Продолжая стоять на дне ямы, рядом с гробницей, он заговорил, глядя на всех снизу вверх:

— Белокаменную плиту возле церкви со скачущим витязем, очевидно, не все успели повидать. Там начертано: «Великий князь Константин». Здесь, видимо, Алексей, а не Александр.

Он рассказал о Константине, о его братьях, как они пошли

войной один на другого после смерти своего отца, рассказал, как Константин занимался строительством, как собирал книги...

— По обычаям тех времен, на том камне, что возле церкви, начертано не имя дружинника, а имя князя, кому дружинник служил,— продолжал рассказывать Федор Федорович.— Но вы видите — и на том камне, и здесь на гробнице изображен один и тот же витязь. Черты лица и одежда одни и те же, в этом нет никаких сомнений. И там, и здесь на щите изображен барс, вздыбленный в прыжке. Это герб великого княжества Владимирского. Но ведь точно известно, что князь Константин похоронен внутри Успенского собора города Владимира. Надпись на соборной белокаменной плите надгробия о том свидетельствует. А витязь, который служил Константину, не имел своего герба. Он похоронен здесь. Все сходится, согласно нашим находкам и согласно преданию. Витязь жил тут, в вашем селе, и начал строить из белого камня. И когда каменщики выложили нижние ряды камней, то он начертал на одном из них первые две буквы своего имени.

Далее Федор Федорович объяснил, что такое граффито. Потом он поднял правую руку, указал ею по направлению к церкви и заговорил особо торжественным голосом:

— И там на стене, и здесь на камне начертаны одни и те же буквы «А» и «Л». Я вам, жителям древнего Радуля, открою сейчас вашу тайну: похороненный витязь — Александр или Алексей — сам был зодчим, сам был мастером, искусным и хитроумным. Когда камнесечцы долотили камни, когда каменщики выводили стены, он стоял в стороне и, держа в руках маленькую деревянную модель, наблюдал, как поднимается не то здание, не то терем, не то церковь — все выше и выше. «Измечтана всею хитростью»,— говорится в летописи. Слова то какие жемчужные! Любой русский поэт позавидует такому волшебному сочетанию слов. Начал зодчий — тот витязь — строить и не достроил. И он и его жена умерли одновременно

от какой-то злой болезни. И тогда уstraшенные камнесечцы прекратили строить. И последнее, что они успели создать, была эта белокаменная гробница с изображениями обоих умерших на крышке. Летописи упоминают, что неизвестная болезнь, называвшаяся черной немочью¹, подкосила многих людей на Руси в 1218 году. В том же году умер и князь Константин; отчего он умер, неизвестно. Как звали витязя? Алексей или Александр? Я хочу думать, что Алексей, даже более того — в летописях упоминается дружинник Константина Алеша Попович, тот, о ком былины слагались. Вот чьи останки найдены нами! Предвижу, мои ученые коллеги будут требовать более точных доказательств. Увы, их у меня нет, есть только догадки.

— А я всецело присоединяюсь к вашей теории, гражданин ученый специалист,—неожиданно сказал современный радужский Алеша Попович.

— А нам все одно, как их звали,—отозвалась из толпы бабушка Дуня.— А вот про их любовь великую мы помним и знаем. Малой девчонкой росла, а старухи наши про ту любовь нам сказывали. А теперь мы сами своими глазами увидели гроб белокаменный, где они, сердешные, вместе покоятся.

— И эта их любовь — самое главное,—раздумчиво добавила Настасья Петровна.

— Да, мы не знаем, как они тут жили,—подхватил Федор Федорович,—как жили в окружении вашего раздолья.—Широким жестом он окинул рукой и село, и белую церковь на горе, и ближние леса, и поля, и дальние заклызьменские просторы.— Мы можем только догадываться о той жизни трина-

---

¹ Черная немочь.— Археолог говорит о чуме — страшной заразной болезни, от которой в прошлом гибли тысячи людей, вымирали целые города. Теперь чума практически почти исчезла. Если же единичные случаи ее появляются в одной из стран Азии или Африки, то благодаря энергичным мерам врачей болезнь перестает распространяться.

дцатого столетия,— продолжал он.— Но раз до нашего времени, через семь с половиной веков, сквозь грандиозные события истории дошло то предание о любви прекрасного витязя и его жены, значит, воистину была их любовь, как у сокола с соколицей... Надо бы крышку поднять,— добавил он после некоторого раздумья.

Алеша и Илья Михайлович еще стояли внизу по сторонам гробницы. Иван Никитич к ним спрыгнул. Федор Федорович что-то ему шепнул.

И все три радульских богатыря второй половины двадцатого столетия — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович — разом взялись за белокаменную крышку и немного приподняли ее с одного конца, у изголовья.

Федор Федорович заглянул внутрь. Богатыри подержали крышку в таком положении не более минуты и ее опустили.

— Совсем откиньте крышку!.. Покажите нам!.. Что там такое?.. — раздались негодующие голоса из толпы.

Федор Федорович выпрямился, строго поглядел на всех снизу вверх.

— Я видел. Я убедился. Там два черепа и остатки истлевшей одежды,— очень решительно сказал он.— А вам видеть незачем. Пусть в вашем представлении витязь и его жена останутся такими прекрасными, как здесь.— Он показал на белокаменную крышку.

Все четверо вылезли из могилы.

— Граждане, успокойтесь. Доверяем ученому. Я тоже не видел.— Такими словами Иван Никитич разом утихомирил всех недовольных.

Федор Федорович стал с ним договариваться, в какое время удобнее приехать в ближайшие дни на грузовой машине. Надо, чтобы колхозники помогли погрузать. Он возьмет во Владимир оба белых камня с рельефами: тот, что на пороге у бабушки Дуни, и тот, что у церкви; возьмет также саму гробницу.

— Согласен, каменный гроб — ценность историческая, необыкновенная, — обратился к нему Иван Никитич. — Увозите гроб. Но от имени всех жителей Радуля прошу вас: прах основателей нашего села оставьте, пожалуйста. Мы их тут похороним. — Он говорил горячо, не скрывая своего волнения.

Подумав немного, Федор Федорович обещал доложить начальству; он не сомневался, что просьба жителей Радуля будет уважена. С этими словами он приподнял свою соломенную шляпу и распрощался со всеми.

Толпа начала расходиться, как вдали показалась легковая машина, подъезжавшая к селу. Самые остроглазые ребяташки определили, что это такси «Волга».

В этом не было ничего удивительного — жители Радуля нередко прикатывали из города на такси. Георгий Николаевич решил, что, может быть, прибыл к нему с вокзала очередной московский гость.

Он заторопился навстречу машине и тут увидел, что она повернула не в село, а к толпе.

— Петр Владимирович! — завопили глазастые питомцы Георгия Николаевича, впрочем с этого момента его бывшие питомцы.

Вся синяя ватага с ликующими криками «Ура-а!» помчалась, перегоняя друг друга.

Машина остановилась, и Петр Владимирович вылез. Широкая и светлая улыбка сияла на его лице. И сам он был громадный, широкоплечий, эдакий увесистый — настоящий древнерусский богатырь.

Девочки — с каждой стороны по три, — визжа и хохоча, повисли на руках и плечах своего любимого воспитателя. Мальчики с ликующими криками запрыгали вокруг. Все они радовались так самозабвенно, так искренне, словно никакой тайны старого Радуля не было обнаружено час назад.

— Он же после операции! Нельзя так бешено! — закричал Георгий Николаевич, подбегая к живому ребячьему клубку.

Петр Владимирович каким-то чудом просунул свою левую руку между облепившими его девочками и поздоровался с ним этой левой рукой, а была его ладонь не меньше, чем у Ильи Муромца, то есть у Ильи Михайловича. Что-то он говорил, что-то кричал, кажется «спасибо», но сквозь невероятный гвалт Георгий Николаевич ничего не слышал.

Подошел Иван Никитич.

— Доброго здоровьица! Приходите к нам в правление. Вам аванс выписан. Также две сотни яиц получите,— говорил он.

— Ого-го! — завопили награжденные.

— Девочки, отменяйтесь, отменяйтесь! Мне по делу надо толковать! — силился вырваться от них Петр Владимирович.

— На обширных площадях ваша бригада кустарник пожгла...— продолжал Иван Никитич.— А еще долго у нас пробыть намерены?

— Да с недельку еще поработаем. Разрешите, лучше я к вам вечером зайду. Видите, что со мной делают! — с сияющей, широченной улыбкой говорил Петр Владимирович.

Стиснутый толпой синих радостных бесенят, он двинулся по улице села. Сквозь визги, смех и галдеж слышалось:

— Мы теперь так здорово работаем! — говорил Игорь.

— Мы русской историей увлекаемся! — говорил Миша.

— Нам нужно столько вам рассказать! — говорила Галя — бывшая начальница.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все следующие дни по утрам ребята во главе с Петром Владимировичем, на зависть радульских мальчишек, перебирались через Клязьму половецким способом. На заклязьменской пойме со своим обычным рвением они жгли грандиозные костры под неумолчный гул бульдозера Алеши Поповича,

а после обеда играли в футбол и в волейбол, купались, собирали гербарий, ловили бабочек для коллекции.

Георгий Николаевич спускался к ним по вечерам и о чем-нибудь им рассказывал из русской истории. А вот археологией они больше не занимались. Слишком много сил и напряженной энергии было ими потрачено на поиски, и остыл их изыскательский порыв.

За работу в колхозе они получили столько денег, что решили продлить свой поход еще на неделю.

Наконец настал день расставания. К дому Георгия Николаевича пришли чуть ли не все жители Радуля. Юные туристы выстроились в одну шеренгу. Иван Никитич произнес торжественную речь и вручил Игорю выписку из приказа правления колхоза, в которой было много хороших слов благодарности — «за самоотверженный труд», «за пользу колхозу», «за раскрытие тайны старого Радуля».

Когда Иван Никитич кончил свою речь, ребята по команде Игоря вскинули на плечи рюкзаки. Теперь у всех — у мальчиков и у девочек — они были туго набиты, а рюкзак Петра Владимировича, наоборот, выглядел совсем тощим.

— До сви-да-ни-я! — проскандировали юные туристы.

Петр Владимирович подошел к Георгию Николаевичу и крепко пожал ему руку.

— Еще раз огромное вам спасибо! Вы так много времени отдали моим пострелятам, моим московским незнайкам. Им так было интересно с вами! Вы научили их любить прошлое нашей Родины.

— Ну, не только прошлое, но и настоящее, — возразил Георгий Николаевич.

Вдруг из строя неожиданно выскочили Галя-кудрявая и Алла-медсестра. Обе они — худышка и толстушка, беленькая и черненькая — подбежали к Георгию Николаевичу, подня-

лись на цыпочках, обняли его голову, поцеловали в обе щеки. Потом расцеловались с Настасьей Петровной и с Машунькой и вприпрыжку вернулись в строй.

— Ой, нарушение дисциплины! — послышался негромкий возглас Гали — бывшей начальницы.

Игорь дернулся было вперед, хотел сделать замечание, но вовремя удержался.

— Отряд, шагом марш! — скомандовал он.

И ребята пошли цепочкой, один за другим, согнутые под тяжестью рюкзаков — все в синих, плотно обтягивающих фигуры спортивных костюмах. Командир отряда толстяк Игорь гордо шел впереди направляющим, физрук Миша двигался последним — замыкающим, Петр Владимирович, широкоплечий, огромный, печатал шаг сбоку шеренги. Один Миша оглянулся на ходу. Он мигнул Георгию Николаевичу своим черным озорным глазом, улыбнулся, показав два ряда белых зубов, и зашагал дальше.

Все оставшиеся жители Радуля долго глядели вслед юным туристам, пока их дорога не свернула в лес...

Георгий Николаевич направился в свою светелочку, сел за стол, разложил перед собой исписанные, исчеркнутые, замазанные, подклеенные, обрезанные листки и задумался...

Неделю спустя Федор Федорович привез комиссию на автобусе и на грузовике; в село прибыло десять человек ученых и журналистов, не только из Владимира, но и из Москвы.

Из гробницы были тщательно выбраны уцелевшие украшения: бусы цветного стекла, серебряное запястье, пара серебряных серег, два золотых перстня с камушками, давно превратившимися в пыль, редкой тонкости узорчатая золотая застежка от плаща, наконец, остатки сафьяновых сапог.

Каждую находку Федор Федорович сам завернул в отдельную бумажку и в каждый сверток вложил самолично им написанную записку с указанием, в каком точно месте гробницы была найдена данная драгоценность.

Могила на кладбище была выкопана заранее, дубовый гроб Илья Михайлович изготовил тоже заранее.

Прах витязя и прах его жены были положены в тот гроб и преданы земле. Все до одного жители Радуля собрались на торжественные похороны. Из ближних лагерей прибыли отряды пионеров. Говорились речи, духовой оркестр играл траурную мелодию.

Опустевшую белокаменную гробницу и камень с изображением скачущего витязя погрузили в кузов грузовика. А с тем камнем, что принадлежал бабушке Дуне, чуть было не произошло недоразумение. Когда к ее дому подошла целая делегация и старушка поняла, что от нее хотят, она сразу заартачилась и быстро-быстро затараторила:

— Где же это видано, где же это слыхано? Сперва на одну мою красоту позарились,— и она показала на свою резную доску подзора с датой «1812»,— а теперь другую мою красоту хотите забрать?

Федор Федорович стал ей доказывать, что если доска подзора является истинным украшением ее дома, то камень у порога положен исподней стороной вверх и никто льва не видит.

Тогда старушка спросила, сколько может стоить камень.

— Тебе, бабушка Дуня, лучше в город на базар сходить и там прицениться,— пошутил Иван Никитич.

— Нет цены такому произведению искусства, оттого и просим вас его просто пожертвовать,— сказал Федор Федорович, вздыхая от волнения.

В конце концов так договорились.

Иван Никитич отдает распоряжение выложить бабушке Дуне кирпичный порог на цементе да еще замостить дорожку от ее калитки до крыльца. Камень с изображением льва она дарит во Владимир безвозмездно. А Федор Федорович со своей стороны обещал на стенде над камнем поместить этикетку с надписью: «Дар гражданки села Радуль, Владимирской области, Евдокии Спиридоновны такой-то...»

...С того лета прошел не год, не два, а больше. Каждую весну, еще до распутицы, Георгий Николаевич оставляет Москву и перебирается в свой любимый-любимый Радуль и там, в тиши светелочки, работает до поздней осени. Написал одну историческую книгу, начал другую, которая называется... называется...¹

К Георгию Николаевичу время от времени приезжает Федор Федорович. Они стали большими друзьями и, встречаясь, вспоминают о поисках тайны старого Радуля.

Земля Владимирская хранит в своих недрах множество еще не раскрытых исторических загадок. Они мечтают организовать археологические поиски в других местах и надеются, что им помогут отряды юных туристов.

У обоих друзей много общих фронтовых воспоминаний. Выяснилось, что они служили в одной и той же армии и, не зная друг друга, проделали огромный путь от берегов Волги и до самого до Берлина.

Когда Федор Федорович приезжает, то Георгий Николаевич неизменно подсовывает ему на просмотр очередную пачку написанных им страниц новой повести. И гость придирчиво и внимательно их прочитывает и проверяет достоверность исторических фактов.

Нередко к Георгию Николаевичу являются и другие гости.

Ребята из ближайших пионерских лагерей твердо знают, что приходиться к нему нужно обязательно во второй половине дня, лучше к вечеру. Им так хочется увидеть своими глазами настоящего писателя, да еще детского, да еще поговорить с ним, да спросить его, а трудно ли книги писать, да еще посмотреть его рабочий кабинет-светелочку с ездецом, намалеванным на стене...

Ради такой экскурсии начальник лагеря изредка позволяет нарушать расписание дня, хоть оно и утверждено выше-

¹ Автор не захотел сказать, как называется его книга. Может быть, читатели сами догадаются? (Примеч. редакции.)

стоящими организациями. В день экскурсии ребята остаются без тихого часа и совсем этим не огорчаются.

По-прежнему приезжают к Георгию Николаевичу гости дальние, чаще юные, чем взрослые.

Иные из них видели фильм, заснятый желтоволосым Толей и получивший первую премию на областном конкурсе. Увидели фильм и загорелись ехать — вот ведь какой писатель! С ним, оказывается, можно познакомиться, послушать его рассказы, полюбоваться привольем тех мест, где он живет, да еще переночевать у него на веранде, да еще в его бане попариться не понарошку, а по-настоящему, с березовыми вениками, при температуре прямо-таки невыносимой.

Теперь Машунька подросла, и, когда гости являются к Георгию Николаевичу до обеда, она с расширенными глазками неизменно подбегает к его размалеванной светелочке в конце огорода и говорит: «Дедушка, к тебе пришли».

Конечно, для писателя самое главное всегда было и будет — в безмолвном одиночестве создавать новые произведения. Но Георгий Николаевич нередко оправдывается перед Настасьей Петровной:

— Раз я пишу для ребят, то хочешь не хочешь, а должен быть им верным, изобретательным, неутомимым другом и внимательным советчиком.

Случается, подойдут неожиданные гости к его калитке в самый-самый напряженный час «священного» рождения новых мыслей, новых слов. Может быть, гости прибыли в первый раз, прибыли издалека и, значит, не подозревают о строгом распорядке дня. Настасья Петровна недовольным голосом начинает вести с ними переговоры, а Георгий Николаевич разглядывает их сквозь потайную дырку в дощатой стенке светелочки. И конечно, выходит к ним.

Сперва он показывает им свои произведения — веселые и грустные пионерские повести, потом ведет их на бугор над Клязьмой, что сзади его дома, рассказывает им историю се-

ла Радуль, как витязь с молодой женой проплывали мимо на ладьях, как полюбились им это место и они стали тут жить. Он показывает неоглядные дали заклязьменской поймы, говорит о подвигах удалого богатыря Алеши Поповича, не древнего, а теперешнего своего односельчанина, который на верном стальном коне за несколько лет преобразил заросшую кустарником пойму в тучные луга и огороды.

Потом Георгий Николаевич ведет своих гостей по многоцветной улице села, рассказывает об искусных мастерах деревянной резьбы — Илье Михайловиче и его покойном брате Павле, украсивших все радульские дома; он не забывает показать и белые камни у крылечек этих домов.

Илья Михайлович уже привык, что экскурсия неизменно останавливается перед домом его соседки, бабушки Дуни, и перестал ей завидовать.

Георгий Николаевич показывает на знаменитую, единственную на всю страну доску-подзор с датой «1812», украшающую дом старушки, а случается, ведет экскурсию и к бабушке Дуне на кухню (в горницу нельзя). И все удивляются — ведь старушка совсем дряхлая, а какие чудесные затейливые половики ткет на своем древнем стане.

Потом они заходят за церковную ограду. Георгий Николаевич показывает на доверженный кирпичный столб и рассказывает, как его свалили и как увидели под ним камень с витязем, увезенный теперь во Владимир. Потом они отступают на несколько шагов, чтобы вдосталь налюбоваться стройностью устремленных ввысь воздушных очертаний старинной Радульской недавно отреставрированной церкви.

Георгий Николаевич показывает им настенные граффито, так и не разгаданные знаки — два кружочка и два крестика, и объясняет, какой смысл таится в буквах «А» и «Л».

Экскурсанты прикладывают щеку к стене церкви и пытаются разглядеть, какая же красота была безжалостно стесана варварами XVII века на иных отдельных белых камнях.

Потом Георгий Николаевич ведет своих гостей на кладбище. Там с недавних пор стоит один особенный памятник, искусно вырезанный из дуба Ильей Михайловичем. Перед ним на могильном холмике, покрытом дерном, всегда цветы, по сторонам вкопаны две скамеечки, вокруг холмика посыпано песком, сзади памятника посажены кусты сирени и жасмина.

Все радульские жители, и старые и малые, не забывают ухаживать за могилой своих земляков — древнего богатыря Алеши Поповича и его жены. Они не допускают и мысли, что витязь мог носить какое-либо иное имя.

Последний рассказ Георгия Николаевича посвящен древнему радульскому преданию о витязе и его жене.

Он говорит, что, в сущности, мы почти ничего о них не знаем. Но раз дожило предание о их любви до наших дней, значит, была та любовь воистину велика и прекрасна. Он ссылается на одно поверье, услышанное им от бабушки Дуни: если сокол умрет, то соколица не может прожить без него и одного дня.

Юные гости Георгия Николаевича тоже кладут цветы на могилу витязя и его жены и нередко спрашивают:

— Да правда ли все то, что вы нам рассказали?

— Не только все жители Радуля, но и моя жена, и я, и даже ученый археолог Федор Федорович — все мы убеждены: то, что вы сейчас услышали от меня, все это истинная правда, — уверенно отвечает Георгий Николаевич.

Ему хочется, чтобы его гости подольше задумались бы над всем тем, что узнали от него об истории старого владимирского села на правом берегу Клязьмы под названием Радуль (с ударением на первом слоге).

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава 1.</i>	Об одном почтенном чудаке, о прекрасном витязе, о светелочке	3
<i>Глава 2.</i>	Вечерние и ночные происшествия во время дождя и после дождя	12
<i>Глава 3.</i>	Дисциплина у них — во!	28
<i>Глава 4.</i>	О том, как неожиданно кончился суд	43
<i>Глава 5.</i>	Жестокая битва на левом берегу Клязьмы	59
<i>Глава 6.</i>	Девочки оказались храбрее мальчишек	71
<i>Глава 7.</i>	О знаменитой доске и о чем рассказывала добрая баба-яга	84
<i>Глава 8.</i>	Верный рыцарь и его дама сердца	103
<i>Глава 9.</i>	Что за красота скрывается на прочих белых камнях?	113
<i>Глава 10.</i>	Радульская земля пока не открывает своих белокаменных тайн	136
<i>Глава 11.</i>	Самый интересный день в жизни!	162
<i>Глава 12.</i>	Как начался тусклый понедельник	178
<i>Глава 13.</i>	Почему Георгий Николаевич вынужден был недослушать рассказ археолога	192
<i>Глава 14.</i>	Съемка документального фильма	201
<i>Глава 15.</i>	И была у них любовь, как у сокола с соколицей	212
<i>Заключение</i>	. . . . .	231

Для младшего и среднего возраста

Голицын Сергей Михайлович

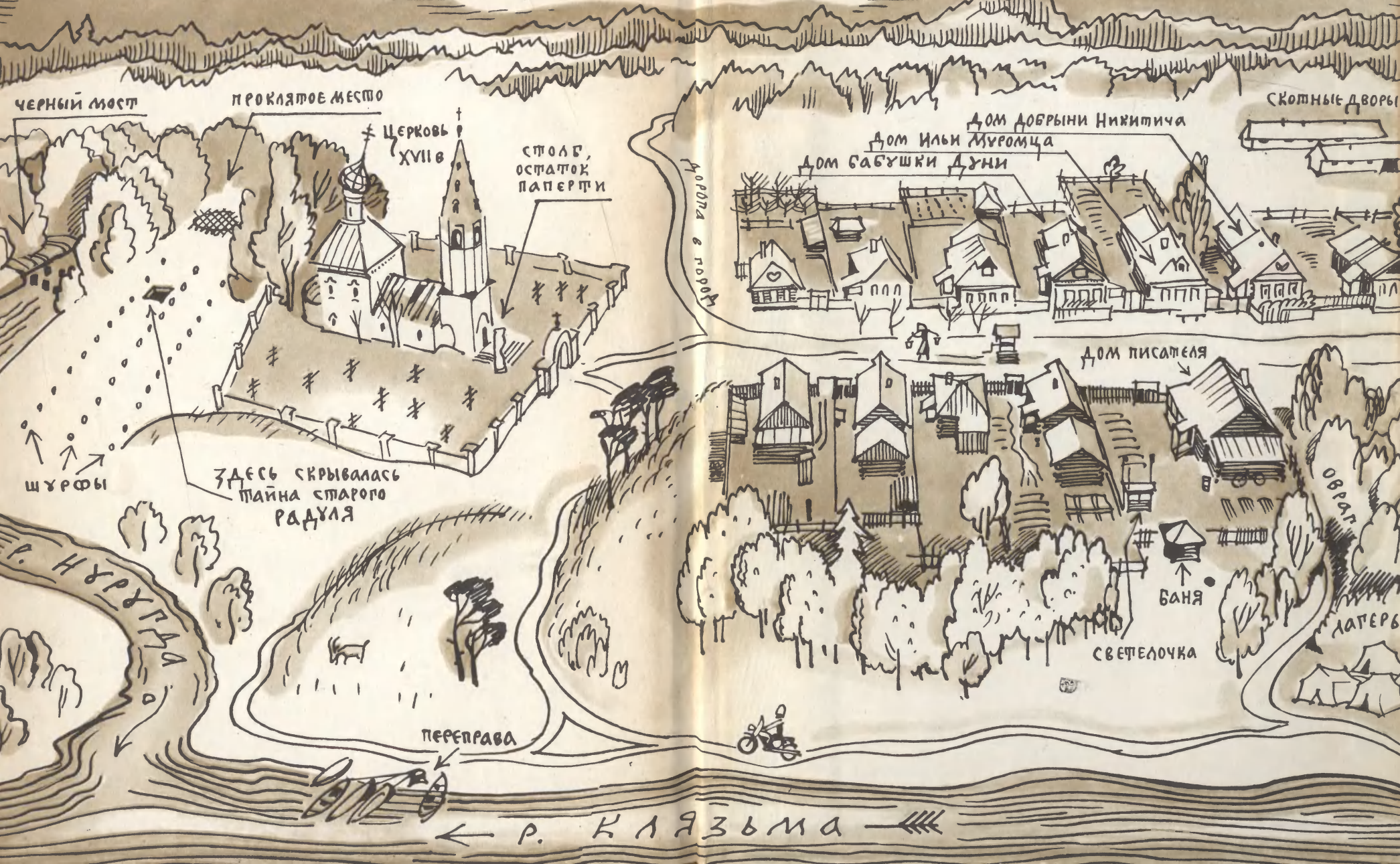
ТАЙНА СТАРОГО РАДУЛЯ

Повесть

Ответственный редактор *Е. К. Махлах*. Художественный редактор *С. И. Нижняя*. Технический редактор *С. Г. Маркович*. Корректоры *К. И. Каревская* и *Е. И. Шербакова*. Сдано в набор 28/IX 1971 г. Подписано к печати 15/XII 1971 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 15. Усл. печ. л. 14. (Уч.-изд. л. 11,24). Тираж 100 000 экз. ТП 1972 № 567. А12479. Цена 46 коп. на бум. № 2. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 2949.

ВИД СЕЛА РАДУЛЬ

Цена 46 коп.